

Библиотека  
филолога

# БФР

М. П. Брандес

## СТИЛЬ И ПЕРЕВОД



Библиотека  
филолога

---

М.П.Брандес

СТИЛЬ  
И  
ПЕРЕВОД

(на материале немецкого языка)



МОСКВА  
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»  
1988

ББК 81.2 Нем-923

Б 87

*Рекомендовано  
Министерством высшего и среднего  
специального образования СССР  
для использования в учебном процессе*

**Рецензенты:**

кафедра немецкого языка Киевского государственного педагогического  
института иностранных языков (зав. кафедрой канд. филол. наук доц.  
Н.В. Бессмертная);

канд. филол. наук доц. Е.М. Сазонова (кафедра иностранных языков  
АН СССР)

**Брандес М.П.**

Б87      Стиль и перевод (на материале немецкого языка): Учеб. пособие — М.: Высш. шк., 1988. — 127 с. (Б-ка филолога).

ISBN 5-06-001258-1

Перевести текст с одного языка на другой, точно передав при этом смысл и сохранив стиль оригинала, — задача, решению которой способствует настоящее пособие. Оно знакомит будущего переводчика с закономерностями построения любого текста и с его основными функциями, одинаковыми для текста оригинала и его перевода.

Б 4602010000 (4309000000) — 275 266-88  
001 (01) — 88

ББК 81.2 Нем-923  
4И (Нем)

ISBN 5-06-001258-1

© Издательство «Высшая школа», 1988

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Деятельность переводчика связана прежде всего с выявлением смысла текста. Смысл текста, скрытый от переводчика, обусловлен процессом формулирования мысли и, следовательно, одновременно формированием стиля. Знание готовых стилистических структур и форм как результата указанного процесса очень важно для понимания текста и его интерпретации. Стилистика оказывается в этом смысле пограничной областью, в которой сходятся, с одной стороны, процессы формулирования мысли, а с другой — ее понимания, процессы конструирования смысла и его реконструирования. Знание этих процессов помогает переводчику раскрыть структуру переводимого текста и адекватно понять значение слов и предложений.

В существующей учебной литературе по переводу вопросы стиля в свете перевода рассматриваются традиционно в аспекте функционирования текста и связанным с ним интуитивным восприятием субъективных значений, реализуемых в стилистической организации языка словесного произведения. Вопросы взаимодействия стиля и перевода решаются на уровне сугубо лингвистических процедур. Автор предлагаемого пособия придерживается также лингвистической концепции перевода, но лингвистической в широком понимании этого слова, включающей в себя не только вопросы лингвистической компетенции, но и вопросы производства речевых сообщений и коммуникации посредством текстов. Сквозная идея книги состоит в том, что не языковые соответствия составляют основу перевода, как это принято считать в традиционной лингвистической теории перевода, а более широкий коммуникативно-деятельностный базис, в рамках которого решаются и собственно лингвистические вопросы.

Задачей книги «Стиль и перевод» является определение основополагающих принципов перевода с позиции стиля произведения. Вопросы стиля впервые увязываются с проблемой понимания и интерпретации текста, что связано с выявлением смысла подлинника. Последнее в свою очередь зависит от исчерпывающего понимания стиля подлинника.

Пособие состоит из введения, двух частей и заключения, резюме на немецком языке и предметного указателя.

Введение содержит обоснование соотнесения категорий «понимания», «стиля», «перевода», что предполагает междисциплинарный подход в качестве метода изложения материала.

I часть посвящена изложению проблемы перевода в разных ракурсах, которые представлены в 3-х разделах этой части. В основу концепции теории перевода положена «деятельность перевода». В качестве объекта теории эта деятельность задается как вторичная, репродуцирующая деятельность, в качестве предмета и метода теории перевода принимается категория «понимания», которая рассматривается как функциональная ценностно-нормативная система.

II часть посвящена общей теории стилистики текста. В ней показано фундаментальное различие системы языка и системы употребления языка, образующей текст, рассмотрены вопросы стиля текста как социальной системы. Эта система рассмотрена на трех уровнях: предметном, историческом и функциональном.

Заключение содержит выводы, вытекающие из органической связи явлений стиля и перевода.

Книга предназначена для студентов-филологов и -переводчиков факультетов и институтов иностранных языков, а также широкого круга лингвистов, занимающихся вопросами стилистики, теории перевода, теории интерпретации текста.

Правомерно ли соединение терминов «стиль» и «перевод»? Что выступает в качестве связующего звена между ними? Стиль и перевод являются одновременно и предметом научных дисциплин и сферами практической деятельности. Первоначально (и во многих случаях до сих пор) их соединение ограничивалось прикладной трактовкой сопоставляемых понятий. Современная трактовка этих терминов переросла их первоначальное значение, ибо упомянутые дисциплины стали претендовать на статус теоретических.

Для того, чтобы перевести «стиль» произведения, необходимо четко знать, что это такое. Равно, как необходимо знать, что такое «перевод» как наука. И лишь затем установить точки их пересечения, ту область, в которой перекрещиваются интересы, задачи и проблемы стилистики и переводоведения.

Стилистика и переводоведение — каждая из них представляет собой области междисциплинарного исследования. Это положение справедливо теоретически. Практически же междисциплинарность не дана изначально, а задана, что означает необходимость поиска стыков между составляющими их дисциплинами и также формулирования общей методологической и эмпирической основы, которая обеспечит междисциплинарность. В противном случае происходит механическое соединение совокупности монодисциплинарных исследований в «одном переплете». Именно так происходит со стилистикой и теорией перевода, что затрудняет их органическое соединение.

Для стилистики и переводоведения ключевыми понятиями, оправдывающими необходимость связи и взаимодействия между ними, являются «общение», «человеческая деятельность», «человеческий фактор», объединенные понятием «субъективная реальность».

Субъективная реальность — специфический объект научного исследования, основные черты которого определяются категориями отражения, интенциональности, ценности и смысла. Разумеется, всякое явление субъективной реальности существует лишь в объективированном виде. Проблема формализации субъективного, его кодирования и декодирования является центральной в данной работе. Формализация субъективного носит бинарный характер и осуществляется двумя кодами: аксиологическим (ценностным) и семиотическим (материальным), выполняющими основную функцию коммуникации — понимание и переводимость. Аксиологический код является универсальным языком, обладающий свойством выражать структурные отношения, адекватные целям субъекта и возможностям их осуществления, независимые от

различий естественных языков. Семиотический код уникален и связан с национальными особенностями естественных языков.

Наличие области пересечения между стилистикой и переводоведением не означает того, что они имеют общий предмет исследования. Они достаточно резко отличаются друг от друга. Однако задача данной работы — установить моменты, сближающие их.

Стиль связан с созданием программы оформления ценностно-ориентационной деятельности, перевод разрабатывает систему соотносительных иноязычных средств, реализующих эту программу. По отношению к оптимизации переводческой деятельности задачи стилистики и переводоведения являются взаимодополняющими. Точки соприкосновения этих двух дисциплин намечаются и по линии вовлечения в круг их интересов результатов и методов лингвистики, теории речевой деятельности, общения, семиотики, аксиологии, прагматики, теории систем и других наук. В предлагаемом контексте соотнесения основным предметом стилистики будут выступать знания, а переводоведения — действия, связующим звеном между ними рассматривается понимание как сердцевина переводческой деятельности, ее исходный пункт.

В предлагаемой книге стиль рассматривается как сложнодинамическая система, которая изучается в трех плоскостях: предметной, исторической и функциональной. Каждая плоскость исследования предполагает решение собственных задач, наличие своих координат и своего рабочего языка, поэтому явление «стиля» характеризуется в этой связи терминологически по-разному.

При написании разделов, посвященных теории понимания, автор опирался в основном на труды советских философов, в частности, на следующие: «Герменевтика: история и современность». М., 1985; «Понимание как сложно-гносеологическая проблема». Киев, 1982; «Методологические вопросы историко-научных исследований». М., 1982; Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. «Проблема понимания в философии». М., 1985, публикации дискуссии по проблемам понимания на страницах журнала «Вопросы философии» (1986 г.), а также статьи по данной проблеме, опубликованные в этом журнале ранее.

В данной книге отдельные вопросы стиля излагаются схематично. Более детально они изложены в работах автора: «Стилистический анализ». М., 1971; «Стилистика немецкого языка». М., 1983, а также в ряде практических пособий по стилистике немецкого языка.

# I Ч А С Т Ь

## ПЕРЕВОД И ГЛУБИННЫЕ ТОЧКИ ЕГО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ СО СТИЛИСТИКОЙ

### I. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

#### 1.1. Перевод и состояние его теоретической разработки

Прежде чем перейти к рассмотрению состояния науки о переводе и всех проблем, связанных с ним, следует сделать некоторые оговорки. В данной публикации вопросы стиля рассматриваются в теоретическом аспекте, из чего следует, что вопрос о соотношении стиля и перевода также должен решаться на сопоставительном теоретическом уровне. Поэтому и проблемы перевода следует освещать в теоретическом аспекте. «Теоретическое освещение» — понятие неоднозначное. Общее марксистское понимание теории сводится к пониманию ее как формы опосредованного отражения реальности, специфический характер которого состоит в том, что теория связана с внешним объективным миром через посредство мира идеализаций, абстрактных теоретических объектов [1]. Объект теоретического знания не может быть дан исследователю в качестве предмета созерцания, а всегда представляет собой продукт нашей деятельности [2]. На теоретическом уровне знание приобретает общий характер и стремится дать истину во всей конкретности и объективности ее содержания. Но это — иная конкретность, чем та, которая бытует в обыденном представлении. В.И. Ленин в «Философских тетрадах» определяет конкретное в научном смысле следующим образом: «*Бесконечная сумма* общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте». [Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 252.]

Теоретическое знание предполагает не подробное описание объекта, а проникновение в его суть, выявление законов, основных свойств и отношений, поэтому в нем фиксируются и непосредственно ненаблюдаемые стороны и связи объекта. Это ведет к смещению акцента в познании с анализа на синтез и вызванному им изменению типа предметного содержания, появлению нового содержания, не данного в опыте, о чем речь шла выше. На теоретическом уровне это содержание замещается идеальным конструктом, а именно, теоретическим изображением, выступающим в качестве модели реального объекта. Теория — это логическая модель некоторого строго определенного объекта, цель которой — выявление специфической логики специфического предмета.

Что касается теоретической разработки вопросов перевода, то, по свидетельству А.Д. Швейцера [3], в этой области сделаны лишь первые, хотя и многообещающие шаги в познании природы и основных закономерностей переводческого процесса. К этим первым шагам относятся два круга проблем, претендующих на теоретическое решение:

- фундаментальные проблемы, как то: определение границ перевода, переводимость, адекватность — все эти проблемы взаимосвязаны между собой при теоретическом рассмотрении;
- проблемы, обусловленные процессуальным аспектом перевода, которые в рамках указанных выше фундаментальных проблем, можно рассматривать как технологическую сторону перевода.

При выделении последних в самостоятельную проблематику они могут претендовать на статус эмпирической теории. Сюда относится установление типов эквивалентностей, переводческих трансформаций, стратегий перевода.

Для того, чтобы хотя бы наметить теоретический (научно-теоретический) подход к решению указанных выше проблем, необходимо уяснить вопрос о природе «перевода», которая должна обнаружить основные закономерности этого феномена, его инвариант. Здесь же следует оговорить: ни в одной из существующих концепций перевод не представлен как сформулированная область знания со своим объектом, предметом и методом изучения. Во многих случаях происходит смешение «перевода» как практической деятельности и перевода как понятия, претендующего на статус науки. Природное качество перевода, или иными словами, перевод как объект определяется в общем смысле с различными модификациями в разных концепциях как «... исчерпывающая передача смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [4]. В определение объекта перевода включаются термины, не уточняющие содержание этого явления: «передача», «процесс», «творческий процесс», «языковая деятельность», «особая разновидность речевой деятельности» и т.д. Возникает вопрос: какой механизм, какая система конкретных понятий стоит за этой терминологией? Как правило, в существующих теориях перевода концептуальный аппарат не уточняется, а исследование на неуточненных, неопределенных понятиях осложняет создание научной теории.

В установлении природы «перевода» существует две основных, внутри себя дифференцированных концепции: лингвистическая и литературоведческая.

Наиболее распространенная [5] — это концепция лингвистической природы перевода. В связи с тем, что объект лингвистики носит трехсторонний характер (язык, речь, текст), соответственно в рамках лингвистической концепции перевода выделяются и три основания перевода: системно-языковое, функционально-речевое, семиотическое. Перечисленные онтологии перевода определяют характер закономерностей этого объекта, что в свою очередь формирует переводческие нормы и стратегию переводческих решений.

Лингвисты рассматривают все формы и виды перевода как явление языка, а отсюда и метод изучения перевода — лингвистическая интер-

претация переводческой деятельности. При этом на первый план выдвигается задача описания эквивалентных отношений между двумя языками с акцентом либо на содержательно-предметном инварианте перевода, либо на функциональном, в другой интерпретации, — «формальном соответствии» и «динамической эквивалентности». Следствием такого подхода является мнение, что переводоведение — это часть сопоставительной лингвистики. Однако представители лингвистической концепции в своем большинстве признают, что наука о переводе является комплексной, многоаспектной и не может ограничиться лишь формально-структурными принципами, а должна учитывать экстралингвистические факторы, и прежде всего контекст не только как непосредственное окружение, но и как действительность, обусловившую появление текста и воплощенную в нем автором.

Некоторые представители лингвистической теории (например, И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг) строят теорию перевода в рамках, на первый взгляд, узкого представления о лингвистике как системе языка, без должного учета экстралингвистических факторов [6]. Если повнимательней присмотреться к этим концепциям перевода, то главная их особенность состоит не в том, привлекают или не привлекают они экстралингвистические факторы. Главное в том, что во всех концепциях не определен объект изучения как исходная категория, как фундамент любой теории, в том числе и переводоведения.

На наш взгляд, в первую очередь необходимо выяснить, есть ли у переводоведения собственный объект и если есть, то что под ним понимается: специфическая переводческая деятельность как способность или переводческая деятельность как инструмент, как средство перекодирования языков?

Следуя учению Маркса о том, что основу теории составляет специфическая логика специфического предмета [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 325], представляется правомерным усматривать объект переводоведения в переводческой способности, которая имманентна переводческой деятельности. Переводческая же деятельность как инструмент, средство, орудие имеет своим объектом языки, но этот объект внешний по отношению к переводческой деятельности, и в этом случае переводческая деятельность обуславливает уже не теоретический, а прикладной характер переводоведения.

Авторы труда «Основы общего и машинного перевода» [7] пытаются изучить переводческую деятельность в «чистом виде», как механизм, пригодный для всех форм и видов перевода. Для них переводческая деятельность — объект, а язык — средство ее реализации; для традиционной лингвистической концепции — объектом является язык, а переводческая деятельность — средство его иноязычной реализации.

Ограниченность рассмотрения переводческой деятельности как особого механизма (метаязыка) в названном труде сводится к тому, что «метаязык» рассматривается как комплекс структурно-лингвистических характеристик, основанием которых является порождающая грамматика и теория компонентного анализа, т.е. этот «метаязык» замыкается на системной лингвистике.

Сама идея перевода как «порождения», конечным результатом которого будет иноязычное оформление содержания, на наш взгляд, плодотворна. Однако в этом случае «метаязык» следовало бы вывести за рамки лингвистики в общественное функционирование языка. Тогда бы он предстал как своеобразный генетический код, в котором в свернутом виде заключены все проблемы перевода и их возможные решения. Сама идея указанной концепции содержит возможность целостного рассмотрения перевода как науки.

Еще один момент, который также вытекает из рассматриваемой концепции и при соответствующей разработке может явиться стимулом развития подлинно научной теории перевода, это то, что проблема переводческой нормы здесь (универсальная сетка соответствия ИЯ — исходный язык и ПЯ — переводческий язык) оказывается имманентной самой переводческой деятельности, оборотной стороной этой деятельности. Однако такая трактовка возможна также лишь при условии вывода изучения перевода за рамки лингвистики в семиотику текста.

В лингвистических концепциях, учитывающих экстралингвистические факторы, можно выделить два подхода, основывающихся на разных инвариантах перевода: семантическом и функциональном. Под семантическим инвариантом понимается денотативная сторона высказывания. Под функциональным инвариантом понимается смысловая сторона высказывания, определяемая коммуникативной установкой и функциональными характеристиками высказывания. Соответственно предметом рассмотрения являются либо формальная (языковая), либо динамическая (функциональная) эквивалентность. В этих случаях нормы перевода содержатся во внешних факторах — либо в переводимом содержании, либо в реакции получателя. Ни одна из этих концепций не задается в чистом виде: в семантической обязательно присутствуют превосходящие факторы функционального характера, в функциональной — обязательно предполагается учет семантических факторов. Все это объяснимо, ибо в этих концепциях на первом плане изучения — результативная сторона исходного высказывания (готовый текст), которая носит синтетический характер, поэтому разъять предметное и функциональное содержание (текста) очень сложно.

Приведенные концепции перевода (семантическая и функциональная) нередко включают в себя и деятельность переводчика в качестве номенклатуры требований к профессии переводчика (например, прежде чем переводить переводчик должен быть знаком с предметом (содержанием) переводимого текста). Однако едва ли подобная деятельность укладывается в рамки теории перевода.

Указанные концепции исключают из теории еще одну проблему, а именно, перевод «невидимого» содержания, подтекста, который теоретически связан с «механизменным» видением переводческой деятельности, наметки которой содержатся в концепции перевода И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга. При любом ином видении в действие вступает механизм интуиции.

Подводя итоги краткого критического обзора существующих лингвистических концепций перевода, можно согласиться с приведенным

выше утверждением А.Д. Швейцера, что теория перевода делает пока еще свои первые шаги. Теории перевода, как целостной, системной модели объекта, пока еще не существует. Хотя предпосылки не только наметились, но уже сформулированы и определенные обобщения, вытекающие из практики перевода. Однако следует сказать, что чисто лингвистический подход, усматривающий природу перевода в языке, вряд ли выведет переводоведение на научно-теоретический уровень. Ибо общеизвестно, что язык — не самодостаточный феномен человеческого бытия. За языком как непосредственной действительностью мысли стоит непосредственная действительность общественной практики. А переводческая деятельность является одной из форм прежде всего общественной практики, реализуемой в двуязычной коммуникации.

Л и т е р а т у р о в е д ч е с к и е концепции, имеющие отношение преимущественно к художественному переводу, схематично могут быть представлены тремя направлениями:

- П е р в о е направление характеризуется тем, что природа перевода здесь усматривается в эстетических и литературоведческих факторах, которые связываются главным образом с творческой деятельностью переводчика. Причем в творческой деятельности переводчика основными критериями, формирующими норму перевода, выступают интуиция, индивидуальное мастерство и вкус переводчика, иными словами, художественная одаренность переводчика.
- В т о р о е направление можно было бы обозначить как семантическое. Оно предписывает сохранение в художественном переводе единства формы и содержания при ведущей роли последнего.
- Т р е т ь е направление — функциональное — ставит во главу угла адекватную передачу замысла автора. В этом случае в основу теории перевода (художественного) предлагается положить эстетические, этические, социальные, психологические и др. критерии.

Наиболее последовательно подход к выявлению природы, а тем самым и объекта перевода, представлен в работе А. Лиловой «Введение в общую теорию перевода» [8]. Суть этого подхода сводится к следующему. Теория перевода отнюдь не лингвистическая и не литературоведческая, а самостоятельная научная дисциплина. Это сложный, разносторонний, многосоставный и полифункциональный феномен. Теория перевода имеет границы и точки соприкосновения с лингвистикой, литературоведением, эстетикой, историей, филологией, кибернетикой, социологией, психологией и т.д.

Точно так же и К. Райс [9] подчеркивает, что «языкознание, литературоведение, теория информации, психология, этнология — все лишь часть научных дисциплин, которые должны внести свой вклад в уяснение возможностей, условий и границ перевода». Следовательно, в этих работах осознана необходимость целостного исследования перевода, которое включает в себя как творческий процесс, так и его результат. Перевод в такой интерпретации представляет собой систему, единство общего и специфического. А отсюда потребность в разработке как общей, так и частных теорий перевода.

В работе А. Лиловой сделана попытка выделить предмет общей теории перевода. Намечена номенклатура факторов, которые, по мнению автора, должны сформулировать предмет общей теории перевода. К ним относятся [10]:

- общие закономерности, присущие переводу во всех его разновидностях;
- систематическое изучение его природы, сущности, принципов, цели, происхождения и значения;
- исследование творческого, переводческого процесса;
- проблема адекватности перевода, выявление исторической роли перевода в развитии отдельных народов и всего человечества;
- его взаимоотношение с другими видами духовной деятельности;
- комплекс функций, присущих человеческой деятельности;
- анализ языковой (двуязычной) коммуникации;
- единая система различных форм, видов и жанров перевода.

В качестве метода сведения всех этих факторов в целостность назван диалектический метод (без раскрытия этого понятия). Т.е. объект переводоведения представлен как конгломерат предметов, которые должны быть объединены идеей перевода как духовной деятельности (так задается его онтология). Но возникают вопросы: какова модель этой деятельности? Какой она носит характер? Ведь деятельность — это особая реальность, имеющая свой состав, свои категории, принципы и т.д., через которые следовало бы пропустить перечисленные факторы, чтобы получить теорию перевода как определенную целостность. Каковы задачи предлагаемой А. Лиловой общей теории перевода, которые в какой-то мере конкретизировали бы предложенный объект и предмет общей теории перевода? Среди этих задач она называет следующие [11]:

- раскрыть сущность перевода как сложного многостороннего явления, определить специфические особенности, выделяющие его из других видов духовной деятельности, а также его связи, взаимоотношения и формы взаимодействия с ними;
- научно осмыслить процесс перевода и его результаты;
- исследовать основные задачи и функции перевода в развитии общества и человеческой личности, в развитии народов и их взаимоотношений;
- обосновать постоянно растущую роль перевода и его социальную значимость;
- вывести из практики и теоретически обосновать принципы и методы переводоведения;
- установить требования, которые предъявляет к переводу современный этап его развития и т.д.

Таким образом, в работе А. Лиловой мы видим попытку создания общей теории перевода как определенной целостности, но которая обусловлена не самим изучаемым объектом (который вообще не определен), а факторами, внешними по отношению к этому объекту, ибо вряд ли такую глобальную постановку задач перед дисциплиной «общая теория перевода» можно использовать для создания внутренней специфической логики специфического предмета — перевода. Ведь в научной

теории предмет и его назначение — категории соотносительные.

А. Лилова придерживается общего определения перевода как «воссоздание содержания и формы оригинала средствами другого языка», т.е. объектом рассмотрения должна была бы явиться категория «воссоздания». Но она не только не раскрыта, но и не выдвинута даже в центр рассмотрения. Вот почему имеются все основания считать данную попытку создания теории перевода как определенной целостности (а это неперемнное свойство теории) р е д у к ц и о н и з м о м, иными словами, мотивированием этой целостности не изнутри, а извне. В концепции А. Лиловой дан набор характеристик и условий, которые призваны выполнить интегрирующую функцию. Однако не задано единого основания для всех указанных факторов, а есть много оснований, отсюда и много предметов. Налицо редукция заданной целостности к отдельным факторам и свойствам. Несомненно, редукционизм теории имеет определенный смысл, так как вводит процесс исследования данного объекта в контекст всей «прилегающей» науки, т.е. в систему уже сложившегося научного знания, но в этом случае объект выступает не как уникальность, а как нечто сопоставимое с другими объектами, хотя и не тождественное какому-либо из них. Редукционизм, рассматривая исследуемый объект как совокупность составляющих его частей, как результат воздействия окружающей среды и т.п., остается в рамках только первого — критического — этапа создания научной теории объекта перевода.

Положение, подобное концепции А. Лиловой, имеет место при рассмотрении перевода на лингвистическом или литературоведческом основании.

В результате редукционистского подхода, при котором объект науки сводится к чему-то внешнему, научная дисциплина об этом объекте теряет специфику не только своего метода, но, в конечном счете, и предмета [12]. Не случайно, буквально во всех существующих концепциях перевода, дается лишь общее определение перевода, но нигде не предложен методологический концепт теории, включающий прежде всего определение объекта, предмета и метода исследования.

## 1.2. Перевод как сложная динамическая система

В этом разделе будут предложены некоторые соображения по поводу теории перевода с позиции стилистического, деятельностно-коммуникативного видения объекта и предмета перевода. Положение дел в переводоведении напоминает положение дел в стилистике. И, очевидно, не случайно, ибо перевод и стилистика имеют единые корни в герменевтике (науке о понимании), а отсюда вытекает правомерность постановки проблемы: что представляют собой рассматриваемые феномены стиль и перевод — искусство или науку? Подпадают ли они под статус мастерства или объяснения? Ответ относительно перевода, можно сказать, дан: это и наука и мастерство. Причем, что касается научной стороны перевода, то перед нами уже та стадия научного осмысления, которая может вывести перевод на собственно теоретический уровень. И это закономерно, ибо развитие науки в целом неотделимо от постоянного углубления,

уточнения, часто радикального переосмысления существующих понятий.

Выше уже говорилось, что под теорией в настоящее время понимают логическую модель некоторого строго определенного объекта. Что представляют собой критерии определенности объекта перевода? Здесь много вопросов, и прежде всего, исходный вопрос: к какой реальности относится перевод — к вещной? (что это вещь? языково-речевое произведение как данность?), — к функциональной? (процесс, реализуемый в знаках?) или — к деятельностной? (это и вещь и знак в синтезе?). Если объектом перевода является деятельность, то какая это деятельность: первичная, вторичная, творческая, деятельность тиражирования? Что следует моделировать для воспроизведения объекта перевода?

Перевод предстает как фантом, меняющий свои очертания, свои коренные свойства в зависимости от позиции изучающего, поэтому необходимо прежде всего определить само понятие «перевод» и установить истинную меру конкретности этого объекта, иерархию общности всех его видов и форм. Как нам представляется, в этой иерархии можно установить три уровня конкретности.

- Перевод это деятельность, деятельность духовно-практическая, связанная с коммуникативной деятельностью. Следовательно, для него характерны все признаки категории деятельности в наиболее общем виде.
- Перевод деятельность не продуцирующая, а репродуцирующая, т.е. это не первичная, а вторичная деятельность.
- Эта вторичная, репродуцирующая деятельность осуществляется в материале естественных языков путем их нормативно-ценностного соотношения, т.е. это деятельность языково-текстовая.

На втором уровне конкретности происходит как уточняющая интерпретация понятий предыдущего уровня, так и оформление специфических терминов и понятий, адекватных особенностям данного объекта. И если конкретность первого уровня носит интегральный характер, включает перевод в группу родственных деятельностей, то второй уровень дифференцирует эту деятельность, способствует созданию более подробной и точной модели перевода. И наконец, третий уровень, связанный с двуязычной коммуникацией выявляет синтез инвариантов объекта (или объектов) перевода.

В задачу данного раздела входит разработка модели перевода, которая, конечно, всегда значительно проще и схематичней моделируемого явления, прежде всего с целью оконтуривания всей предполагаемой концепции перевода как целостного явления в его функционально-структурных особенностях и отличиях.

Следует подчеркнуть, что перевод рассматривается в данной публикации как деятельность, что означает также рассмотрение и результата этой деятельности — произведения-перевода, предназначенного для дальнейшего восприятия. Поэтому целостность перевода как объекта включает в себя и материальное звено этой деятельности — переведенное произведение.

Ограничивая и конкретизируя объект перевода духовно-практической деятельностью, необходимо дать хотя бы общие представления о деятельности.

Под деятельностью в общепhilosophическом плане понимается всесторонний процесс преобразования людьми природной и социальной реальности в соответствии с их потребностями, целями и заданиями. Человеческая деятельность реализуется в двух формах: материально-практической и духовно-практической. И та и другая формы имеют одинаковую морфологию: объект и предмет деятельности, субъект и адресат деятельности, саму деятельность как активность (способность), цель и средства. Любая деятельность подразделяется на два этапа:

- п р о е к т и в н ы й (это программа деятельности, носящая идеальный характер и представляющая собой разработку цели в модель, направляющую деятельность) и
- р е а л и з у ю щ и й, объективирующий эту программу в физической материи, в данном случае в языке.

Фундаментальной характеристикой деятельности является диалектика опредмечивания и распредмечивания. Суть этой диалектики состоит в следующем: всякая человеческая деятельность включает в себя, прежде всего, процесс превращения свойств субъекта деятельности, выступающих в виде характеристик его способа действия, его движения и жизни, в свойства объекта деятельности, в характеристики, которые передаются человеком предмету и получают новую форму существования, неотделимую от своего предмета-носителя. К. Маркс назвал этот процесс *опредмечиванием*. [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 94, 121]. «Процесс угасает в продукте... Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан. То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности [Unruhe], теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства [ruhende Eigenschaft], в форме бытия» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 191–192).

Продукт труда может быть присвоен, потреблен как какой-нибудь готовый дар природы, совершенно безотносительно и с полным безразличием к тому, что предмет потребления является результатом труда человека. Но продукт труда может быть присвоен и таким способом, когда он выступает именно как опредмеченный труд, как предметная форма деятельностных способностей человека. Прошлый труд, угасший в продукте и превратившийся в покоящееся свойство, возрождается к новой жизни и вновь переходит в форму деятельности человека. Это процесс *распредмечивания*. Опредмечивание и распредмечивание – процессы противоположные, но взаимосвязанные. Каждый из них предполагает в качестве своего начала завершение другого, они взаимообуславливают друг друга и являются взаимопроникающими противоположностями.

Суть языково-текстовой деятельности – это выявление и понимание смысловых механизмов социального взаимодействия людей. Смысловая информация циркулирует в обществе в виде текстов [13]. Текст о языке деятельность в системе духовно-практической деятельности человека в обществе выступает как знаковое общение, как личностная активность особого рода, которая не ограничивается только познавательно-коммуникативной деятельностью, но представляет собой также спо-

соб актуализации социальных отношений и связей и важнейший компонент механизма взаимодействия [14]. Текст как продукт текстовой деятельности направлен на организацию смысловой информации для общения.

Коммуникация и общение — категории нетождественные. Так, Г.М. Андреева [15] рассматривает общение как более широкую категорию, выделяя в ней две стороны:

- коммуникативную как обмен предметной информацией и
- интерактивную как обмен деятельностью, интенциями, иными словами, как установление смыслового контакта.

Дальнейшее ограничение и конкретизация объекта перевода связаны со спецификой переводческой деятельности как деятельности вторичной, базу которой составляет распремечивание. Распремечивание, как правило, связано с репродуктивной стороной языково-текстовой деятельности. Переводческая деятельность — деятельность вторичная, основу первичной деятельности образует опредмечивание, т.е. продуктивная сторона. Вторичная деятельность как основа переводческой деятельности охватывает воспроизведение оригинала в иной системе языковых знаков. Однако повторение оригинала при переводе не замыкается целиком в системе «автор» исходного текста. Оно только начинается в ней и протекает в основной части этой системы. Оригинальное произведение — это лишь основа переводного произведения. В тексте, продуцируемом в ходе и для целей общения и взаимодействия, как и во всяком продукте предметной деятельности, заложена программа по его созданию, а следовательно, и встречная программа по распремечиванию и осмыслению. Переводчик, наделенный репродуктивными способностями, хорошо усвоивший необходимые навыки, осуществляет здесь переводческую деятельность по заданному образцу. В то же время деятельность переводчика включает в себе особую меру и продуктивного начала, творческого, связанного с выбором решений в рамках заданного образца. Духовная основа оригинала может овеществляться в ином языке в определенном многообразии правомерных переводческих вариантов. И если переводчик воспроизводит, а не проектирует духовную основу оригинала, то его материальную основу он в определенной степени проектирует на базе воспроизведенной духовной основы.

Продукт первичной духовно-практической деятельности — оригинал — воспроизводится как система в продукте вторичной деятельности — переводческой. Правда, существуют различные прагматические виды перевода, в которых используются отдельные элементы оригинала, но в этом случае создается качественно новое целое, имеющее вполне самостоятельную ценность (например, сокращенный вариант перевода доклада).

В рамках переводческой деятельности как деятельности вторичной можно выделить в зависимости от переводимого материала: вторичную, несамостоятельную переводческую деятельность, близкую к тиражированию (официально-деловые, научно-технические документы и др.), и вторичную, относительно самостоятельную переводческую деятельность (публицистические и художественные произведения).

Среди многих фундаментальных свойств общения взаимопонимание в переводческой деятельности, т.е. установление смыслового контакта, является основополагающим. Если исходной категорией первичной продуктивной деятельности является познание, сопровождающим феноменом которого выступает понимание, то исходной категорией в переводческой деятельности выступает не просто восприятие, как это трактуется во многих переводческих концепциях, а п о н и м а н и е, интерпретация, сопровождаемые знанием.

Переводческий процесс, ориентированный на создание продукта переводческой деятельности — текста перевода —, представляет собой весьма сложную систему. Эта система состоит из 2-х подсистем:

- первая подсистема «текст — интерпретатор» представляет собой смоделированный процесс выявления смысловой организации текста, которая играет роль большой стратегии перевода и регламентирует переводческий процесс на втором этапе, на котором осуществляется перекодирование выявленной смысловой модели на язык перевода. Эта смысловая, или нормативно-оценочная, подсистема текста является универсальной категорией текста и не зависит от реализующих ее языков;
- вторая подсистема «текстовая норма — деятель» носит уникальный характер, тесно связана со спецификой национального языка и реализует уже не абстрактное, функциональное содержание, а образное, предметное. Эта подсистема, работающая на выявлении соответствий различного рода между двумя языками, функционирующими в переводе, составляет третье ограничение, третью конкретизацию объекта перевода. Деятельность на этом этапе носит творческий характер, суть которого в выборе одного или нескольких решений, обусловленных глубинно нормативно-ценностной подсистемой оригинала, однако свободных в аспекте отношений между двумя языками, исходном языке и языке перевода.

Приведенные ограничения и конкретизации очертили границы перевода, его строение, сущность и функции (достижение адекватности понимания) и, следовательно, наметили подходы к решению основных проблем перевода:

- переводимости,
- адекватности,
- сочетанию творческих и нетворческих начал в переводе,
- органического включения в систему переводческих задач проблемы языковой эквивалентности.

Что касается предмета перевода, то его определение связано с нормами перевода, которые носят двойной характер и которые зависят от механизмов понимания. Для перевода текст представляет интерес и как продукт, отражающий познавательно-коммуникативную его направленность, и как знак, т.е. как объект, рассчитанный на истолкование.

Переводческие нормы как нормативно-ценностные знаковые системы изначально связаны с «семиологией второго поколения» (Бенвенист), которые составляют основание для конкретных языковых решений,

относящихся к компетенции семиологии первого поколения (естественный язык).

Изложенный в этом разделе подход к теории перевода принципиально отличается от существующих подходов в переводоведении. Традиционно переводческая деятельность связывается с мыслительной деятельностью, базирующейся на отражении, много говорится и о смысловой стороне содержания. В предложенной трактовке за основу взята речемыслительная деятельность, связанная со вторичным познанием мира в общении, т.е. с деятельностью информационно-коммуникативной, в результате которой создаются осмысленные тексты. Отсюда и различный характер направленности рассуждений по поводу теории перевода: традиционно содержание этих рассуждений ориентировано на предметно-фактологическую основу текста, на мысль, на семантику. В предлагаемой трактовке направленность рассуждений – прагматическая – ориентирована на операциональную сторону содержания, на функциональное содержание, иными словами – на смысл.

Итак, предметом перевода предлагается рассматривать переводческую норму, состоящую из двух планов: проективного, универсального и реализационного уникального.

В качестве метода предлагается категория «понимания». Понимание как метод изучения представляет собой систему, включающую в себя внешние и внутренние атрибуты. Внешними необходимыми признаками являются:

- объект перевода – словесное произведение – оригинал;
  - посредник – переводчик;
  - продукт переводческой деятельности – текст на языке перевода.
- Внутренними признаками являются:
- освоение смысловой структуры оригинала,
  - создание на этой основе «большой переводческой» стратегии,
  - выработка в рамках «большой» стратегии «малой переводческой» стратегии.

Метод понимания в полном виде предполагает учет как внешних, так и внутренних факторов.

## II. ПОНИМАНИЕ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

### 2.1. «Понимание» как исходная категория теории перевода

Проблема соотношения понимания и перевода существует прежде всего в практике достижения адекватности перевода с одного языка на другой и при разработке путей преодоления встречающихся при этом трудностей. Перевод всегда рассматривался как сложное дело, требующее знания, опыта, широкого кругозора. Лучшие образцы перевода – это не только точная передача некоторого содержания средствами языка, но и свидетельство глубокого понимания особенностей личности автора, различных внеязыковых контекстов высказывания, истори-

ческого своеобразия эпохи, а также идентичности формы оригинала и перевода в широком понимании категории формы, а соответственно идентичность их эмоционального и эстетического воздействия.

Следует оговорить, что в этой публикации сквозной идеей является кибернетический взгляд на проблемы перевода и стиля. Кибернетика в данном случае рассматривается в двух аспектах, представляющих интерес для предлагаемой работы:

- как дисциплина, занимающаяся формализацией субъективного фактора в человеческой деятельности с последующим использованием этой формализации как системы, регулирующей организованный выбор языковых средств из системы языка,
- а также как дисциплина, в которой предмет и метод совпадают.

Рассуждения о «понимании» как о методе переводческой деятельности являются одновременно способом конструирования предмета переводческой деятельности.

Перевод связан с пониманием генетически. Перевод с точки зрения познания — это смена различных видов понимания.

Развитие проблемы понимания в соотнесении с переводом связано с зарождением античной герменевтики. Герменевтикой обычно называли искусство, а впоследствии теорию истолкования текстов.

Предыстория герменевтики восходит к временам, когда люди еще не знали письменности, но общение разноязычных племен и народностей обуславливало необходимость перевода с одного языка на другой, правильного понимания «чужого языка». Термин «герменевтика» древнегреческого происхождения, он связан с именем бога Гермеса, который в античной мифологии считался посланцем богов, доставляющим людям их сообщения и повеления. Но чтобы божественный язык стал понятен людям, Гермес должен был соответствующим образом истолковать и объяснить их сообщения, т.е. он выступал не только посредником, но и интерпретатором. «Интерпретация» — латинское слово, в латинской традиции таким посланником был бог Меркурий. Впоследствии проблема понимания и истолкования посланий «богов», изречений «оракулов» и предсказаний «пророков» переросла в истолкование письменных источников, прежде всего Библии и других «священных книг».

Проблема понимания в связи с переводом упоминается в «Риторике» Аристотеля, в которой содержится указание на значение для понимания текста отдельных его элементов (метафор, периодов, рифм). Дальнейшее развитие получила герменевтика в эллинистический период, когда начали тщательно собирать и комментировать наследие эпохи расцвета греческой культуры. Проблема понимания и перевода затронута в «Богословско-политическом трактате» Спинозы, содержащем тезис о том, что понимание Библии должно основываться на разделении двух различных ее составляющих: того, что можно почерпнуть из самого писания, и того, что привносится в него как религиозный канон.

В начале XIX века филологический этап в развитии герменевтики завершился работами немецкого философа и геолога Фридриха Шлейермахера, который считался отцом классической филологической герменевтики и одновременно основоположником собственно философской

герменевтики [16]. Классическая филологическая герменевтика в существенной степени обязана своим происхождением практике и теории лингвистического перевода и истолкования текстов [17]. Как справедливо заметил Палмер, феномен перевода есть самое сердце герменевтики.

Герменевтика — не столько средство постижения непосредственно воспринимаемого объекта (предмета культуры, языкового выражения), сколько тех скрытых взаимосвязей и детерминант, которые в сумме своей образуют их более общий контекст и через раскрытие которых непосредственно воспринимаемое (в первую очередь высказывание) становится понятным.

В гуще мистических и теологических взглядов Шлейермахера можно увидеть психологически интересные и содержательные положения о взаимосвязи понимания и перевода.

До второй половины XX века проблема понимания в науке как бы отошла на задний план. Но начиная со второй половины XX века, она была поставлена на повестку дня по ряду причин, среди которых наиболее важной является стремительное увеличение роли информационных процессов в жизни общества, что ощутимо повлияло как на современное научное мышление, для которого диалектическое единство познания и общения стало вполне очевидным (а понимание — это узел, связывающий познание и общение воедино), так и на бурное развитие переводческой практики в самых разных областях общественной жизни нашего времени. В настоящее время в творческой деятельности переводчиков понимание и истолкование текстов является буквально повседневной проблемой первоочередной важности.

В герменевтике отобразился жизненный опыт применения языка в самых различных областях духовной культуры, начиная от мифологии и обыденного сознания и кончая наукой, отобразился опыт «вычерпывания» разнообразнейших обертонов смысла, иными словами, неисчерпаемых подтекстов контекста [18].

Перевод не сводится к простому механическому процессу соотнесения слов и выражений одного языка словам и выражениям другого языка. Многие из слов имеют ряд значений и оттенков мысли, которые могут быть поняты только в контексте языка. Сам язык, будучи, по выражению К. Маркса, непосредственной действительностью мысли [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 448], служит именно средством выражения, реализации наших мыслей, чувств, стремлений, взглядов, нашего отношения к окружающему миру. Переводчик, выступая в качестве посредника между автором текста и читателем, должен прежде всего передать мысль автора, т.е. добиться понимания и объяснения текста. Однако в переводческой литературе молчаливо исходят из принципов, что понимание как предпосылочная деятельность переводчика, есть нечто само собой разумеющееся, что оно не нуждается в каком-то исследовании и разъяснении. Действительно, в простых случаях чисто интуитивное постижение смысла и личный опыт вполне достаточны и не требуют рассмотрения «понимания» как особой проблемы. В центре внимания, по существу нашему мнению, следует выдвигать понимание только трудных мест текста с целью устранения их непонимания.

Нам представляется, что адекватный перевод требует понимания текста прежде всего на глубоких уровнях, на уровнях скрытых подтекстов. Подготовка переводчика-профессионала, а не любителя, не может ограничиться пониманием на уровне чувственно-эмпирического и интуитивно-психологического познания. Она предполагает научение его исчерпывающему пониманию, т.е. полному и глубокому проникновению в текст, что связано с привлечением объективного исторического материала (фактического и научного), информации о личности автора оригинала как носителя культуры определенной эпохи, а также с логическим анализом и теоретическим осмыслением текста.

Понимание является исходным феноменом мышления. «Человек начинает мыслить, когда он хочет что-то понять», — говорил С.Л. Рубинштейн. Способность понимать окружающий мир, других людей и самого себя составляет необходимую когнитивную особенность человека как деятельного существа. И тем не менее, этот общепризнанно важный объект изучен слабее многих других, а определения категории «понимание» неоднозначны и разноречивы. Само по себе это естественно: ведь эта проблема претендует на междисциплинарность и многоплановость. «Понимание» задается в настоящее время как комплексная методологическая проблема, которая должна анализироваться не столько с герменевтической точки зрения как усвоение смысла текста, произведений литературы, искусства и других явлений духовной культуры, сколько с семиотической, теоретико-системной и гносеологической точек зрения.

Поэтому одно из важных условий успешной разработки круга вопросов, связанных с пониманием — это идентификация самой проблемы и установление, насколько она нова и несводима к тому, что известно под другими названиями. Выдвижение проблемы «понимания» в науку свидетельствует о необходимости усилий по овладению новыми стилями и методами научного мышления, усвоению новых парадигм. В новую научную парадигму надо войти, овладеть ею как определенной семиотической системой.

## **2.2. Исходные логические основания «понимания»**

В своем непосредственном выражении процесс понимания столь же древен, как и другие существенно важные аспекты человеческой жизнедеятельности (например, труд и язык). В качестве теоретической доктрины (а также практической) герменевтика рассматривала словесный или, точнее, письменный аспект понимания как искусство поиска смысла, скрытого в тексте. Тем самым герменевтика нащупала в анализе текста (хотя и в односторонней, абстрактной форме) верный путь решения проблемы понимания в целом как раскрытие смысла любых проявлений человеческой жизнедеятельности и культуры.

Основная герменевтическая проблема заключается в исследовании форм и способов выражения человеческой субъективности в определенных системах ценностей и формах человеческой жизнедеятельности. Главным было и является раскрытие смысла, истолкование всего

того, что связано с человеческой деятельностью, с мотивами и целями, т.е. с ценностями. Однако формы ценностей не истолковывались как способ соединения человека с миром и другими людьми посредством человеческой деятельности, практики.

Согласно герменевтике, основание понимания составляет человеческая субъективность, связанная с работой сознания, которая направлена на смысл — некоторое идеальное содержание явлений культуры — воплощенный в материальных телах.

Понимание, в общем плане, — фундаментальная синтезирующая функция ума, это реальное движение в смыслах, практическое овладение этими смыслами.

Предметом понимания выступают не объекты природы, а предметы культуры (мы можем понимать лишь то, что сконструировано, создано нами же самими), тексты и воплощенные в них смыслы, одним словом, гуманитарность, которая относится и к естественному знанию.

Вопрос о сущности понимания является одним из самых трудных, как в философии, так и филологии, где проблема понимания связана с пониманием текста.

Существует две формы психической деятельности: мыслительная, связанная с отражением (это духовная деятельность, направленная на производство знания), и речемыслительная, вторичная по отношению к мыслительной деятельности, связанная с коммуникацией и применением знания, деятельность понимания. Этот последний вид деятельности уже не просто духовная, а духовно-практическая деятельность.

Многообразные формы знания можно разделить на две группы. Первую составляют те, которые несут осведомленность о событиях, вещах, свойствах и т.д. Их можно обозначить с помощью оборота «знать, что». Вторая группа — это знание о способах действия, применения, создания и т.д., т.е. «знать, как» [19]. Сообразно с этим существует и две группы «понимания». Но понимание — это не знание о знании, а это, скорее, своеобразное выражение знания.

Понять — это значит усвоить смысл текста, произведений литературы, искусства и других явлений духовной культуры. А понять, усвоить можно то, что уже до процесса понимания обладает смыслом. Смыслом обладают вещи, которые являются продуктом деятельности человека и в которые он вложил свои мысли, чувства, цели, желания, — все, что испытало воздействие человеческого труда и хранит в себе отпечаток этого воздействия. Понимание — деятельность собственно человеческая, поскольку в основе всех видов понимания лежит способность пользоваться языком (и не только естественным) как знаковой системой, что свойственно только человеку.

В понимании как предмете исследования следует выделить процессную и результативную стороны. Результат процесса понимания — это постижение смысла. Сам процесс понимания — это деятельность расшифровки смысла, которая обладает как и любая другая деятельность системой операциональных средств.

Что значит понять, например, книгу? При каких условиях это воз-

можно? Понять книгу — это значит дешифровать то, что когда-то кем-то было зашифровано, т.е. знакам на бумаге был придан некоторый смысл. А поскольку смысл не существует где-то в потустороннем мире, как у Платона, а является существенным аспектом сознательной деятельности человека, то он может быть расшифрован (понят, постигнут) лишь при условии определенного совпадения в способе деятельности тех, кто воплощает этот смысл в знаки или в мир овеществленного знания (технику и т.п.), и тех, кто производит дешифровку этого смысла.

Условием понимания является известная общность или сходство в способе деятельности существ, обменивающихся информацией (смыслами). Следовательно, сама возможность для книги быть понятой или дешифрованной имплицитно предполагает другое условие: существование субъекта (индивидуального или коллективного), который зашифровал определенные смыслы в знаки. Эти знаки могут быть поняты или расшифрованы существом, деятельность которого так или иначе связана с этими же или аналогичными смыслами.

«Местонахождением смысла» является деятельность, а не текст как таковой. Текст становится материальным носителем смысла лишь в контексте человеческой деятельности, выполняющей коммуникативную функцию. Таким образом, анализ сущности смысла выводит проблему смысла за пределы текста — в деятельность, которая считается традиционной координатой понимания и которая имеет свои логические формы.

Новым в постановке проблемы «понимания» на современном этапе является включение в ее изучение коммуникации.

Диалектический материализм исходит из того, что отношение человека к природе опосредовано его отношением к другим людям, а это предполагает, в свою очередь, существование особого мира предметов (артефактов), созданных человеком для других людей и воплощающих смысловое содержание материальной и духовной деятельности: начиная от орудий труда, включая предметы обихода и кончая знаково-символическими системами разного рода. Иными словами, процесс понимания реализуется в первую очередь через артефакты — искусственно созданные предметы культуры, ибо в них смыслообразующая функция человеческой деятельности выражена наиболее ясно и прозрачно. Поэтому отношения человека к человеку (субъектно-субъектные отношения) в качестве своего важного момента предполагают процессы коммуникации — как в виде живого межиндивидуального общения, так и смысловой интерпретации тех текстов, которые живут в культуре уже отдельно от жизни породивших их авторов.

Термин «смысл» в коммуникативном аспекте синонимичен термину «ценность». Понимание неразрывно связано с ценностями. Понять — значит оценить, подвести под какую-либо ценность. Обычно ценность понимается крайне узко: как определенного рода свойство, а именно свойство объекта удовлетворять целям человека. Однако, ценность является не свойством, а отношением между мыслью и действительностью. Мысль и ее объект могут находиться между собой в двух различных отношениях: истинностном и ценностном. В первом случае отправным пунктом является реальность, а мысль выступает как ее описание в терминах

истинностных понятий. Мысль истинна, если она соответствует описываемому ею фрагменту действительности. В случае ценностного отношения, наоборот, исходным пунктом является мысль, функционирующая как проект, план, стандарт. Соответствие действительности той или иной мысли (проекту, плану и т.п.) рассматривается в оценочных понятиях. Позитивно ценным считается объект, соответствующий высказанной в нем мысли, отвечающей предъявляемым к нему требованиям. К примеру, сопоставляется дом и его план [20]. Если же за исходное принимается сам дом, то несоответствие плана дому должно характеризоваться как ложность плана, а соответствие — как его истинность. Если же за исходное принимается план, то дом рассматривается как его реализация, и расхождение между планом и домом оценивается как недостаток дома, а соответствие его плану — как его достоинство. План, соответствующий дому, является истинным; дом, отвечающий плану, является хорошим, т.е. таким, каким он должен быть.

Таким образом, существуют три основные логические координаты, с помощью которых можно идентифицировать «понимание»:

- духовно-практическая деятельность,
- коммуникация,
- ценность.

Эти координаты соотносительны и взаимосвязаны. Понимание связано с ценностным измерением человеческой жизни, практическим, деятельностным ее измерением, которое порождается коммуникацией и реализуется в ней.

Понимание никогда не является конечной целью работы с тем или иным предметным воплощением смысла. Успешная расшифровка того или иного воплощения смысла — это всего лишь средство для освоения реальной действительности тем или иным способом.

Следует еще раз подчеркнуть, что понимание всегда опосредует полученный результат. Иногда эта ступень срабатывает гладко, тогда ее не замечают. Но когда автоматизм интерпретации перестает действовать, тогда возникает проблема понимания. Факт несовпадения объективного смысла текста и субъективных намерений автора выступает с особой остротой тогда, когда мы имеем дело с произведениями, живущими в духовной культуре независимо от жизни их создателей. В процессе интерпретации таких текстов авторский замысел, конечно, должен приниматься во внимание, однако, в той мере, в какой это возможно.

История проблемы соотношения понимания и перевода свидетельствует о наличии в ней противоположных тенденций: лингвистической и экстралингвистической. Последняя имеет особое значение в понимании, например, текста и связана с экспликацией его контекста, поскольку в нем заключены условия осмысленности текста. В этом одно из главных различий познания и понимания как процесса. Понимание является более широкой интеллектуальной деятельностью, чем познание. Это один из видов «мысли в мире» (М.М. Бахтин) — мысли, вплетенной в контекст культуры и связанной с различными системами и ценностями человеческой деятельности.

Категории «понимание» близки по содержанию категории «объясне-

ние» и «интерпретация», что часто ведет к их смешению. Интерпретация — базисная операция герменевтики, которая направлена на истолкование слов, знаков, жестов. Она не ограничивается областью языка, а охватывает значительно более широкую область коммуникации и связана с представлением значений тех или иных систем и выражений. Понимание же — это представление смысла, т.е. той информации, с помощью которой выделяются денотаты. Чтобы понять текст, необходимо соответствующим образом интерпретировать его. Вот почему интерпретация составляет исходную основу процесса понимания текстов и семиотических систем вообще. Интерпретация имеет дело с фактами, а понимание — со смыслом этих фактов. Понимание речи, текстов, схем, формул и других семиотических систем связано с раскрытием их смысла и значения. Чтобы раскрыть этот смысл и, следовательно, понять текст, необходимо соответствующим образом интерпретировать его.

Объяснение и понимание — две универсальные интеллектуальные операции, взаимоопределяющие и взаимодополняющие друг друга. Часто познавательную роль понимания соотносят с объяснением: понять — значит уметь объяснить. Понимание не просто связано с объяснением, но предопределяет его. Нет никакого абсолютного «понимания» вне элементов объяснения, как и нет «объяснения», внутри которого не было бы понимания. Таким образом, отличие понимания от объяснения, по мнению большинства авторов, состоит в его целостности. Если объяснение всегда строится на основе отдельного принципа, закона и т.д., то понимание есть постижение сущности явлений во всей их целостности. Понимание выступает характеристикой целостности знания, предлагающего различные объяснения единства его осмысленности [21].

### 2.3. Понимание и смысл

В традиции формулирования понятия «понимания» в герменевтике и методологии гуманитарного знания есть свое непреходящее рациональное содержание. Оно связано с самой идеей понимания как работы сознания, направленной на смысл, некоторое идеальное содержание явлений культуры, воплощенных в материальных телах. Понимание характеризует работу сознания, его определенное состояние, его возможности. Функция перевода — установление адекватности взаимопонимания — базируется на смысловой адекватности. Таким образом, понятия «смысла» и «понимания» являются соотносительными и не могут рассматриваться в отрыве друг от друга: нет смысла вне понимания, а понимание есть всегда усвоение некоторого смысла. Трудности оперирования термином «смысл» объясняются его неоднозначностью в логике, психологии и семиотике.

У сознания наличествует две стороны [22]: сознание как отражательно-познавательная деятельность человека, дающая знание явлений действительности; и сознание как отношение к миру, которое раскрывается как система смыслов. Сознание как отражение выступает своеобразным сплавом рационального, эмоционального и волевого моментов, образуя тем самым смысл, какой имеет для человека отра-

жаемая действительность. Сознание всегда предполагает наличие у субъекта деятельности некоторого идеального плана, предпосылок, средств, связанных с мотивационно-смысловой сферой.

Во всякой деятельности человека и в любом предмете, с которым он имеет дело, есть особый «слой» — общественная сторона. Превращение деятельности в предмет и обратно, взаимодействие человека как субъекта и предмета как его объекта и есть общественная жизнь человека, его сознательная деятельность. Смысл как идеальная форма вещи не имеет решительно ничего общего с реальной телесно осязаемой формой этого тела, в котором она представлена и посредством которой она только и «существует», обладая «наличным бытием». Смысл является формой функционирования физической вещи в процессе общественно-человеческой жизнедеятельности, это те устойчивые идеальные образования, которые Маркс назвал «объективными мыслительными формами» [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 86]. Эти идеальные формы, которые по существу выражают материальные отношения между людьми, существуют не в голове, не внутри мозга, а в том же самом реальном пространстве человеческой жизнедеятельности, что и материальные [23]. Воплощая смыслы, идеальные содержания, становясь их носителями, соответствующие материальные тела приобретают социально-символическую функцию. Смыслы, таким образом, являются социальной функцией. Так, содержание какого-либо события можно воплотить в разные жанры (идеальные формы): газетную передовицу, газетный комментарий и т.д. В результате содержание приобретает социальные функции: в передовице — директивную, направляющую, в комментарии — пояснительно-оценочную.

Окружающая человека действительность не столько «природная», сколько социальная и историческая. И даже в таких вещах, как яблоки, деревья, столы, стулья и т.п. заключена обширная социально-культурная информация: все они сделаны, выращены, куплены, подарены, т.е. погружены в социальные отношения и имеют в них определенное назначение. Это назначение, выступающее как бы внутренним свойством вещи, указывает, каким образом данная вещь реализуется в качестве элемента социальной деятельности, определяет ее социальный смысл, или ценность, что одно и то же. С выявлением ценностной структуры действительности и связано извлечение смысла или осмысление. Так как мир человека — это всегда мир ценностей, он полон смысла для него, т.е. осмыслен и понятен. Осмысление и понимание имеют место только в контексте целесообразной деятельности и обусловлены многообразием явных и крайне сложно опосредованных целей, преследуемых человеком, и ценностей, с ними связанных. Чем сложнее цели, тем большее число взаимосвязей приходится учитывать, тем глубже требуется проникать в сущность явлений.

Таким образом, всякое явление, всякий элемент действительности, преобразованный и освоенный в человеческой деятельности, становясь элементом определенной культуры, приобретает значение и смысл для социальной общности и отдельной личности, с ней связанной. Смысл и осмысление приобретают социокультурный статус.

Смысл текста относится к пласту неявного знания, вербально невыраженных высказываний. Это скрытый подтекст, раскрытие и понимание которого нередко требует привлечения исторического контекста.

Так как понимание связано с выявлением смысла (а смысл — явление процессное), то самое непосредственное отношение к нему имеет семиотика как теория знаковых систем, кодирующая процессы. Понимание представляет собой системный процесс, соотносительный с объектом понимания — текстом как системным процессом. В основе любого процесса понимания лежит целостное отражение тех или иных конкретных знаковых систем, которые являются нормативно-ценностными системами.

Всякий текст как культурное образование можно представить как упорядоченную смысловую структуру, связанную с соответствующими нормативно-ценностными системами общественной практики, например, текст-фельетон — нормативно-ценностная система. Понятие «фельетон» воплощает, во-первых, социальную ценность, во-вторых, нормативность. Социальная ценность фельетона — его функция бичевания, осмеяния, критика негативных явлений. Нормативность фельетона — постоянно сохраняющееся содержание — бичевание.

В предыдущих разделах говорилось о том, что понимание традиционно связывали и связывают со «сделанностью», т.е. с результатом осмысленной деятельности, практики.

Все словесные произведения как явления языковой культуры связаны с определенной нормой их создания, а следовательно, и понимания. Деятельность, направленная на извлечение смысла этих словесных произведений, представляет собой иерархически организованное системное образование, которое должно использоваться в практике перевода в качестве нормы (нормативной системы) перевода с одного языка на другой.

## 2.4. Текст как объект понимания

Наиболее массовидным типом понимания является понимание, связанное с языковой коммуникацией, с особым своим семиотическим подвидом, и проявляется через функционирование текстов (знаковой репрезентации результатов деятельности субъектов и их отражении друг на друге).

Вопрос о сущности понимания текста — один из самых трудных в филологии. Пониманием текста обычно называют обращение опыта человека на текст с целью освоения его содержания. Этот опыт является одновременно индивидуальным и коллективным, субъективным и интерсубъективным. Понятие интерсубъективности характеризует наличие у индивидов в их опыте элементов, независимых от субъекта и вместе с тем общеобязательных для понимания [24]. Так, понимание всякого языкового феномена — устного высказывания, текста и т.е. — всегда содержит по крайней мере две стороны. С одной стороны, понимание предполагает и необходимо включает в себя овладение интерсубъектив-

ными средствами и условиями, (т.е. самим языком, литературной традицией, предметом, о котором идет речь, целеустановкой и т.п.). С другой стороны, совершенно ясно, что интересубъективные конститuentы высказывания, текста и т.п. и даже объективное содержание последних далеко не всегда являются единственным предметом понимания. Они служат тем материалом, в котором опредмечиваются и передаются индивидуально-личностные смыслы выражающего себя в языке человека.

Текст есть не что иное, как знаковая форма плюс смысл, последовательность знаков или образов, выражающая некоторое содержание. В этой дефиниции дано двойное определение текста: текст как языковая единица, т.е. как любой отрезок линейно организованного потока речи, и как единица общения, т.е. как функциональная иерархически организованная содержательно-смысловая целостность, соотносимая с коммуникативно-познавательным намерением субъекта общения. В последнем случае текст должен рассматриваться в системе «текст – интерпретатор» [25].

## 2.5. Понимание в ситуации перевода

В случае языковой коммуникации можно выделить три основных типа ситуаций понимания текста [25]: диалог, интерпретация текста и перевод. Очевидно, в диалоге главным является именно понимание личностных смыслов, выражаемых собеседником с помощью общих для них языковых средств. В ситуации перевода этой общности нет, и поэтому принципиальным моментом оказывается не только понимание стоящих за высказыванием интенций и т.п. его автора, но и адекватное понимание самого содержания высказывания, значения его отдельных единиц, идентификации их референтов во внелингвистической действительности.

Пока мы остаемся в рамках одного языка, процесс понимания во многом носит характер психологии восприятия речи, а многие важные его моменты не предстают в достаточно определенном, развернутом виде.

Структура понимания более глубоко и явно проявляется в «случаях», включающих два различных языка и требующих той или иной разновидности перевода.

Проблема понимания не возникла бы при переводе с одного естественного языка на другой, если бы человеческие языки были устроены наподобие номенклатуры, в которой объектам однозначно приписывались слова-ярлыки. В этом случае был бы возможен однозначный, полностью определенный перевод с одного набора ярлыков на другой, причем определенность перевода допускала бы эмпирическую проверку. Однако обычные естественные языки не таковы: далеко не все их элементы непосредственно и однозначно связаны с разными объектами как системой референтов. Общая связь языка с внелингвистической реальностью, с миром, в котором живет человек, осуществляется как за счет связей некоторых единиц языка с объектами этого мира, так и за счет связей языковых единиц внутри самого языка. «Номенклатурная» картина перевода оказывается особенно неадекватной при сравнении языков,

носители которых существенно отличаются по формам жизнедеятельности и культуры. Во-первых, поскольку объем словарного запаса, относящийся к определенной области культуры, прямо пропорционален развитию этой области, постольку создаются реальные, а иногда и прямо-таки непреодолимые трудности для перевода (а следовательно, и понимания) с одного языка на другой, если фокусы культуры носителей этих языков резко различны. Во-вторых, даже из факта совпадения определенных предметных полей вовсе не следует, что лексические единицы разных языков, предназначенные для обозначения этих полей, «прикреплены» к одним и тем же предметам.

Таким образом, даже если перевод осуществляется согласно «номенклатурной» схеме, это не значит, что он свободен от какой-либо структуры понимания и интерпретации. По существу, в нем реализуется понимание, «встроенное» в родной язык, в лучшем случае в той форме, в какой приемы ассимиляции смысловых содержаний чужого языка сложились в традиционной практике переводчиков.

Понимание иного языкового мира никогда не может быть полным и однозначно определенным, не допускающим альтернатив. Наконец, это понимание всегда направляется предварительным пониманием, которое задается родным языком и которое, будучи вплетенным в этот язык, не осознается его носителем.

Ситуация перевода — это ситуация, в которой структура понимания выходит на первый план и становится доступной научному анализу. И здесь особую роль играет феномен текста и методология его понимания.

В отличие от диалогической ситуации, предполагающей непосредственную очевидность говорящему/слушающему языкового и культурного контекстов, предметного окружения, в ситуации понимания текста при переводе все это, как правило, отсутствует. Автор текста может быть отделен от читателя или интерпретатора языковыми, пространственно-временными, культурными границами. Это обстоятельство, а также письменная фиксация словесных выражений ведут к существенному изменению роли языка и способов референции его единиц в тексте. Поскольку текст отделен от диалогических условий, его референтами уже не могут быть объекты, непосредственно окружающие автора. Но теряя подобные (остенсивные) референты, текст тем не менее не утрачивает связи с действительностью.

Освобождаясь от отнесенности к непосредственному окружению, текст в отличие от диалогических высказываний отделяется и от субъективно-психологического мира автора и от адресованности конкретным людям. В определенной степени текст выходит даже за те социальные, идеологические и т.п. условия, в которых он возникает. Все это имеет важные последствия для специфики интерпретации текстов. Во-первых, текст приобретает своеобразную объективность, независимость от автора и возможных читателей, и в этом качестве становится посредником между различными индивидами и культурами, открытыми для неограниченной серии прочтений в самых различных контекстах. Во-вторых, эта объективность текста указывает на то, что могут существовать раз-

личные уровни его прочтения. Всякий текст содержит нечто, выходящее за замыслы его автора, помимо субъективных интенций автора. Кроме того, текст, рассматриваемый как достаточно автономная смысловая структура, в своих основных смысловых связях содержит стилеобразующие структуры сознания определенной эпохи и культуры, достаточно интерсубъективные, в основных измерениях — не зависящие от целей, желаний автора. Актуализация той надситуационной системы референтов, которая и позволяет нам понять мир, порождающий тексты, которые мы изучаем, требует как раз переориентации собственного мышления в соответствии со стилеобразующими структурами текста, с теми способами осмысления мира, на которые ориентирует текст. Нередко эти стилеобразующие структуры остаются в тени. Подобная переориентация собственного мышления, по сути дела, является наиболее глубоким уровнем понимания текста, поскольку интерпретатор при этом достигает возможности «порождать» тексты, сходные с интерпретируемыми, как бы переводя самодовлеющий письменный материал в форму живого, актуально протекающего рассуждения.

Иные способы бытия и ориентации в мире, заложенные в смысловых виртуальностях текста, могут быть актуализированы лишь на основе понимания наших собственных форм жизни и культуры. В этом смысле всякая интерпретация исторически обусловлена, «конечна» и подвержена изменению в ходе исторического движения. Интерпретация текстов сходна в этом с исполнением музыкального произведения. Исполнение одной и той же партитуры может сильно варьироваться, быть более или менее глубоким в зависимости от культурной ситуации и исполнителя. Но нельзя считать, что процесс интерпретации сводится лишь к односторонней ассимиляции иных смысловых систем с собственным предметно-смысловым контекстом. Здесь происходит и встречное движение, а именно, развитие, расширение собственного предпосылочного контекста. Вне этого движения нельзя понять того мира и тех возможных способов ориентации в нем, о которых говорит текст.

## 2.6. Методология понимания: аспекты, уровни

Как уже говорилось, проблема понимания — это сложная, комплексная методологическая проблема, которая включает в себя иерархию качественно различных видов (аспектов) понимания, как бы наслаивающихся друг на друга и взаимообуславливающих, находящихся в непосредственной зависимости от феномена человека.

Для понимания существенную роль играют исторически сложившиеся каркасы понимания, опирающиеся на определенные постулаты и условия освоения предмета, которые и образуют аспекты понимания:

- логический аспект — предполагает сведение всего смыслового содержания к неким единым концептам;
- гносеологический аспект — предполагает презумпцию осмысленности, т.е. понять можно то, что имеет смысл и, следовательно, приобщено к человеческой деятельности;

- онтологический аспект определяется культурно-историческими знаниями, которые очерчивают культурное предпонимание;
- психологический аспект — предполагает презумпцию «услышанности», т.е. адекватное понимание.

Однако понимание является целостной процедурой, включающей в себя все аспекты. Так как понимание всегда связано с выявлением смысла или значения текста, то самое непосредственное отношение к нему имеет семиотика как теория знаковых систем. Понимание представляет собой системный процесс, ибо текст есть нечто организованное целое, определенная знаковая система, обладающая собственной структурой. Понимание — один из способов связи с бытием, общением, деятельностью и его одностороннее процедурное истолкование противоречит его смыслу. Поэтому самое главное при понимании — сохранить целостность исследуемого объекта (текста) при всех его аналитических разьятиях, не потерять его целостности при его воспроизведении в переводе, найти логику, адекватную объекту понимания.

Можно выделить два уровня понимания:

- чувственно-эмпирический и интуитивно-психологический, объединяемые в понятие герменевтического уровня, и
- логико-теоретический, рациональный уровень, предполагающий более полное и глубокое понимание. «Чтобы понять, нужно эмпирически начать понимание, изучение, от эмпирии подниматься к общему» [Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 187].

Эти два уровня связаны с двумя способами вхождения в ситуацию понимания: предметно-объективным и конструктивным. Последний с целью раскрытия смыслового потенциала связан с построением и воссозданием узловых моментов этой ситуации.

Все многообразие видов герменевтического понимания можно фактически свести к четырем интерпретациям: грамматической (языковой), стилистической, исторической и психологической (личностной).

**Г р а м м а т и ч е с к а я** (языковая) интерпретация включает в себя анализ слов (лексикона, значений слов, их этимологии, рассмотрение метафор и т.д.) и анализ словосочетаний, грамматических форм. На основании порядка слов грамматическая интерпретация выявляет также логические ударения, акценты и пр.

**Т р а д и ц и о н н а я** стилистическая интерпретация, имея в виду правила определенного вида речевой деятельности, рассматривает, в какой степени речевое произведение достигает целей, указанных автором в предисловии, введении, заголовках. Она имеет дело со средствами выражения идеи произведения: метафорами, гиперболами и др. тропами, аллегориями, рифмами, метром, периодом и т.д. В результате выявляется специфика способов выражения, связанная с определенным стилем: видовым, национальным, индивидуальным. Данный вид интерпретации устанавливает также стилистические влияния, испытанные автором от предшественников и современников.

**И с т о р и ч е с к а я** интерпретация занята выявлением конкретных обстоятельств создания произведения. Мало знать автора, его язык и

стиль. Всякий автор является представителем своей эпохи. Сфера исторической интерпретации необъятна: чем лучше и детальней мы узнаем эпоху и ее культуру, тем лучше мы поймем произведение — элемент этой культуры. Истолкование отмечает и те исторические факты, факторы и обстоятельства создания произведения, которые осознавались автором, и те, которые им не осознавались. Поэтому историческая интерпретация может осуществляться с «субъективной позиции» (позиции автора) и с позиции «объективной» (на основании знания фактов и обстоятельств создания произведения, известных из других источников). Однако полностью идентифицироваться с позицией автора, точно так же, как и исчерпать полностью исторический материал, невозможно. Поэтому историческая интерпретация еще в меньшей степени поддается регламентации, чем интерпретация грамматическая и стилистическая (традиционная).

Субъективно-психологические методы постижения смысла — воображение, перевоплощение переводчика в автора текста, вчувствование в текст и т.д., — т.е. использование личного опыта для раскрытия смысла текста, осуществляется в рамках первых трех видов герменевтической интерпретации.

В классической филологической герменевтике собственно языковой характер носит только грамматическая интерпретация, тогда как остальные связаны с художественным, историческим и личностными контекстами языковой деятельности.

Основу рационального (логико-теоретического) уровня понимания составляет рационализация внерациональной (всей субъективной) информации. Рациональность — устойчивая по составу, относительно замкнутая и более или менее стабильная в определенных временных границах система правил, стандартов, норм и ценностей, принятых членами данного социума и понимаемыми ими более или менее однозначно как руководство для интеллектуальной и практической деятельности, социально значимой для данного общества.

В ту или иную историческую эпоху различные системы культуры, которые ее репрезентируют, содержат определенные основания, итоги общественно-исторического опыта, принципы, нормы и образцы (парадигмы), на основе которых вырабатывается критерий осмысленности, рациональности, доказуемости, общезначимости и, соответственно, понимаемости результатов человеческой деятельности, а также взаимопонимания субъектов.

Природа гуманитарных (социальных) смыслов полифонична, имеется «широкий» веер их прочтения, истолкования. В качестве основных нормативов понимания выделяют полноту, отчетливость, обоснованность и глубину [27].

Под полнотой имеется в виду максимальное выявление содержания сообщения, включая также его контекст и подтекст, под отчетливостью — степень осмысления свойств, идей и отношений воспринимаемого объекта или сообщения, под обоснованностью — осознание оснований, которые обуславливают уверенность в правильности понимания. Глубина осмысления характеризует степень проник-

новения в сущность воспринимаемого предмета, учет всех факторов, обуславливающих смысл. В зависимости от своей глубины понимание может осуществляться на нескольких уровнях.

Здесь указаны в общих чертах два уровня зависимости от способа понимания — герменевтический и рациональный.

Рациональный уровень является наиболее глубоким, ибо предполагает осознание источников, целей, мотивов и причин осмысляемого явления или сообщения. Процесс такого осмысления есть процесс воссоздания культурной деятельности с данным объектом, осознание его сделанности. И с этой точки зрения является конструктивным процессом, который формализует наиболее глубокую, скрытую сторону явлений.

Рациональный уровень понимания в отличие от фактуального базиса герменевтического уровня основывается на концептуальном базисе понимания, который отвечает общесоциологическому критерию повторяемости, законам культурно-исторического процесса, кристаллизуя объективно-необходимые тенденции.

Следует еще раз подчеркнуть, что любое словесное произведение дает более или менее устойчивую программу понимания, прочтения инварианта и обеспечивает подвижное, но не произвольное прочтение смысла.

## 2.7. Техника понимания.

Для всех аспектов и уровней понимания есть нечто общее, а именно презумпция осмысленности понимания, связь понимания с контекстом целого, укоренение понимания в интерсубъективности. Под техникой понимания разумеется набор приемов, применяемых в процессе понимания, однако какой-то единой системы технических приемов не существует.

В зависимости от двух уровней понимания можно выделить пары операций и процедур, задающих структуру понимания, важность которых отчетливо обнаруживается в переводческих исследованиях: символизация и десимволизация, конструкция и реконструкция.

Процесс понимания осуществляется не в системе чувственной рецепции, а в системе языкового мышления. Переход от первой ко второй совершается с помощью процедуры с и м в о л и з а ц и и. Выше уже говорилось, что смысл имеет знаковую природу, будучи важным не сам по себе, а как выражение чего-то иного. В существующей языковой системе выбирается или создается символ (языковое выражение), связываемый с группой признаков, образующих смысл и фиксирующих некоторые абстрагированные свойства, отношения и объекты, выступающие в качестве понятия. Такой символ начинает функционировать в системе языка как знаковый коррелят понятия.

Символизации противостоит структура д е с и м в о л и з а ц и и. Она представляет собой переход от символа, выражающего понятие или набор понятий к определенным чувственным образам. Десимволизация необходима для понимания субъектом уже выработанного поня-

тия. Все остальные операции, функционирующие в процессе понимания, как бы «наслаиваются» на процедуры символизации и десимволизации, образующие каркас этого когнитивного процесса.

Для всех видов понимания наиболее характерным являются операции **к о н с т р у к ц и и** (конструирование) и **р е к о н с т р у к ц и и**. Эти операции должны рассматриваться в двух планах: лингвистическом и концептуальном.

Конструирование в **л и н г в и с т и ч е с к о м** плане охватывает ряд операций, ведущих к образованию определенных грамматических структур, наиболее адекватно передающих строй мыслей. Конструирование в **к о н ц е п т у а л ь н о м** плане охватывает операции, выявляющие и фиксирующие логические связи в процессе построения текста. Поэтому первый этап понимания письменного текста или устной речи состоит в **р е к о н с т р у к ц и и** — в восстановлении, воспроизведении — субъектом понимания грамматической структуры и набора смыслов и значений, включенных в эту структуру лексических единиц.

Такая реконструктивная деятельность, по мнению ведущих германистов прошлого и настоящего, может быть регламентирована особым герменевтическим канонem, т.е. набором общезначимых правил анализа изучаемого текста или устной речи.

Концептуальная реконструкция предполагает восстановление и выявление прежде всего адекватных логических связей и четко зафиксированных соответствий между смыслообразующими системами понятий в языке понимающего субъекта и их коррелятами в понимаемом тексте или устной речи. Концептуальная структура понимания позволяет вскрыть внутренний механизм изменчивости, противоречивости смысла.

## 2.8. Типы анализа понимания

Для конкретного выявления скрытого механизма понимания важно выделить типы анализа понимания, которые связаны со структурой словесного произведения как завершенного текста.

С точки зрения коммуникации акцент в процессе понимания можно сделать на **с о д е р ж а н и и** коммуникации в плане передачи предметной информации, т.е. предметного значения без учета смысловых значений, обусловленных целями общения. Но можно сделать акцент и на **ц е л и** коммуникации. С такой точки зрения текст будет представлять собой целостную структуру, объединяемую определенным замыслом, определенную иерархию целевых программ. Первый тип анализа является традиционным анализом понимания, второй — целевым анализом понимания, с позиций которого адекватность понимания означает адекватную замыслу интерпретацию смыслового содержания коммуникации.

Каждый знак и знаковый ряд в культурной коммуникации мотивированы определенной целью, замыслом, идеей, играющими роль центра, фокуса смысловой структуры и объединяющими ее в единое целое. Осознание этой цели, замысла, «сделанности» знака и может рассматриваться как центральный момент понимания.

Разработка **ц е л е в о г о** подхода к анализу понимания еще только

начинается на материале различных дисциплин: лингвистики и теории перевода, социолингвистики, теории массовых коммуникаций и др. Все эти разработки связаны с решением фактических прикладных задач повышения эффективности пропаганды, систем информационного поиска, выбора решений и т.д. [28]. Целевой анализ понимания является возможной «технической реализацией» нормативно-ценностного подхода к проблеме понимания.

Ключом к пониманию стиля произведения в переводческом аспекте выступает в данной работе информационно-целевой анализ понимания.

### III. ПОНИМАНИЕ, СТИЛЬ, ПЕРЕВОД, ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ

#### 3.1. Понимание как база соотношения стиля и перевода

Стиль — это способ употребления языка во всевозможных социально дифференцированных коммуникативных ситуациях и как результат—система употребленного в словесном произведении языка с целью оказания аксиологического (субъективно-оценочного) воздействия.

В рецептивно-коммуникативном плане, в каком рассматривается перевод как объект теории, стиль представляет собой закрепленную в тексте программу взаимопонимания общающихся через него автора и реципиента.

Обычно текст представляет собой законченный продукт понимания, но не выражение процесса понимания. То, что мы говорим или пишем, объясняя, это совсем не то, что происходит в голове, когда мы понимаем. Важным условием понимания текста служит дифференциация в нем содержания и смысла. Текст — это реальное единство утверждения и коммуникации: он состоит из утверждений о действительном положении дел (содержания) и команд, алгоритмов действий (смысла). Первые (утверждения) составляют семантику текста, вторые (команды) — его прагматику. Прагматика текста возникает как метаязык и всегда присутствует в процессе коммуникации. Следует еще раз подчеркнуть, что анализ понимания с точки зрения целевого подхода является прагматическим. В этом аспекте предлагается рассмотрение триады понятий: стиль — понимание — перевод. Наблюдаемое в настоящее время возрастание интереса к прагматике языка способствовало выявлению внутренних связей между языком и универсальными структурами человеческой деятельности.

В законченном тексте можно выделить три автономных, но одновременно тесно взаимосвязанных когнитивных поля:

- содержание как результат формирования мысли (семантика текста);
- изложение (коммуникация) содержания (синтаксис текста);
- действенность, эффективность изложения содержания (прагматика текста).

Изложение содержания плюс действенность этого изложения свя-

заны с коммуникацией в полном объеме, т.е. с общением. Стиль связан также с общением, это семиотическая, а не предметно-содержательная система, хотя он также связан и с этой системой, более того, он на ней существует. Для стиля в соотношении с пониманием важна проблема личной сопричастности знанию. Социально-культурные аспекты здесь важнее гносеологических. Общение как семиотическая система реализует процесс формирования мыслей, что, по Аристотелю, представляет собой первичную операцию мышления, лежащую в основе понимания. Общение реально существует в виде синтетической формы — речевой (внутренней — смысловой и внешней — звуковой) и языковой. Характерная черта синтезирования состоит в том, что образование языковой формы происходит на основе и в соответствии с речевой формой, которая представляет собой сквозное формирующее начало, присутствующее в оформленном языке текста как кажущаяся невещественность этого синтеза. Именно с расшифровкой этой синтетической формы во всей ее сложности, а не только лишь одной языковой формы связана деятельность понимания.

Для переводчика необходимо научиться читать текст в его внутренней, речевой форме, т.е. научиться обнаруживать автора в тексте, творца в «продукте», понять внешний текст в его внутренней диалогической форме. А это значит понять текст в крупных мыслительных формах.

Разработка логической технологии, позволяющей разглядеть в тексте его создателя, позволяющей увидеть в традиционной структуре текста внутреннее движение мысли — дело очень непростое, текст приходится прочесть как бы дважды, увидеть в одном тексте (предложения, образы, грамматические периоды или, в логическом плане, суждения, умозаключения, цепочку доказательств) другой текст, построенный из других блоков, лежащий по ту сторону печатного текста, составляющий «внутренний узор» логического движения, его внутреннюю форму [29]. В основе первого прочтения лежит субъектно-предикативная структура предложения. При втором прочтении текст предстает как одно понятие.

«Недействительные мысли — это мысли, выраженные в необходимой для информации, для сообщения — «о чем я именно думаю» — дискурсивной форме. Это не действительная форма мышления, а форма превращения мысли в информацию о мысли» [30]. Именно на этой информации о мысли (т.е. смысле) строится стилистика и теория перевода в своем теоретическом аспекте.

Но что же необходимо повернуть в тексте, чтобы наличный, дискурсивно построенный, он обернулся своей внутренней формой, предстал как текст понимания?

Уже давно известна общность операций построения (продуцирования) текстов и операций их понимания. Само собой разумеется, что для понимания текста требуется не только знание языка, на котором текст составлен, но и определенный набор взаимосвязанных сведений, касающихся содержания текста, а также знание инвариантных коммуникативных структур, образующих форму текста. Можно обосновать гипотезу, в соответствии с которой структура и семантика текста образуют как бы одну часть сложного механизма, другая часть которого содер-

жится в сознании и памяти индивида, воспринимающего текст. Когда два этих различных компонента вступают во взаимодействие, тогда и происходит процесс восприятия и понимания текста.

Каждому из нас из неопровержимого личного опыта известно, что понимание существует и как процесс и как его переживаемый индивидом итог. Понимание как необходимый элемент общения означает способность осуществить адекватную реакцию. В этом случае понимание выражается не только и не столько в соотносимости денотативного содержания оригинала и перевода, сколько в согласованности программ деятельности продуцирования и репродуцирования.

### 3.2. Стиль как элемент вторичной социальной подсистемы текста

Стиль соотносится с пониманием на основе не самого мышления, а информации о мышлении. Гегель так определяет разницу между мышлением и информацией о мышлении: «Такую привычку (видеть в тексте только содержание — В.Б.) можно назвать материальным мышлением, случайным сознанием, которое только вязнет в материале и которому потому легко в одно и то же время извлечь из материи в чистом виде свою самость и оставаться у себя. Другое же мышление, дискурсивное, есть, напротив, свобода от содержания и высокомерие по отношению к нему...» [31].

«Высокомерие» дискурсивного (текстового) мышления состоит, очевидно, в том, что его предметом являются общественные отношения, которые оно отражает и формализует в деятельности. Эти отношения в виде информации о «материальном» мышлении существуют в тексте в виде пласта неявного знания, языково неартикулированного, невербального контекста и образуют ту область переводческой науки, где вопрос о понимании встает особенно отчетливо. Именно через этот пласт в текст проникает более широкий контекст общественного целого, на фоне которого разворачивается деятельность по созданию словесного произведения и который составляет основание нормативно-ценностной системы, в рамках которой создается универсальная в переводческом смысле операциональная структура произведения, управляющая пониманием и перекодированием текста на другой язык. Эта система лежит в основе жанровой и стилистической организации текста и по отношению к предметной, материальной подсистеме произведения является вторичной социальной подсистемой текста со всеми вытекающими отсюда последствиями, и прежде всего характером языка.

Естественный язык уникален как социальный продукт. Языковое творчество всегда происходит в контексте общественной жизни, которая для каждого народа всегда связана с конкретно-историческими условиями, а следовательно, языковые образования не могут не быть уникальными. Слова не являются безразличными обозначениями предметов, для которых без всякого затруднения можно найти эквиваленты в других языках. Естественный язык является системой, единственно полной и одновременной открытой, позволяющей так или иначе выражать

любое содержание из неограниченного многообразия опыта человека.

Однако в процессе общения и познания важны не только материальная природа того или иного языка и его объективные свойства, но и адекватность целям субъекта и возможностям их осуществления. Однозначность коммуникации и согласование непосредственного опыта отдельных индивидов гарантирует интерсубъективность. Последнее предполагает наличие универсального языка, который должен обладать свойством выражать структурные отношения, связанные с общественным контекстом. Этот универсальный язык (метаязык) является формальным языком, в котором запечатлевается в тексте нормативно-ценностная система, являющаяся программой понимания и одновременно переводческой нормой жанра и стиля текста. Для перевода важно различие нормативно-ценностных систем, в которых образован смысл, и нормативно-ценностных систем, в которых он расшифровывается.

### 3.3. Стиль и перевод

Идеалу советского переводоведения чужды как абсолютизация объективного начала перевода, так и раздувание роли субъективного фактора. Но это не означает, что объективные и субъективные моменты осмысливаются здесь как равноправные подсистемы переводческого процесса и находятся в состоянии идеального равновесия. Они неразрывны, взаимосвязаны и влияют друг на друга. Но переводческое творчество все-таки вторично, и его самостоятельность относительна. В переводческом идеале крупнейших мастеров перевода находит закономерное отражение ведущая роль объективных факторов по отношению к субъективному началу. Конкретная мера этих отношений реализуется в переводческой практике индивидуально, однако она обусловлена заданными параметрами оригинала, в котором объективирован замысел. Таким образом, объективная мера фиксирована в исходном тексте и выступает эталоном правомерности перевода. Игнорирование этой объективной меры влечет за собой разлад с текстом, искажение важнейших черт его содержания и функции. Субъективная сторона имеет свою меру, она более подвижна.

Будучи результатом вторичной, относительно самостоятельной деятельности, перевод тесно связан с оригиналом как продуктом первичного творчества и выступает его вариантом. Стиль относится к первичному творчеству, перевод — ко вторичному. В переводе должны присутствовать как элементы «строгости соблюдения», так и элементы творчества, связанные с техникой перевода, т.е. определенная независимость от результатов первичного творчества. В переводе может обнаруживаться тяготение к культуре современной эпохи. Перевод как продукт представляет собой качественно определенное, относительно замкнутое целое, и вместе с тем это «открытая», «разомкнутая» система, для которой характерна адаптация к современным конкретно-историческим условиям.

Для решения вопроса о взаимосвязи стиля и перевода можно привлечь диалектическую взаимосвязь категорий тождества и различия.

Они суть неразрывные противоположности, каждая из которых неизбежно полагает «свое другое». Всякое конкретное тождество немислимо без некоторого различия, и всякое конкретное различие с необходимостью предполагает тождество.

Перевод выполняет две функции: репродукционную и реализационную. Репродукционная связана с декодированием, иными словами, со сбрасыванием кодовой формы языка оригинала, реализационная — объективация продукта первичного творчества в другом языке, перевод оригинала из области первичного творчества в область вторичного творчества. В реализационной функции заключена преобразовательная функция перевода. Она неразрывно связана с пониманием как сущностью переводческого процесса.

Для понимания стиля как посредника в переводе существенно выявить архитип, исторически сложившийся каркас понимания стиля. Каркас понимания стиля выступает в виде идеального плана оригинала как целого, построенного на интересубъективном, универсальном аспекте понимания. Творческий аспект перевода реализует себя в диапазоне двух языков: формализованного и естественного.

### 3.4. Стиль и перевод как самоорганизующиеся системы

Нормативно-ценностные системы являются самоорганизующимися, т.е. они характеризуются информативно-управленческими процессами. Информация как фактор организации и управления необходимо воплощена в своем носителе. Конкретный носитель данной информации есть ее код [32]. Связь данной информации с ее конкретным носителем в данной самоорганизующейся системе (СОС) именуется кодовой зависимостью. Поскольку информация существует лишь в определенной кодовой форме, «доступ» к ней возможен только путем расшифровки кода, т.е. познания указанного соответствия. Расшифровка кодов, взятая в широком смысле, далеко выходит за рамки познавательной и всякой сознательной деятельности. Она — фундаментальная операция, выражающая целесообразное функционирование и развитие всякой СОС — как результат кодового преобразования.

Понимание есть постижение «смыслов», «ценностей», «целей», воплощенных в наличном функционировании СОС и в продуктах ее деятельности.

Расшифровка кода обычно описывается как декодирование. Но так как информация не существует вне своего конкретного носителя, она не существует вне определенного кода. И тогда декодирование означает: преобразование неизвестного кода в известный. Известный код — «естественный» код для СОС, а неизвестный — чуждый для нее. Естественный код есть элемент данной СОС как исторически сложившейся кодовой организации. Расшифровка кода означает, таким образом, преобразование «чуждого» кода в естественный. После того, как найден способ такого преобразования, СОС ассимилирует «чуждый код», и он становится для нее естественным. Это знаменует возникновение в данной СОС новой функциональной подсистемы.

Преобразование кодов происходит на intersубъективной основе, на основе которой и конструируется СОС. Категорию «intersубъективности» можно отнести к разряду «сквозных», она составляет «онтологический» корень.

Избыточность языка (символика) состоит в том, что он обладает «двойным дном», рассчитан на прочтение предмета опыта двояким образом, с одновременным, кроме явного, неявным пониманием контекста. Главное здесь заключено в своего рода архитектуре смысла, который можно назвать двойным или тройным и т.д. смыслом, где первый, вербальный смысл, нацелен на следующие, могущие существовать только в переносном виде (т.е. посредством постоянного переноса первого смысла). Благодаря своей двойственности, контекстности, язык обладает возможностью охватить или пронизать предмет опыта сразу в нескольких плоскостях.

## И Ч А С Т Ь

### СТИЛЬ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ НОРМА

#### 1. ПРЕДПОСЫЛОЧНЫЕ КАТЕГОРИИ СТИЛИСТИКИ

##### 1.1. Исходное понятие «стиль». Его фундаментальные детерминанты

Хотя изучение проблем стилистики имеет довольно длительную историю, уровень разработанности большинства из них оставляет желать много лучшего.

До сих пор остается актуальным утверждение многих авторитетных лингвистов, литературоведов, эстетиков, что нет более неопределенного понятия, более зыбкого в своих границах, более неуловимого, чем понятие стиль. Последнее в немалой степени объясняется тем, что «стиль» как предмет изучения до сих пор остается какой-то бестелесной сущностью. В этом утверждении очень точно схвачена суть проблемы — «бестелесность» стиля как предмета изучения, хотя как явление он определенно имеет субстанциональную основу, весь вопрос только в том, какую.

Любая вещь, любое явление представляет собой целостное единство основания и условия, иными словами «что» и «для чего». Проблема «чтойности» стиля до сих пор проблема. Стиль традиционно, независимо от конкретных представлений, всегда был вещью для чего-либо (для выражения образного содержания, эмоционально-оценочного, для оказания эстетического воздействия и т.д.), но не был самим собой и для себя, ему отказывали в основании.

В триаде реальностей, которыми оперирует стиль, — содержание, форма, языковой материал — его соотносили с каждой из них, и соответственно создавались разнообразные концепции стиля. Когда речь идет об отнесении стиля к той или иной реальности, то имеется в виду результативный аспект оформления: будь то оформление содержания, человека или языка, иными словами соответствующее единство. Каким бы ни было единство, оно, как правило, замыкалось на языковом материале. Делались попытки определить субстанцию стиля в рамках языковых единиц, усматривали ее во вторичных значимостях, коннотациях разного происхождения. И в любом случае, эта субстанция оборачивалась средством выражения разных видов содержания, как предметного, так и функционального, т.е. для чего, а не что. Когда же все-таки пытались «уловить» стилистическую субстанцию в виде окрасок языковых

единиц, куда-то улечувчалась целостность, единство. Однако изначаль- но, в античности, стиль связывали с деятельной стороной оформления. И хотя, конечно, античная трактовка деятельности не совпадает с современными представлениями о ней, но такие категории как адресант, адре- сат, предмет речи, целесообразность, уместность витали в представлении о стиле.

В рамках деятельностных представлений о стиле его связывали с понятиями принципа, нормы, правила оформления языка высказывания, мотивированных требованиями красоты, целесообразности, уместности, т.е. вполне современными требованиями с той лишь разницей, что в те далекие времена рецептурность стиля носила жестко предписывающий характер, а в последнее время она носит рецептурно-технологический характер, где компонент «технологический» означает более широкий спектр нормативных возможностей и их неограниченную вариативность в рамках этих норм.

В процессе исторического развития понятия нормы, правила были персонифицированы и приобрели облик своеобразия, индивидуальности, уникальности. Это касается, прежде всего, использования понятия «стиля» в литературоведении и искусствознании. Итак, как и любое знание, наука о стиле языка проходит (в разной последовательности) и содержит (более или менее четко выраженные) три этапа и соответ- ственно три уровня знания.

- I этап и уровень содержит утверждения, фиксирующие индивиду- альные стилистико-языковые факты;
- II этап и уровень включает индивидуальные факты в различные эмпирические зависимости (нормы, правила). Эти последние обна- ружили две линии развития: объективную, как бы безликую, построенную на учете общественно-закономерного в деятельности и субъективную, ориентированную на индивидуально-личност- ное в ней.

Общественно-закономерное толкование стиля как нормы и индиви- дуально-личностное как знание о собственно человеческом в человеке показывает их неэквивалентность.

Редукция знания о стиле к социальным структурам без личностного привело в конечном счете к формализму, а редукция к индивидуаль- но-личностному без объективной закономерной основы — к субъекти- визму разных оттенков.

Однако упомянутая выше неэквивалентность не означает несов- местимости указанных трактовок стиля. Реальное познание стиля об- наружило тесное взаимодействие между ними и создало третье направле- ние в рамках II этапа и уровня развития науки о стиле, представленное концепциями стиля Виноградова, Бахтина, Винокура, Храпченко.

- III этап и уровень — уровень теоретических объектов.

Стилистика языка как конкретная наука развивала и развивает пре- имущественно I и II уровни знания, создавая так называемое базисное и эмпирическое знание эмпирических зависимостей, систематизаций и эмпирических законов (норм).

В данной работе предлагается рассмотреть стиль языка на теоретическом уровне знания.

В марксистской теории познания, в логике и методологии науки теоретическое знание характеризуется не в своих частных проявлениях, а как целостная система, как сформировавшийся и формирующийся слой знаний, имеющий определенный статус в сложившейся структуре науки. Суть этого статуса заключается в том, чтобы, — выражаясь словами К. Маркса, — «...видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...» [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 343 ].

В проекции на стиль это следует понимать таким образом: восприятие человека — это не только чувственный образ, но и осознание предмета через механизм его создания, т.е. через то, как сделан предмет, зачем и почему. Именно к этой системе осознания относится в данной работе стиль, он связан не с внешним образом, а с невидимым, хотя и выраженным конкретно содержанием; «...мы не признаем за внешней стороной произведения непосредственной значимости, а принимаем, что за ней скрывается некая внутренняя сторона, некий смысл, который одухотворяет внешнее явление. Внешнее указывает нам эту душу. Ибо явление, которое что-то означает, есть представитель не самого себя, не того, что оно есть в качестве некоего внешнего, а чего-то другого...» [33].

На теоретическом уровне этот предмет замещается идеальным конструктом, т.е. теоретическим изображением или моделью реального объекта. Этот конструкт функционирует также в качестве нормы, но с той лишь разницей, что стиль как норма в базовом и эмпирическом знании носит характер эпифеномена, характер привносимого в систему оформления языка. На теоретическом уровне эта стилевая норма вырабатывается в рамках замкнутого целого — речевого произведения и является, таким образом, принадлежностью этого целого. Как правило, теоретические положения не сопоставимы прямо, непосредственно с данными эмпирического знания, а тем более чувственного опыта. Переход от теоретического высказывания к отдельному эмпирическому возможен лишь через целый ряд опосредствующих звеньев. При этом для осмысления любого теоретического высказывания нужно обязательно учитывать контекст теоретической системы в целом. В соответствии со сказанным теоретические положения не всегда возможно иллюстрировать конкретными примерами — они могут крайне упростить и даже исказить теорию.

Теоретический уровень исследования языкового стиля на данном этапе развития науки вообще предполагает учет следующих посылок. — Интерес представляет не столько материальный субстрат (язык) как носитель стилистических отношений, сколько природа самих этих отношений; если раньше упор делался на изучение самих лингвистических единиц, а их связи и отношения изучались преимущественно в рамках самих этих единиц, то на теоретическом уровне лингвостилистическая единица изучается совместно с «внешним окружением», т.е. совместно с его отношениями и связями с други-

ми, самыми различными и удаленными от него в пространстве и времени явлениями.

- Если на предыдущих уровнях изучения (языкового) стиля сущность стиля пытались определить, исходя главным образом из природы образующих его «частей» и их собственных внутренних (для исследуемого явления) связей, то теоретический уровень предполагает выявить эту сущность, исходя прежде всего из образуемого этими частями «целого» и его внешних связей.
- Если на предыдущих уровнях познания сущность стиля изучалась в относительно устойчивых и постоянных условиях и, главным образом, в связи с внутренней необходимостью существования исследуемого явления, то теория изучает сущность стиля в связи с его приспособлением к изменяющимся, случайным условиям.
- Если раньше в познании стиля шли в основном от частей к целому, задавая в качестве фундаментальной характеристики стиля целостность, единство, от материального субстрата (носителя отношения, значения) к его отношению, от природы стиля к его поведению, от стиля к среде, от существования к приспособлению, и в этом случае от внутреннего к внешнему, то теоретический уровень предполагает в известном смысле противоположный подход, который, однако, в новом аспекте как бы включает в себя и традиционный подход. Сущность стиля следует изучать как в движении от внутреннего к внешнему, так и в движении от внешнего к внутреннему. Так на основе целого, и исходя из его особенностей, познают его части. Изменяя отношения материального субстрата, изучают сам этот субстрат и поведение объекта (стиля), которое становится средством познания его внутренней, собственной природы. Изучая среду, характерную для объекта, стремятся познать объект, а через его приспособление пытаются постичь условия его существования и т.д.

При таком подходе к изучению языкового стиля он методологически задается не просто как система, а система с рефлексией. Любая разновидность духовного или духовно-практического освоения действительности, как и любые социокультурные системы вообще предполагает определенные формы самоотражения или самосознания, известные образы самих себя. Специфика современного этапа научно-познавательной деятельности состоит в том, что невозможно объяснить явления действительности вне строительных лесов порождающего их сознания, т.е. действительность невозможно рассматривать в чистом виде ее воспроизводства в научном знании.

Переход к изучению языка (стиля) не только как такового, но, главным образом, его связей и отношений, которые определяют его поведение в некой среде, т.е. то, что пока еще неопределенно трактуется как коммуникативная лингвистика, требует привлечения современных системных, кибернетических и информационных исследований для «отторжения» связей и отношений, среды целесобразного бытования языка, что собственно составляет объект теории употребления языка, частью которой является языковедческая стилистика. Это «от-

торжение» делает возможным самостоятельное изучение этих связей и отношений и показ того, что представляет собой «говорящий человек» как феномен стилистики.

Оно же способствует переориентации лингвостилистики как науки до сих пор интегративно-нерасчлененной в науку интегративно-расчлененную.

Под стилем понимается социальная норма употребления языка с целью реализации функции управления субъективным воздействием, обусловленной конкретными общественными условиями.

В этом определении указаны фундаментальные исходные категории, на которых строится теория стиля текста. К этим категориям относятся:

- употребление языка,
- социальная норма,
- функция управления,
- эстетическое воздействие,
- конкретные общественные отношения.

Текст трактуется как лингвистическое понятие в широком смысле.

Научная картина, в рамках которой конституируется понятие (теория) стиля, включает в себя следующие параметры: стиль рассматривается как элемент кибернетической системы, в основе которой лежит нормативно-ценностное образование. Последнее в свою очередь является результатом деятельности по закону творчества (в основе последнего в проекции на стиль лежит категория «красоты»). Отсюда три подхода, три призмы рассмотрения стиля:

- онтологический, предметный, статический, нормативно-системный,
- гносеологический, деятельностный, исторический,
- функциональный, динамический, системно-кибернетический.

Все они направлены на вскрытие содержательных и формальных качеств стиля.

### **1.1.2. Стиль в аспекте употребления языка как система взаимодействия «язык — человек»**

Проблема употребления языка, реализуемая как система взаимодействия «язык — человек» связана с практической деятельностью.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс различают два основных взаимосвязанных вида деятельности: производство (деятельное отношение людей к природе) и общение (взаимодействие людей, их деятельное отношение друг к другу). [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3]. Взаимосвязь этих двух видов деятельности определяет двухрусное функционирование в данном случае языка (или его двойственное употребление): употребление его для реализации инструментальной, «эксплуатационной» функции и для реализации функции воздействия (знаково-символической). Эти функции являются принадлежностью не системы языка, а системы «человека». Но прежде всего следует определить понятие «употребление языка». Под употреблением языка понимается духовно-практическая деятельность, направленная на языковую реализацию практических функций, связанных с передачей содержания, которые

существуют в завершенном словесном произведении в виде формы. Иными словами, употребление языка связано с приданием содержанию формы, реализующей коммуникативную функцию, и только через формообразование содержания возможно употребление, т.е. формообразование языка.

Практика (в том числе и использование языка) производна от человека, субъекта, она его проявление и действительность, хотя и сращена (в данном случае) с языковой компетенцией, т.е. знанием закономерностей языковой системы. Практика социальна. Практическое использование языка – это социальное взаимодействие с языком, т.е. коллективно, совместно осуществляемое людьми преобразование языка для достижения целей. Это социальное взаимодействие протекает в соответствующих социальных формах (новом «языке», новых формальных средствах).

Таким образом, употребление языка – это не непосредственный процесс конструирования слов и предложений в рамках грамматических установлений языка, а такой процесс, который опосредован исторически сложившимися и складывающимися формами его осуществления, социально установившейся традицией, регламентирующей характер и порядок практических действий человека с языком.

К. Маркс писал по этому поводу: «Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством ее» [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 713]. Язык, обработанный практически, становится практическим, действующим языком, т.е. носителем, как уже говорилось, практических функций, и прежде всего, коммуникативной.

В исследованиях любой практики центр тяжести все более смещается от внешних определений, связанных с ее предметно-преобразующей функцией, к пониманию ее внутреннего единства с развитием общественного человека и его субъективных творческих способностей. Осознание практики как формы саморазвития общественного человека означает, что природа практики и человеческая сущность однопорядковы, что практика есть не просто средство к жизни, каковой она и представляется сквозь призму утилитарности и в противоположность «непрактическим» формам сознания, но что она есть подлинное *alter ego* человека, его удвоение, внешнее предметное воплощение того, что он есть внутри себя [34]. Так в данной публикации представлено понимание «человека» как элемента системы употребления «язык – человек»: в субъективных основаниях практического творчества усматривается действие всеобщей созидательной силы общественного человека – его деятельность.

В аспекте употребления языка язык выступает как функциональный объект.

### **1.1.3. Употребление языка как функциональный объект**

**I. Общее о функциях.** Употребление языка предполагает представление его как иерархически организованной системы функций в рамках

определенной целостности. Схема изучения в общем виде такова: задается набор функций рассматриваемого целого (словесного произведения). Заданный набор функций становится основанием для расчленения этого целого, где каждая функция обслуживается отдельной структурной составляющей системы. Каждая составляющая является подсистемой. Таким образом, при функциональном расчленении целого исходным являются функции, и уже через них задается их структура.

В самом широком понимании функция — это свойство действующей вещи, в рассматриваемом случае — словесного произведения.

Функция языка как научное понятие есть практическое проявление сущности языка, реализация его назначения в системе общественных явлений, специфическое действие языка, обусловленное самой его природой, то, без чего язык не может существовать.

В лингвистике различают функции, замкнутые в системе языка, так называемые внутренние функции, и функции внешние, лежащие за пределами языка как системы, но реализуемые с помощью языка. Внутренние и внешние функции нельзя не только смешивать, но и рассматривать в одном плане. В данной работе анализируются внешние функции, т.е. функции не лингвистические, а общественные, которые являются порождением не языковой системы, а общественно-го сознания. Практический язык как особым образом организованное целое выполняет не лингвистические функции, а входя в систему социальных явлений, выполняет социальные, общественные функции. Лингвистические функции по отношению к общественным являются вторичными, реализующими общественные функции как первичные.

К функциям общественного сознания относятся такие его свойства, которые делают сознание орудием познания, общения, практического действия. Орудие есть средство для действия, его орган, отличный от самого действия и его результатов [35].

Познание, общение, практическое действие — функции операционные, обеспечивающие конкретные устойчивые потребности человека:

- получение знания о природе, обществе и человеке осуществляет операциональная познавательная функция,
- коммуникацию с другими людьми осуществляет операциональная функция общения,
- операциональная функция практического действия обеспечивает формирование регулятивно-управленческой функции, т.е. подготовку решения человека, как надо практически действовать.

Операциональные функции по происхождению являются предметными и информационными. Предметные функции (познавательная и общения) — принадлежность словесного произведения. Информационная функция (функция практического действия) связана со средой функционирования произведения, находит отражение в структуре произведения, но реализуется вовне.

В плане изучения функций эти два онтологические вида функций составляют актуальную проблему современной науки: изучение явления

самого по себе и изучение его функционирования во внешней среде.

**II. Коммуникативная функция и ее общая характеристика.** Проблематика, охватываемая понятием «коммуникативная функция», обсуждается уже не одно тысячелетие. Впервые она была ясно осознана античными теоретиками, по мнению которых для яркой речи нужны не только глубокие мысли, но и ясное, направленное на адресата построение речи. Последней стороной обусловлен предмет риторики, науки не об истине, не о познании, а о правилах построения действенной, захватывающей речи [36]. Уже в античной риторике отчетливо намечаются две функции ораторского искусства — содержательная (познавательная) и коммуникативная, регламентируемая целью выступления и ситуацией общения.

Важную мысль об обусловленности красоты ее соответствием законам восприятия высказал Аристотель [37].

Традиция рассмотрения речевых произведений в свете их воздействия на восприятие была продолжена в различных концепциях поэтики, риторики, стилистики.

Коммуникативная функция речевого произведения представляет собой способность служить средством общения. Все функции, в том числе и общественные, а следовательно, и коммуникативная, существуют в произведении в модусе структуры (конструкции). Последняя равно как и любая структура всегда функциональна. Для того, чтобы обладать способностью общения, структура речевого произведения должна отражать в себе все стороны языкового общения: условия общения, направленность (цели и мотивы коммуникации), законы и свойства восприятия (адресат). Рассогласование хотя бы одной из этих сторон ведет к частичной или органической некоммуникабельности словесного произведения. В речевом произведении содержательная и коммуникативная функции обладают лишь относительной самостоятельностью: общение всегда содержательно и особенности содержания воздействуют на процесс коммуникации, как и наоборот, коммуникативная функция воздействует на содержательную. И тем не менее представляется возможным выделить коммуникативную функцию в специальный предмет изучения, так как в системе фундаментальных общественных функций, выполняемых языком, она является наиболее общей и всеохватывающей.

Общение — это практическая активность субъекта, направленная на других субъектов и не превращающая их в объекты, а, напротив, ориентирующаяся на них именно как на субъектов. Это общение в прямом смысле, где информационный обмен есть абсолютное реальное взаимодействие, функционирующее в материальном механизме знаков. Но в понятие коммуникации входит и **ц е н н о с т н ы й** контакт субъекта и объекта. Этот контакт носит духовный характер и выступает как «очеловеченная вещь», соотносительная в словесном произведении с понятиями «жанр» и «стиль». «Очеловеченная» означает приобретенная форма. Это особый и главный аспект коммуникативной функции, который отражает ее специфику с наибольшей наглядностью и практически наиболее важен, ибо связан с управлением процессами общения и обладает совокупностью приемов, предназначенных не для отражения и оцен-

ки действительности, а специально для управления общением.

Далее все рассуждения будут касаться ценностного аспекта коммуникативной функции.

Названные выше основные общественные функции (познание, общение, практическое действие) выступают в двух ипостасях: идеальной, как процессные функции, порожденные общественным сознанием, и реальной, материальной, как результативные функции, определяющие общественное бытие. Они являются феноменом законченного произведения в двух формах его существования – проективной и результативной и образуют в нем сложную динамическую систему взаимозависимостей. Будучи связаны с деятельностью, эти функции сквозным порядком проводят ее основные закономерности. Это, во-первых, закономерность, суть которой заключается в положении о том, что в основе деятельности лежит элементарное социальное отношение, представляющее собой диалектическое единство труда и общения. Деятельность как труд и деятельность как общение слиты воедино [38], подобным образом слиты их основы – конкретный и абстрактный труд. Во-вторых, это закономерность предметного характера деятельности, связанной с предметом деятельности, вне которой общение невозможно. Практическое существование познавательная функция получает в системе коммуникативно-трудовой функции, куда она входит функционально-содержательным аспектом, т.е. тем свойством предмета, которое необходимо для конкретной коммуникативно-трудовой деятельности. В словесном произведении эти функции образуют живые динамические связи, создающие функциональное значение произведения. За живыми динамическими функциональными связями прослеживаются логические аналоги общественных функций, семиотические функции. В связи с тем, что функции носят идеальный характер, являют собой идеальные содержания, они нуждаются в носителях, в роли которых выступают знаковые и кодовые системы с их системой функциональных значений. Наиболее общие семиотические функции известны как семантическая, прагматическая и синтаксическая функции, они обеспечивают и регулируют любое, в том числе и словесное, общение в его целостности.

**III. Практическая деятельность как основание внутренней структуры коммуникативной функции.** Сознание, как отмечал А.Н. Леонтьев, есть «не мышление, плюс восприятие, плюс память, плюс умение, и даже не все эти процессы вместе взятые, плюс эмоциональное переживание. Сознание должно быть понято не только как знание, но и как отношение, как направленность личности человека» [39]. Эта направленность носит синтетический характер и включает в себя как отношение к предметной действительности, к другому человеку и среде, так и адаптацию к ним. Она же образует логический костяк коммуникативной функции, изучаемой семиотикой, наукой о функционировании языков вообще и естественного языка в частности.

Общественные функции, в том числе и коммуникативные, являются ценностными функциями, т.е. обусловленными практической деятельностью человека, и тесно связаны с его существованием – только для человека и только через человека действительность приобретает цен-

ностный характер. Это в полной мере относится и к текстообразованию как языковому производству. Человек творит многочисленные языковые произведения, придавая языковой материи новый порядок отношений, в которых он опредмечивает себя и делает языковое произведение, а через него и язык предметом потребления. Каждая ценность является опредмечиванием человеческой деятельности, но одновременно служит и предметом человеческой потребности и развивается только в качестве предмета этих потребностей. Таким образом ценности суть способ человеческого существования, имеющие двойственный характер: ценности как опредмечивания и ценности как предмета потребностей [40].

Ценность — это функциональное бытие произведения, определяющее его строение. Существует три вида ценностей:

- предметные ценности, иными словами общественное назначение, в нашем случае, словесного произведения (передовая статья, объявление, фельетон и т.п.);
- ценности духовные, через которые осуществляется актуальное, действительное проявление предметных ценностей и их выявление вполне определенным образом (типы текста: директивный, информационный, аналитико-критический);
- нормативные ценности, ценностное значение знака (структуры), который на основе принятого кода возведен на уровень знакового инструмента и наделен соответствующим значением.

Эти ценности аналогичны семиотическим значениям: семантическому, прагматическому, синтаксическому. Однако у ценностей иная природа — аксиологическая. Они результат труда человека.

Как уже говорилось, ценность обладает двойным статусом: она возникает как опредмечивание и реализуется как предмет потребности. Опредмечивание делает ценность возможной, реализация превращает ее в действительность. Таким образом производство ценностей, иными словами, общественных функций, имеет как бы двойной характер: генезис функций (опредмечивание) и реализацию функций (собственно функционирование). Проблема ценности предстает как противоречивое единство процессов возникновения и воздействия текстов, процессов, в которых генезис ценности завершается ее реализацией, т.е. тем, что субъект определяет ее форму, а тем самым и ее функцию в своей практике [41].

Для предлагаемой нормы стиля, в центре которой находится человек как деятель, принципиальное значение имеет разграничение в составе деятельности двух ее сторон: объективной и субъективной. Объективная сторона связана с анализом сущности деятельности как явления объективной реальности; субъективная — с анализом деятельности как субъективной реальности — сущности человека, т.е. способности, которой обладает субъект и посредством которой себя реализует. В обоих случаях речь идет об одной и той же деятельности, однако подходы к ней различны, и вследствие этого центр тяжести в ее определении выпадает на различные характеристики.

В первом случае человек представляется не носителем процесса

деятельности, а чем-то производным от реального процесса деятельности, во втором — деятельность исходит от человека как владеющего ею и действующего; в первом — деятельность определяется целью, в отличие от второго — она выступает собственного целеполаганием и целевыполнением, т.е. опосредует человеческие потребности и их удовлетворение; в первом — деятельность — ступень в иерархии форм движения материи и всецело объективна, во втором — она суть человеческой практики, является продуктивной и творческой [42].

Можно сказать, что в первом случае в деятельности выделяется аспект ее принадлежности к разряду объективных процессов, во втором — отнесенность к субъективному целеполаганию.

Выделение в деятельности этих двух аспектов имеет принципиальное значение для лингвистики, где понятие коммуникативной лингвистики соотносено с объективным аспектом деятельности и полностью исключает субъекта как носителя деятельности, а следовательно, и момент производства коммуникации. Коммуникативная установка в таком представлении коммуникации, где цель соотносится с результатом, т.е. целесообразностью, а не с планом коммуникативной деятельности, исключает момент создания целесообразности, а следовательно, снимает внутренний план создания коммуникации.

Здесь не лишне вспомнить высказывание Маркса о том, что «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме  *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно» [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 1].

В представлении деятельности как практики, в основу которой положена цель, разрабатываемая в программу на основе учета коммуницируемого содержания, адресата, среды производства и функционирования указанного содержания и реализуемая с помощью «механизмов культуры», целесообразность является результатом опредмечивания человека-деятеля в содержании таким образом, что делает это содержание пригодным для дальнейшего использования. В этом смысле практика рассматривается как внутренняя основа коммуникативной функции.

Коммуникативная функция запечатлена в виде программы, алгоритма операций и соответствующих им средств, о чем речь пойдет в следующей главе. В этой программе отражена реальность существования формационных функций труда и общения, как взаимосвязанных в единстве: трудовая функция по опредмечиванию, т.е. «очеловечиванию» содержания, опосредована формационной функцией общения, а создание «общения» опосредовано трудовой функцией. В результате создается целесообразность как результат взаимодействия двух формационных функций, которая в силу происхождения двухвекторна: будучи обращенной к конкретному содержанию, она «очеловечивает его», делает содержание семантическим, которое соответственно выполняет семантическую функцию, но лишь в случае ее завершения в реализации; будучи обращенной к адресату, целесообразность выступает смыслом коммуни-

кации, содержит общую технологию поведения, образуя прагматическую функцию, которая также завершается в соответствующей реализации. Таким образом результат опредмечивания практически раздваивается. Функции реализуются в определенной среде, под которой понимается ситуация как конкретного, так и более «дальнего» общения. Отсюда реализация результата опредмечивания носит двойственный характер и зависит от субъектов, которые его осваивают в зависимости от своих потребностей: в первом случае, т.е. когда имеет место обращенность результата к предметному содержанию, форму реализации определяет адресат, являющийся представителем микросреды (конкретные условия общения); в случае общения форму целесообразности определяет субъект действия, который связан с макросредой (научной, политической, художественной, деловой и т.д.). Реализация в первом случае дает схему определенной целесообразной формы предметов содержания, которое в скрытом виде содержит с м ы с л как основание общения и который проявляется через макроструктуру (или отношения производства ценности), образующую форму смысла и существующую в виде структуры целесообразной формы. Т.е. целесообразность имеет двойное неодинаковое существование. В результате мы имеем словесное произведение как семиотический объект, в котором заложена информация не только о назначении, но и о способе и технологии производства функций. Отсюда в словесном произведении закодированы следующие функции в соответствии со строением ценностного объекта (Wertding):

- семантическая функция (Wertgegenständlichkeit);
- прагматическая функция (Wert);
- нормативные функции, которые сначала моделируют, а затем управляют действиями семантической и прагматической функций.

Семантическая и прагматическая функции являются содержательными. Нормативные, моделирующие функции, или регулятивно-управленческие, – функции информационные. Нормативная функция в составе целесообразной формы семантического содержания выполняет вместе с этой формой как бы «эксплуатационную функцию» по отношению к этому содержанию, она его выражает определенным образом и одновременно представляет целесообразность. Поэтому она в онтологическом аспекте является репрезентативной. Нормативная функция в составе прагматического содержания выполняет знаково-символическую функцию, моделируя и определяя смысловую направленность произведения как средства коммуникации. Она является носителем «макросреды», а по отношению к репрезентативной функции выполняет роль типологической функции, представляя целесообразность как духовную ценность в чистом виде.

Традиционно коммуникативную функцию подразделяют на функцию с о о б щ е н и я, т.е. связь между предметом и адресатом коммуникации, и функцию в о з д е й с т в и я, т.е. смысловой контакт между деятелем и адресатом. Коммуникативный интервал, охватываемый сообщением, образует ситуацию общения, соотносительную в логическом плане с синтаксисом. Семантическая и прагматическая функции,

а также сопутствующие им нормативные функции актуализуются адекватно только в рамках указанной коммуникативной ситуации.

К этим рассуждениям о функциях необходимо добавить следующие положения: во-первых, рассмотренные содержательные функции и сопровождающие их нормативные функции образуют нормативно-ценностный комплекс, или функции аксиологические (ценностные) и семиотические (нормативные), слитые воедино. Это иной аспект рассмотрения объективных и субъективных функций, о чем речь шла выше. Нормативные функции существуют в виде знака, особой конфигурации структуры, как модуса существования аксиологических функций.

Во-вторых, неодинаковость существования аксиологических функций проявляется и в том, что семантическая функция как функция ценностной предметности реализуется на уровне бытия, а прагматическая функция как функция ценности – на уровне сознания. Сконструированная таким образом коммуникативная функция реализуется первоначально в речи.

Как правило, когда речь идет о коммуникации, о коммуникативной функции наличие внутреннего конструктивного плана этого феномена упускается из виду. А отсюда коммуникативная деятельность выглядит как объективный процесс связи между отправителем и получателем речи, неизвестно как представленный в произведении. Субъективная деятельность, практика «улетучивается» из этого процесса, хотя последняя образует функциональную структуру произведения, через которую языковая единица актуализует свою коммуникативную значимость и только через нее. Если законченный текст изучается как объект созерцания, то заметить функциональную структуру и уловить правила, на которых она базируется, далеко не так просто. Для этого необходимо посмотреть на этот объект как на результат человеческой, чувственной практики, т.е. субъективно.

#### 1.1.4. Производство функций «по законам красоты»

**I. Эстетическая природа труда.** Система употребления языка складывается не только из духовно-практических функций, необходимых для удовлетворения практических потребностей и коммуникации. Коммуникативная функция наряду с обеспечением понимания между людьми включает в себя функцию эмоционального и волевого воздействия, которая проявляется в эстетической функции, также связанной с пониманием, с его эффективностью, но не в форме постижения содержания, а в форме переживания. Эстетическая функция это разновидность общественных отношений, область духовности наряду с такими, как идеологическая, научная, этическая и т.д. В эстетической функции выступают и раскрываются эстетические отношения человека к действительности. Эти отношения столь же многообразны, как разнообразна и неисчерпаема общественно-историческая практика, в ходе которой формируются эстетические чувства, эстетические потребности и способности человека, эстетическая оценка явлений объективного мира. Эстетические функции во многом свободны от непосредственной практической по-

требности, хотя теснейшим образом связаны с ней, они создаются не по законам «пользы», т.е. практической функциональности, а по законам «красоты».

Труд обладает и эстетической природой, т.е. красотой, которая связана с воплощенным в труде творчеством. Именно творческий характер труда создает наиболее благоприятные условия для проявления скрытого в нем эстетического начала. В этом своем качестве труд становится не только способом созидания (духовно)-практических ценностей, но и способом опредмечивания в них знаний человека, его опыта, его способностей. Возникает потребность в тех видах деятельности, которые выступают формой проявления свободы человека, выражения его творческих сил, его способностей. С возникновением такого отношения, прежде всего, и связано формирование эстетического как способа самовыражения человека. Эстетическое отношение представляет собой возникший на основе труда способ деятельности, цель которой выражение человеком своих сущностных сил, своих творческих способностей [43].

С точки зрения философии, творчество рассматривают в связи с человеческой сущностью. Творчество — это способ самобытия человека. Именно в нем человек утверждает, т.е. что-то формирует, воспроизводит и сам развивается как человек.

Под творчеством понимают целенаправленную деятельность человека, создающую новые материальные и духовные ценности, обладающие общественным значением, а также творчество как «устранение хаоса», повышение организованности, как упорядоченность. В труде можно выделить:

- объективно-исторический аспект и
- творческий (индивидуально-личностный, личностно-свободный, самодетельный).

Творчество неотделимо от объективно-исторической определенности человеческой деятельности. Оно остается сущностной характеристикой человека. Но эта характеристика не есть изначально данное и неизменное свойство, самодовлеющее и независимое от конкретно общественного смысла человеческой деятельности. Творчество реализуется именно через общественное содержание деятельности. Чтобы понять взаимозависимость объективной и творческой стороны деятельности и акценты в этой взаимозависимости, приводится очень четкое высказывание Виготского по этому поводу: «Если бы мы захотели расчесть, что в каждом литературном произведении создано самим автором и что получено им в готовом виде от литературной традиции, мы очень часто, почти всегда, нашли бы, что на долю личного авторского творчества следует отнести только выбор тех или иных элементов, их комбинацию, варьирование в известных пределах общепринятых шаблонов, перенесение одних традиционных элементов в другие системы и т.п.» [44].

**II. Сущность «красоты».** Общечеловеческая способность созидания по «законам красоты» представляет собой конструктивный принцип организации человеческого мира, взятого в плоскости творчества и целеполагания [45]. С помощью этого конструктивного принципа создаются не содержательно (предметно) функционирующие, а переживаемые

реальности. Красота относится к области переживаемых содержаний. Эмоциональные операции, составляющие конструктивный принцип, нацелены на получение такого произведения, которое было бы насыщено эмоциями, чувствами, страстью, симпатиями, антипатиями. Четкого понятия «красота» не существует. Под этим словом понимают явления творящего рода.

Во-первых, красоту связывают с творчеством как мастерством, которое выражается в совершенстве созданного произведения, в том числе и языка. Мастерство — это умелое, искусное выполнение какой-либо задачи.

Во-вторых, «под красотой понимается такое сочетание различных материалов, — а также звуков, красок, слов, — которое придает созданному, сработанному человеком-мастером форму, действующую на чувство и разум как сила, возбуждающая в людях удивление, гордость и радость перед их способностью к творчеству» [46].

В данном случае под «красотой» понимается творчество, связанное с осознанием и утонченной реализацией внутренних закономерностей структуры создаваемого словесного произведения. Эти закономерности не создаются мастером, но вытекают из природы создаваемого произведения, его назначения и лишь открываются и осуществляются с помощью мастерства. Произведения, созданные на основе этих закономерностей, относятся к области эстетического сознания и коррелируемого с ним понятия «стиль».

В-третьих, под «красотой» понимают художественное творчество, в котором эстетическое сознание воплощается наиболее полно [46].

«Красота» как основа эстетического отношения характерна для всех видов жизнедеятельности человека. В словесном творчестве в нехудожественных произведениях она раскрывается прежде всего в эмоциональной окраске различной эмоциональной насыщенности, которая не только выражает внутреннее состояние человека, но и производит впечатление на другого. В художественных произведениях она проявляется в образных обобщениях действительности, которые несут эмоциональный заряд, который в свою очередь проявляется в общем раскрытии отношения художника к миру, в сложной системе поэтических тональностей, эмоциональных акцентов и т.д.

**III. Что такое творчество по «законам красоты»?** Существует длительная традиция выявления специфики «эстетического», которая в основном формировалась двумя противоположными подходами. Первый определяется попытками связать специфику эстетического с мерой предмета, в котором все сообразно внутренней природе, соразмерно, не противоречит его качественной и количественной определенности, т.е. совпадает с его мерой, является совершенством. Это так называемый «природный», натуралистический подход. Второй подход — социальный, который усматривает специфику эстетического в существенных характеристиках человека.

Марксистско-ленинская философия придерживается трудовой сущности эстетического, основа трактовки которой заключена в известном положении Маркса: «Практическое созидание *предметного мира*, пере-

*работка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа, т.е. такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности, или к самому себе как родовому существу. Животное, правда, тоже производит. Оно строит себе гнездо или жилище, как это делают пчела, бобр, муравей и т.д. Но животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш; оно производит односторонне, тогда как человек производит универсально; оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда, и производит, когда он свободен от нее; животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу; продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом, тогда как человек свободно противопоставит своему продукту. Животное формирует материю только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить и по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету соответствующую мерку; в силу этого человек формирует материю также и по законам красоты». [Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. 2-е изд. С. 566].

В этом положении Маркс связывает эстетический объект не только с совершенством самого предмета, не только с мерой его вида, а с отношением меры предмета и меры человека. Выявление в предмете не только присущей ему меры, а такое его преобразование, которое одновременно рождает соответствие предмета и мере самого человека. Взаимодействие этих мер, их взаимное отношение носит объективный характер, независимый от сознания человека. Родовая мера человека — такая характеристика его качественной и количественной определенности, в которой одновременно учитываются его природно-биологические и социальные параметры. Соответствие мер — это полная слаженность предмета с тем, что нужно человеку как биосоциальному существу. Мера человека определяется в конечном счете целью деятельности: предмет преобразуется таким образом, чтобы мера конечного результата деятельности отвечала намеченной цели, т.е. соответствовала мере человека. Необходимым механизмом осуществления труда по законам красоты является эстетическая форма, которая многообразно реализуется

- в акте труда как целесообразном процессе,
- в готовых произведениях,
- в предпосылках труда.

В качестве критериев эстетической формы процесса труда называют:

- свободу, легкость, мастерство исполнения труда;
- установку на оригинальность, свой почерк;
- полноту проявления сущностных сил человека;
- включенность индивида через его конкретный труд в деятельность всего общества.

Предмет, созданный на основании указанных критериев, человек воспринимает как эстетическую ценность.

**IV. Эстетические ценности.** Специфика эстетической ценности любого

предмета, в том числе и словесного произведения состоит в следующем:

- Эстетическая ценность бесполезна в утилитарном смысле, но ее полезность носит общественно-духовный характер; это не индивидуальная, а общая идейно-воспитательная полезность. Чувство красоты переплетается с феноменом высшей целесообразности, которая понимается как воспитание эмоционально-чувственной сферы человека, формирование эстетических чувств и потребностей. В конечном счете, это идеологическое воспитание.

- Эстетическая ценность любого предмета, имеющего практическую функцию, не существует вне соотношения с этой функцией. Она включает ее в себя в «снятом виде». В основе эстетических функций лежат общественные функциональные свойства вещей или их практические ценности.

- Эстетическая ценность связана с неповторимо-целостной формой предмета. Красота всегда связана с чувственной реакцией человека, а такая реакция возможна лишь в случае его контакта с чувственно воспринимаемой формой, в свойствах которой заключена мерная характеристика произведения. Эстетическая ценность носит оценочный характер и проявляется в эмоциональности, точнее в субъективно-заинтересованном характере восприятия этого предмета человеком. Человек наделен эмоциональностью, сознанием и активностью. Вследствие этого его оценка предмета может проявляться в трех формах: эмоциональной, теоретической и практической. Практическая оценка выражается действием, эмоциональная – переживанием, теоретическая – суждением.

Опредмечивание чувств в содержании произведения достигается с помощью эстетического формообразования. Качество самой формы произведения связано с формальной упорядоченностью. Эта формальная упорядоченность несет информацию не только о свойствах содержания, но и о свойствах отношений людей, что проявляется в эстетических качествах формы («выразительности» и «заразительности»).

Итак, в результате эстетического формообразования произведения создается эстетически значимая форма, т.е. определенная формальная согласованность с тем внутренним содержанием, которое она выражает. «Эстетическое» следует интерпретировать как данную нашим органам чувств способность воспринимать выразительность и заразительность формы, в которой запечатлен творческий процесс опредмечивания человеческой сущности и очеловечивания предметного содержания.

Выразительность – знак внутреннего содержания произведения [48], она является способностью его формы замещать собой или представлять ощущения, чувства, настроения, вложенные создателем произведения, и оказывать эмоциональное воздействие на человека.

В эстетическом видении мира эстетические свойства объектов всегда указывают на нечто другое, вызывают разные ассоциации, олицетворяют бесконечное многообразие и единство мира. А эта способность наделять мир значением, видеть в одном предмете «знак», «метку», олицетворение чего-то другого есть специфически человеческая способность. Это его, человека, эстетический знак [49], эстетическая или экспрессивная знаковость. Соответственно можно определить состав эстетических

функций, создаваемых в процессе творчества по законам красоты, — формальная эстетическая функция как реализация организационной упорядоченности формы, ее целостности. Эта функция управляет созданием и функционированием содержательных эстетических функций; она является нормативной. Ее нормативная сущность определяется синтезом конкретной целеустановки и определенного идеала, т.е. нормы, закона, предписывающего совершенство. Идеал — это должное, а не существующее, он обусловлен исторически и социально. Нормативная функция способствует достижению эффекта интересности, убедительности, эмоциональной действенности и т.д.

Выразительно-коммуникативная функция соотносится с назначением формы как средства выражения оценочно-эмоционального содержания и средства осуществления сопереживания. Это функция единичного, конкретного произведения.

Знаково-экспрессивная функция связана с эстетически-значимой формой как знаком, наделенным человеческим социальным значением. Эти значения носят обобщенный характер, которые можно свести в три типа традиционных эстетически значимых отношений к мере человеческого рода:

- прекрасное/безобразное;
- возвышенное/низменное;
- трагическое/комическое.

На базе этих трех групп эстетических отношений, которые качественно многомерны и многообразны, существуют разнообразные конкретные духовные чувства, обеспечивающие полноту и модальность переживания.

Свою определенность знаково-экспрессивная функция получает от макросреды функционирования произведения, которая обеспечивает единое субъективное основание как родственной для общающихся координированный тип деятельности.

Указанные выше эстетические функции образуют в произведении эстетический нормативно-ценностный комплекс, мотивирующий типовое оформление языка, через которое в конечном счете осуществляется полнота эстетического восприятия.

### 1.1.5. Социальные нормы и употребление языка

Вся социальная деятельность людей, в том числе и использование языка, осуществляется по некоторым правилам, программам, образцам и в этом смысле непосредственно или опосредованно занормирована, представляет собой реализацию некоторых нормативов. В основе любого способа действия всегда лежит совокупность нормативов, равно как и присутствует показ, демонстрация этого способа действия. (Так, в конструкции телефонного аппарата заложены нормы пользования им. То же самое имеет место в текстах, организованных в жанры.) Норматив в данном смысле — акт деятельности, функционирующей в качестве образца для последующих актов. Норматив обеспечивает некоторую стандартность, повторяемость, воспроизводимость явлений социальной

деятельности, функционируя примерно одинаковым образом. Именно нормативы задают в определенной степени специфику социальных явлений. Нормы имеют статус междисциплинарной отрасли знания, философским основанием которой является учение о мере. Сущностная функция социальных норм — мерная функция, объектом измерения которой являются общественные отношения. Она фиксирует общественные отношения, выступая, таким образом, мерой (законом) их организации.

Социальные нормы обеспечивают системные процессы в обществе, упорядочивают человеческие взаимоотношения, направляют субъективное поведение в определенные рамки. Социальные нормы выступают способом существования социальной памяти общества, заменившей в социальных системах генетический код живых организмов. Они обеспечивают хранение и передачу информации, необходимую для воспроизведения человеческой деятельности.

Социальные нормы — системные образования. Это означает, что их бытие и соответственно свойства, особенности, закономерности существования реализуются только в системных связях и процессах. Системная норма существует в единстве своих элементов и структур. Ее нельзя разобрать на элементы, а затем собрать, она целостна. Особенность нормативных систем состоит в том, что «вторичные» свойства их элементов «записаны» не в их материале, не в их индивидуальности, а в материале всей системы.

Социальные нормы представляют собой не просто системное, а метасистемное образование. Они в отличие от природных закономерностей субъективно выделены из реальных процессов и связей и представляют собой социокультурный феномен. В них находит свое выражение «вторая природа» — человеческая, социальная. Способность отделяться от реальных объектов означает, что они могут существовать одновременно в разных системных состояниях и проявлениях. Последнее связано с информационной природой социальных мер, а следовательно, и с кодированием.

Кодирование фиксирует не субстратные качества элементов, а отношения и взаимосвязи между последними. Т.е. социальные нормы суть структуры общественных отношений, остающихся инвариантными в разных системах.

Использование кодов позволяет выразить даже самые сложные взаимоотношения в реальных системах-объектах посредством предельно простых изменений структур и функций в системе-норме. Обширные, труднообозримые сферы системных отношений с достаточной адекватностью могут отражаться в кодовых системах-нормах.

Так как социальные нормы строятся из общественных отношений, они проявляют определенное безразличие к перерабатываемому содержанию, которое образуют элементы нормативной системы, к их количеству и качеству и индивидуальности. Они лишены материальности в ее физическом смысле, но в случае деятельности с языком предполагают их овеществление в материальных объектах.

Социальные нормы выполняют управленческую функцию. Системно-функциональная природа социальных норм содержит смысл «указания»,

«предписания». Функциональность правила состоит в том, что оно служит «стратегемой действия», образцом поведения, причем последний имеет обязательный характер: правило — не просто определенный порядок действий, оно отличается обязательностью, имеет силу закона.

При нестрогом подходе социальные нормы допускают «алгоритмическую» интерпретацию, если под алгоритмом понимать всякую программу планомерно направленных действий. Социальные нормы являются методами решения массовых задач, они противостоят рецептам — способам решения единичных, разовых задач. В соответствии с этим социальные нормы-алгоритмы можно сопоставить со стратегией поведения, а рецепты — с тактикой. Следует особо отметить идеальный, конструктивный характер социальных норм.

Идеальные нормы-алгоритмы представляют собой особые психические мыслительные процессы, операции. В этом смысле они напоминают план. Но они носят и активно-творческий, конструктивный характер. Конструктивность социальных норм основана на конструктивности всех алгоритмических образований. Социальная норма — специфический идеальный конструкт, творчески разрабатываемый субъектом для достижения цели, осуществления замыслов, удовлетворения потребностей, реализации социального контакта и т.д.

Конструктивность социальных норм выражается и в том, что они суть не только образы, но и модели действительности, используемые в качестве средства ее познания и овладения ею. Но нормы не просто модель, а модель-закон. В этих моделях присутствуют два уровня: логический и парадигматический. За внешней пестротой и многообразием языков можно обнаружить единый логический порядок, логическую норму, общую для всех языков, которая существует в виде динамической кибернетической системы, позволяющей человеку воспринимать уникальные коммуникативные ситуации и выражать свои представления о них в языке. Эта норма предстает как абстрактная инвариантная структура, в которую вкладывается то или иное смысловое содержание, собственно их и можно рассматривать как алгоритмы.

Парадигматический уровень нормы связан с применением языка согласно правилам данного языка. Эти правила имеют национально-специфическую окраску и различаются в разных языках.

В разделах об общественных функциях, выполняемых языком, подчеркивалось их целостное существование как нормативно-ценностных систем. Понятия социальных норм и ценностей близки. Общее между ними состоит в том, что они, во-первых, выступают регулятивным принципом в употреблении языка, и, во-вторых, они согласовывают выбор языковых средств с характером социального целого (публицистика, искусство, быт), в котором функционирует язык.

Таким образом, в языковом общении между людьми велико значение социальных ценностей, но процесс усвоения человеком социальных ценностей невозможен без ориентации на предписывающую норму. Она определяет параметры, в соответствии с которыми человек пользуется языком на работе и в быту, обуславливает варианты языкового

поведения человека и свободу его выбора из числа обозначенных альтернатив.

Различия между ценностями и нормами в общении состоят в следующем: в понятии ценности превалирует фактор «человеческого бытия», выступающего внутренним побуждением, известной желаемостью, тогда как в понятии «нормы» в большей мере подчеркивается обязательность.

Ценности содержат более общие существенные предписания нежели нормы, которые конкретизируют содержащиеся в ценностях требования, «доводят» их до рамок, границ поведения человека в конкретных условиях, конкретной обстановке.

Нормы содержат достаточно конкретизированные требования и предписания.

## 1.2. Концепция языкового стиля, представленная в данной работе

### 1.2.1. Дефиниция стиля. Стиль в аспекте лингвистики

Стиль является многогранным социальным объектом, имеющим несколько линий и закономерностей развития, обладающего множеством оснований и системными совокупными качествами и свойствами. Поэтому дать однозначное определение стиля сложно, ибо невозможно полностью исчерпать понятие о нем в каком-либо одном определении.

Ниже со ссылкой на Маркса предлагается двоякое общее определение стиля, учитывающее динамический и статический аспекты рассмотрения этого феномена.

В известном положении Маркса: «...истина всеобща, она не принадлежит мне одному, она принадлежит всем, она владеет мною, а не я ею. Мое достояние — это *форма*, составляющая мою духовную индивидуальность. «Стиль — это человек». [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 6.] можно выделить два момента: стиль — это человек и стиль — это форма. Под человеком разумеется способность действовать, которой обладает субъект и посредством которой он себя реализует в форме. Способность и форма, способ и результат — коррелятивные категории. Соответственно под **стилем в динамическом аспекте** понимается социальная норма употребления языка (иными словами, норма выбора и комбинирования языковых средств) с целью реализации функции субъективного воздействия и воплощения эмоционально-оценочного содержания в словесном произведении. В **статическом аспекте под стилем** понимается тип целостной выразительной и «заразительной» формы словесного произведения, которая является многоуровневой (текстовой, речевой и языковой) и которая покоится на жанровой конструкции.

В известной статье Л.В. Щербы «О тройном аспекте изучения языка» [50] выявляются три области изучения языка: язык как система; речь и речевые произведения; речевая способность или деятельность. Рассмотрение стиля в теоретическом аспекте предполагает сведение указанных разделов лингвистики в органическое единство. Стиль как норма

включает в свою субстанцию в качестве конstituентов речевую способность и речь как процесс, как функционирование. Язык, который связан со стилем нормативными отношениями, не безразличный посредник. В языке как бы существует подобие деятельности с языком, в его отдельных единицах изначально как бы записана и стилистическая информация, которая в определенной степени предсказывает возможности употребления единиц.

Заслуживает внимания утверждение Бенвениста, что в самом языке отражена «субъективность в языке» (т.е. деятельность с языком, что одно и то же), иными словами, способность человека присваивать себе языки в виде особой черты устройства, что масштаб человека «запечатлен в самой организации языка» [51]. По мнению Бенвениста, на этой основе смогла бы быть создана новая лингвистика, предметом которой явилась бы «субъективность в языке» [52], «человек в языке» и которая представляла бы собой семиотическую систему, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим человеком [53].

Субъективность в языке возникает в процессе взаимодействия человека с языком, что и отражается в определенной степени в языке. Но действительная субъективность, по мнению Бахтина, с которым мы согласны, проявляется в преодолении языка. И хотя его утверждение касается художественного языка, оно в определенной степени справедливо и для нехудожественного языка. «Язык обрабатывает художник, но не как язык, как язык он его преодолевает, ибо он не должен восприниматься как язык в его лингвистической определенности (морфологической, синтаксической, лексикологической), а лишь поскольку он становится средством художественной выразительности. Отношение художника (и вообще человека) к слову — как к слову — есть вторичный производный момент, обусловленный его первичным отношением к содержанию» [54].

Язык становится действующим, практическим только в единой саморегулирующейся системе, которая складывается из трех иерархических субординированных систем-кодов: текст, речь, язык.

## 1.2.2. Предметная реальность стиля. Его сущность

Любое теоретическое исследование начинается с полагания предельных оснований предмета науки, иными словами, ее предметной области, предметной реальности.

Предметная реальность — это система категорий, которые задают предельно общий каркас определений, качественно гетерогенных, разнородных, по-разному формулируемых на разных языках.

Формирование такого рода реальности является предпосылкой и содержанием работы внутри науки как специфической формы духовного производства.

Существовать для объекта науки — значит быть элементом ее предметной реальности.

В предметной реальности стилистики в работе выделяются два взаимосвязанных момента: природа стиля, составляющая его сущность, и качество стиля, связанное с его существованием и составляющее его специфику.

Природа стиля – человеческая, духовно-практическая деятельность и общение человека, причем деятельность творческая, осуществляемая по законам красоты, по законам гармонии целесообразности и уместности. Человек в этом случае выступает и как формирующая сила и как совокупность определенных общественных отношений. Как формирующая сила стиль связан с конструктивно-знаковой стороной творчества. В этом смысле стиль – феномен семиотический. Как выразитель совокупности определенных общественных отношений стиль связан с субъективными ценностями. И в этом смысле стиль – феномен аксиологический.

### 1.2.3. Предметная реальность стиля. Его качественная специфика

Качественную специфику стиля составляет системность. Системность – это особое измерение действительности, которое опирается на многомерный, многоуровневый учет взаимосвязей действительности и берет социальную целостность, каковой является и стиль в саморазвитии, в историческом становлении и изменении. Системность стиля выражает его интегральные свойства, глубокие интегральные характеристики его микро- и макроструктуры.

В коммуникативной системе произведения стиль осуществляет взаимодействие трех подсистем: подсистемы содержания, подсистемы изложения содержания и подсистемы воздействия.

Все они соответственно выполняют функции сообщения, общения и воздействия.

Стиль является сквозным целостным механизмом организации этих подсистем в единую коммуникативную систему словесного произведения. Таким образом коммуникативная система произведения представляет собой сложную совокупность связей, в которой взаимозависимость компонентов (названных трех подсистем) выступает в виде своеобразного замкнутого круга, когда «...все предпосылки процесса кругооборота оказываются его результатом, предпосылкой, созданной им самим». [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 115].

Именно это своеобразное «замыкание на себя», при котором образующие систему подсистемы вступают в сложные и многообразные отношения взаимозависимости и взаимообусловленности, превращает их совокупность в развивающийся по своим имманентным законам целостный организм.

Вместе с тем такое превращение сопровождается при переходе на более высокую ступень развития – своеобразной инверсией, трансформацией зависимого отношения в независимое, причины в следствие, исторически первичного в производное, а производного в главенствующее. Частным, но существенным примером инверсии определяющего и

определенного, исторически первичного и вторичного является «перевертывание» объективной субординации содержания и формы. Для таких явлений Маркс вводит понятие «превращенной формы» [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 219].

В произведении существует два вида содержания — содержание предметное и содержание формы (абстрактное содержание).

Своеобразие взаимодействия «превращенной формы» с предметным содержанием (в отличие от классического отношения формы к содержанию) состоит в том, что здесь форма приобретает самостоятельное существование, независимое от предметного содержания и становится выражением иного содержания (абстрактного), нежели того, которое исторически, и по существу является ее основанием, ее предметным, действительным содержанием.

#### 1.2.4. Функциональная реальность стиля

Стиль реально существует, т.е. функционирует как норма, предписывающая определенный тип организации языковых единиц. Реальные нормы отражаются в общественном познании посредством кодирования. Стиль как кодовая система является информационным процессом, в котором происходит сбрасывание одной кодовой формы и замена ее другой: текстовый (смысловой) код замещается речевым кодом, последний — языковым.

#### 1.3. Метод изучения и описания стиля

Наука прошлых столетий и соответственно философия и методология прошлого века сложились в своих основных принципах на базе знаний о естественных и естественноисторических процессах природы и общества. Но в XX в. обстановка становится несколько иной. Меняется в определенной мере сам тип человеческой цивилизации, и социально и научно-технически. При этом резко возрастает роль созидательной деятельности, сознательной, целенаправленной, инженерной, управленческой и т.п. [55]. В результате появляется мир искусственных вещей, т.е. сверхприродных, созданных человеком и человечеством.

Стиль относится к таким социальным, искусственным явлениям, и этим он отличается от языка, который рассматривается в работе как явление социальное, но естественноисторическое, первичное по отношению к стилю.

Язык как естественноисторический феномен выступает как «непосредственно данное», он есть и изучается как таковой во всех своих закономерностях, качествах, свойствах и отношениях. Стиль как искусственный феномен, прежде чем стать таковым, должен быть создан, т.е. спроектирован и произведен. В нем реализуются цели человека, он функционально обслуживает разнообразные человеческие потребности.

Искусственное — это человеческий мир, «вторая природа», которая базируется на естественной природе и вместе с тем «составляет ту великую и своеобразную прибавку», которая является исторически самой

молодой и вместе с тем качественно самой сложной реальностью мироздания» [56]. Следует отметить, однако, что искусственное, т.е. общественное, социальное как сверхприродное включает в себя одновременно и искусственное и естественное. Всякое искусственное своим материальным носителем имеет естественное. Знание об искусственных явлениях и процессах, если его основным содержанием является создание нового посредством элементов и компонентов известного, определяется как инженерное знание. Инженерная деятельность и инженерное знание при всей их собственной специфике являются частью общественной деятельности человека. Мышление человека, проектирующего что-то новое или воссоздающего некие природные явления искусственно, осуществляет композицию и декомпозицию предмета, моделирует его, предусматривает характер основных взаимодействий, действие реальных условий существования и т.п. И одним из главных приемов этого мышления становится принцип построения нового посредством элементов известного. В результате создается свой особый творческий познавательный инструментарий, который по своему характеру близок научно-практическим, инженерным методам с нефилософским содержанием, но имеющими свою очень важную философскую сторону в марксистской теории деятельности.

Инженерное знание, соединяющее в себе начало теоретического и практического знания, отражает новый проективно-конструктивный стиль мышления и обуславливает появление полиморфных, эвристических теорий.

Существенное гносеологическое различие между назначением естественных объектов и познаванием искусственных, осуществляемое с помощью эвристической теории, состоит в том, что в первом случае в нем преобладает анализ, а во втором — синтез [57].

Появление нового проективно-конструктивного стиля мышления означает, что наряду с естественными, так сказать, вербальными языками, образующими нашу общую понятийную систему, наряду с функционирующими в науке символическими языками ныне рождается еще один слой языков науки, своего рода **эвристические языки**. Как и все, они строятся на базе старого, из наличного материала, опираются на теоретические достижения и методы существующих наук. Вместе с тем, это новое не только повторяет «материнские структуры», но несет с собой и лично свое, принципиально отличающееся от старых структур. В теоретико-методологических достижениях других наук оно ищет и находит готовые формулы, принципы, законы, универсальные феномены, глубоко отражающие некие структурные формы объективной реальности, и из них как из готовых блоков строит свое здание, обладающее своей спецификой:

- сам этот «новый язык» строится по иной схеме, чем вербальные и логико-математические языки;
- современные эвристические теории (в отличие от обычных монистических и моноструктурных) строятся как некая не очень строгая (по составу и внутренним связям) совокупность, как бы «агломерация» самых разнопорядковых частей, связанных порой лишь самы-

ми общими теоретическими ориентациями и процедурами истолкования.

Характерно, что каждая из очередных попыток создать такую широкую, эвристическую по своему характеру теорию, будь то общая теория организации, общая теория управления, общая теория информации или общая теория систем — все они в значительной мере суммативны и даже включают друг друга в виде одного из своих элементов или подсистем. Но законы эвристики позволяют это, и, видимо, не надо их обязательно подгонять под общие принципы построения всех настоящих теорий. Они по-своему тоже настоящие, но другие по типу и пока еще только складывающиеся [58].

Стиль, будучи явлением многокачественным и многомерным, может изучаться с разных сторон и в разных отношениях, притом его «многогранность» увеличивается, если он рассматривается вместе с порождающими и мотивирующими его условиями. Так реально образуется многоаспектное видение предмета. Отсюда возникает проблема синтеза разноаспектного знания, проблема сведения различных знаний об этом явлении в систему знаний о нем.

В связи с комплексной природой стиля он не может быть познан каким-либо одним способом. Рассмотреть стиль в целостности — это значит рассмотреть его

- в аспекте генезиса,
- в аспекте «ставшего» знания и
- в аспекте функционирования.

Стиль познается путем объединения этих трех аспектов в их целостности.

Адекватным способом познания сущности стиля оказывается **деятельностный метод**. Он объясняет стиль через порождающие его механизмы деятельности. Деятельность намечает тот контур, внутри которого возможна дальнейшая конкретизация. Изучение стиля с позиции деятельности дает возможность раскрыть его как форму социального творчества, которое охватывает не только создание стиля, но и его восприятие (функционирование) и его данность.

Деятельностный метод находится в единстве с системой. Стиль — не результат, а результат вместе со своим процессом становления.

Системный подход как учение об объектах-системах, о взаимоотношении частей и целого, о структурах и иерархии систем специально не сфокусирован на проблемы деятельности, он «специалист» по другим вопросам, он приспособлен для изучения объектов и форм, качественных структур, интегральных механизмов и постоянных функциональных зависимостей. Он больше направлен на «статику», чем на «динамику», на «ставшее», на объекты, а не на их изменения. И только в соединении с деятельностью, с историческим подходом он дополняется параметрами изменемости, динамичности процессов. Без аспекта изменения любое знание не полно, не достигает уровня практического, работающего знания.

Принцип деятельности и системный подход — различны по самому характеру отражения объекта. Они рассматривают предмет с разных

сторон, но в этом проявляется их потенциальная взаимодополняемость. Функции системного подхода сводятся к следующему:

- он является средством объективации целостных явлений;
- он характеризует общие механизмы интеграции;
- он является средством раскрытия качественной многомерности явлений.

В рамках системного подхода важную роль играет его кибернетическая составляющая. Кибернетика как наука о системах управления, в данном случае, управления функциями, моделирует творческие процессы. В системе деятельности кибернетика связана с ее процессной стороной, операциональным аспектом, она является его продолжением. В кибернетику входит субъективный фактор, с ее помощью создается объективная информация о субъективной сфере. По своей сути кибернетический подход является формальным, абстрактным подходом. Его основной метод — формализация, т.е. выявление и уточнение изучаемого явления через рассмотрение и фиксацию его формы и оперирование с нею. Содержанием же явления, это относится и к стилю, являющимся связи, отношения, функции, которые можно «схватить» с помощью формализованного языка.

Для гуманитарных исследований применение кибернетики обусловлено необходимостью внести в них «точность» и «строгость», что и достигается в науках о человеке с помощью формализации.

Существует два вида формализации: фактическая, математическая и логическая формализация содержания (форма, строение, структуры рассуждения, абстрагированные от их конкретного содержания) [59]. Формализованный язык — понятие, релевантное упоминавшемуся выше эвристическому языку.

В пределах одной предметной области, в нашем случае стилистики, формальный подход оказывается диалектически взаимосвязанным с содержательным исследованием. Стиль как нормативно-ценностная система и демонстрирует эту диалектику: нормативная составляющая этой системы — результат формализации, а ценностная — это содержательная плоскость. Изучение стиля оказывается, по существу, одновременным движением в обеих плоскостях — формальной и содержательной. Каждый шаг в «формальном» исследовании корректируется соответствующим шагом в «содержательной» плоскости.

В качестве средств формализации выступают «исчисление» и «алгоритм». Исчисление формализует содержание, алгоритм формализует процесс. Исчисление связано с принятием решений, алгоритм предписывает автоматическое решение. Соединенное применение обоих методов — исчислительского и алгоритмического — позволяет создавать аппараты реального — эффективного, конструктивного — решения задач определенных классов [60].

## II. СИСТЕМНОСТЬ СТИЛЯ

### 2.1. Стиль как категория целостности словесного произведения

На всем историческом протяжении развития понятия «стиль», независимо от подхода, концепций, аспектов, его наипервейшей сущностной характеристикой считали целостность, единство. Понятие целостности связано с формой, последняя в рассматриваемом случае — с законченным словесным произведением.

Семантика слова «произведение» подчеркивает, что оно возникает как результат творческого труда. Это не организм, который живет по законам, заложенным в нем природой. Словесное произведение функционирует в соответствии со свойствами, которые придал ему творец, оно живет, подчиняясь закономерностям социального развития [61].

Под словесным произведением понимается всякий отграниченный языковой макрообъект, которому в результате целенаправленной коммуникативно-речевой и языковой деятельности придана определенная конструктивная организованность, внутренняя и внешняя форма. Однако словесное произведение — не только отграниченный объект, но это одновременно и воплощение совокупности общественных отношений.

В теории искусства, а также философской эстетике произведение определяется иногда как «вещь». В широком философском смысле слово «вещь» — это конкретное образование, единица существующего, причем не только материального, но и идеального характера. Будучи отделена от других объектов, вещь вместе с тем является носителем свойств, проявляющихся в отношении с другими вещами. Чтобы понять вещь, явление, необходимо учитывать всю «... совокупность многообразных *отношений* этой вещи к другим» [Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 202] [62]. В этом смысле словесное произведение является также результатом пересечения целого пучка общественных, субъектно-объектных отношений.

Словесное произведение представляет собой языково-духовную целостность, результат познания и осмысления действительности, результат целесообразности практического или художественного переосмысления материала жизни в содержание произведения. Словесное произведение — это также *коммуникативное* целое, где каждый момент и все целое целеустремлены, что-то осуществляют, чему-то служат. Иными словами, оно являет собой целостность общественных функций, определенный синтез материального субстрата (фактуального содержания и языка) и реализованного в нем труда.

В предлагаемой публикации представлен функциональный подход к стилю и к произведению. В этой связи акцент в рассмотрении данных проблем сделан на социальном отношении творчества и восприятия, производства и потребления.

В общей целостности словесного произведения необходимо различать целостность содержания и целостность материализующей его формы. Так как природа содержания и природа формы различны, различна и природа тех принципов, на основе которых создается целост-

ность содержания и целостность формы произведения. Целостность содержания обеспечивается творческим методом отражения и переработки реальной действительности. Целостность формы создается с помощью жанра и стиля, которые перерабатывают отраженное содержание в коммуникативное. Любая целостность структурна. И содержание и форма имеют свои структуры. При решении проблем стиля важным вопросом является выявление соотношения структуры содержания и структуры формы. Обе названные целостности выполняют различные функции в составе произведения:

- целостность содержания — функцию моделирования действительности,
  - целостность формы — функцию коммуникации в полном объеме.
- На языке современной текстовой лингвистики эти две целостности можно соотнести с понятием текста и контекста.

Текст входит в контекст, который тем или иным способом осмысляет текст. Текст, или референтный план высказывания, включается в рамки модели ситуации общения, в метареферентный план.

### 2.1.1. О структуре содержания

В словесном произведении следует различать два плана содержания: субстратное и сущностное.

Субстратное содержание — это вещественное (предметное), конкретное содержание. Оно в свою очередь является единством двух аспектов: объективного и субъективного. Объективный аспект субстратного содержания соотнесен денотативно с объективной действительностью, субъективный — с гносеологической оценкой, т.е. отношением говорящего к денотативному содержанию, которое носит социально-идеологический или мировоззренческий характер.

Субстратное содержание многообразно, как многообразен материальный мир, изменчиво и не поддается никакой классификации и типологии.

Сущностное содержание — или функциональное, ценностное, смысловое — является продуктом формообразования, оно является выражением типизированных связей и отношений реальной действительности, воспринимаемых человеческим сознанием, т.е. это категориальная система связей реального мира, познанная человеком и реализуемая в словесном произведении. Это содержание отображает определяющую роль содержания по отношению к форме. Это специфическое содержание, которое в предыдущих разделах фигурировало как целесообразность, функциональность. В нем также можно выделить два аспекта: практический и эстетический.

Субстратное содержание — содержание «видимое», прямо воспринимаемое через язык, сущностное содержание «невидимо», средством его выражения служат коды, алгоритмы, программы.

Два плана содержания взаимосвязаны: субстратное, вещественное содержание опосредует сущностное — функциональное — содержание, выступая его носителем; сущностное содержание выступает формой субстратного содержания.

Онтологическая разница между ними: субстратное содержание предметно, сущностное – процессно.

### 2.1.2. Форма словесного произведения

Каждый объект обладает формой, в которой он выступает как система. Под *формой* понимается система способов, приемов и материальных средств выражения, преобразования и существования содержания данного произведения согласно существующим требованиям, критериям, нормам [63].

Форма словесного произведения есть сложная разноуровневая система элементов и связей между ними координационного и субординационного типа.

Особенно следует выделить вопрос о двойной соотнесенности формы. Форма, с одной стороны, действительно материальная, сплошь осуществленная на материале и прикрепленная к нему, с другой стороны, ценностно выходит за пределы произведения как организованного материала, как вещи. Здесь вновь следует сослаться на учение Маркса о производительном труде. Ведь труд производителен не только потому, что создает полезные вещи, потребительные стоимости, но и потому, что создает общественную форму вещи, или общественную связь в форме вещи. [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23, 46. Ч. II]. Т.е. труд как формообразующий процесс производит не только вещи, но и общественные отношения. В форме предмета человек имеет дело с другим человеком: «... предмет, являющийся непосредственным продуктом деятельности, его индивидуальности, вместе с тем оказывается его собственным бытием для другого человека, бытием этого другого человека и бытием последнего для первого» [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 117].

Эти две стороны формы по-разному относятся к содержанию. Есть *формальная* форма, безразличная к содержанию, внешняя форма. И есть форма, пронизывающая собой содержание, способ внутренней организации содержания, *содержательная* форма, форма смысла, без которой это содержание существовать вообще не может.

Когда мы говорим «бесформенная глыба мрамора», то имеем в виду отсутствие у этой глыбы определенной формы, а не отсутствие формы вообще: какую-то форму она все равно имеет. Если же мы придаем этой глыбе определенную форму статуи или колонны, то определенность этой формы остается безразличной по отношению к мрамору: ему «все равно», какую форму он принимает – форму статуи или плиты для облицовки стен. Это и есть внешняя «нерефлектированная» форма.

Однако та же самая форма как определенная форма, как форма статуи, например, если это «надлежащая» форма, не только не безразличная к содержанию, а сама представляет собой определенное содержание, как откристаллизовавшееся человеческое содержание (целесообразность). В данном случае эта форма уже «рефлектирована в самое себя», сама себя в себе самой отразила, потому что она в качестве таковой имеет значение не для мрамора, который мог бы совершенно спокойно

пребывать в любой другой форме и который не обязательно имеет для нее значение. Форма могла бы быть воплощена и в другом материале, в граните, бронзе и т.д. — она важна для того содержания, которое в ней отразилось [64]. Аналогичную точку зрения на содержательную форму высказал Г.О. Винокур: это содержание формы «не имеет своей собственной раздельной звуковой формы, а пользуется вместо нее формой другого, буквально понимаемого содержания. Таким образом формой здесь служит содержание. Одно содержание, выражающееся в звуковой форме, служит формой другого содержания, не имеющего особого звукового выражения. Вот почему такую форму часто называют «внутренней формой» [65]. Именно такая форма в своей функциональной и эстетической разновидности адекватна понятиям «жанр» и «стиль».

### **2.1.3. «Жанр» и «стиль» как нормы создания и восприятия словесного произведения**

Жанр и стиль — это нормы способов осмысления содержания и его изложения, способа обмена мыслями. Они выступают как крупные смысловые единицы и как поведенческие жизненные стереотипы, стереотипы выражения. В этой своей двухвекторности, т.е. обращенности к содержанию и адресату, они образуют единство предметной и информационной форм. В этом смысле жанр и стиль категории синтеза, интегральные характеристики формы произведения.

Жанр и стиль исторически сложились в обществе как нормы создания словесных произведений. В предметной форме жанр представляет собой конструкцию произведения, а стиль — форму как эстетически смоделированную конструкцию, исторический стереотип формы произведений.

Жанровые принципы в своем общем виде имеют в значительной мере алгебраический характер, они определяют лишь тип построения, основные контуры произведения. Переключение их в сферу реальной динамики системы изложения, в сферу эстетико-смысловой мобильности, осуществляется средствами стиля [66]. В информационной, процессной форме жанр и стиль представляют собой схему, тип соответственно двухслойной системы изложения. С точки зрения логики система изложения — это путь, движение, следование мыслительного содержания, способ вовлечения мыслей в движение и характер этого движения. Система изложения опосредует содержание произведения, осмысляя, интерпретируя его, выбирая зрительный и речевой ракурс его передачи.

Жанр и стиль следует понимать не как конкретные высказывания, а как динамические, структурные модели, которые могут воплощаться в некотором множестве конкретных речевых произведений. Жанр и стиль органически связаны ценностными отношениями пользы и красоты.

### **2.1.4. Место стиля в функциональной системе произведения**

Целостность и система — внешняя и внутренняя стороны единого комплексного образования «словесного произведения». Целостность —

количественная категория, а система – внутренняя структура, на которой покоится целостность. Подлинная целостность не является чем-то первичным, а выступает только функцией системы. Целостность, как упоминалось выше, реализуется в форме.

Форма всегда система, а система всегда форма, систематическая форма. Форма представляет собой многоуровневую иерархическую систему, компоненты которой связаны между собой функциональными сторонами. Форма, как говорилось выше, бывает прежде всего внешняя, формальная, и внутренняя, содержательная. Отсюда системы, с помощью которых изучаются реальные системные объекты, могут быть формальными и содержательными. Метод анализа, т.е. метод расчленения целого, у них разный. В случае формальных (предметных) систем процесс расчленения не имеет внутреннего предела – каждая часть в свою очередь целостность. Здесь имеют место разные уровни целостности. При таком типе расчленения правомерна постановка проблем неаддитивности.

В случае содержательной системы расчленение целого является функциональным. Его схема такова: задается набор функций рассматриваемого целого, удовлетворение которых является необходимым и достаточным условием для поддержания существования данной системы. Заданный набор функций становится основанием для расчленения целого, при этом каждая функция обслуживается отдельной структурной составляющей системы. Такая составляющая – не часть, а подсистема. Функциональное расчленение не всегда совпадает с расчленением на части, совпадение может быть не более, чем случайность.

Для функционального расчленения характерно то, что оно в принципе может опираться лишь на один уровень целостности: подсистемы, выделенные при таком расчленении, не могут рассматриваться сами по себе как независимые сущности, они обязательно должны быть соотнесены с целым. В этом смысле целое больше суммы частей, поскольку оно логически предшествует им.

Функциональное расчленение может проводиться лишь в том случае, если данный объект выступает как целостность, как нечто такое, чего нельзя объяснить, исходя только из внешних по отношению к нему оснований. Функциональное расчленение дополняется расчленением на части. Но каждую часть нельзя объяснить тем, что она выполняет определенную функцию, ибо она выполняет много функций [67].

Жанр и стиль относятся к сложным системам, которые требуют двойного рассмотрения:

- в их предметном бытии, в статике, временно отвлеченном от динамизма их реального существования, ибо только при такой «остановке» познание способно схватить, описать, смоделировать состав и строение данной системы;
- они могут и должны быть рассмотрены в динамике их действительного существования.

Эту последнюю (динамику) в свою очередь, также следует рассматривать в двух ракурсах:

- в функционировании и
- в развитии, возникновении, становлении, преобразовании и т.д.

Соответственно этому адекватное представление о сложодинамических системах требует сопряжения трех плоскостей их исследования — предметной, функциональной и исторической [68].

## 2.2. Предметный (объектный) аспект стилистической системы словесного произведения

**I. Состав и структура системной формы.** Как уже говорилось, словесное произведение представляет собой сложное взаимодействие ряда подсистем, и прежде всего подсистемы содержания и подсистемы изложения содержания, т.е. функциональной подсистемы, которая является моделью процесса коммуникации.

Стиль (и жанр) феномен функциональной подсистемы, являющейся, в свою очередь, сложной, искусственной, динамической, идеально-материальной системой. Она состоит из нескольких самостоятельных, но необходимо взаимосвязанных систем. Ее можно отнести к системным комплексам: человек — язык, человек — среда, человек — предмет, предмет — среда и т.д. [69]. Главное в таких системных комплексах то, что они являются системами взаимодействия, интегральными системами.

При подходе к стилю как полисистемному явлению он воспроизводится в знании целиком, во всем многообразии его реального проявления.

Действительный смысл системного подхода состоит в том, что он является методологическим средством изучения интегрированных объектов и интегральных зависимостей и взаимодействий. В результате интеграции возникает некий прирост качеств и закономерностей по сравнению с исходным, некий интегральный эффект, системное качество.

В рамках рассмотрения стиля со стороны объектного аспекта системы системность выглядит двояким образом: как системно-функциональное совокупное качество и как специфическое конкретно-историческое общественное качество. Таким образом речь идет о системности как двойственной качественной определенности стиля, которую традиционно соотносили с типами текста и функциональными стилями.

Анализ объектного (предметного) аспекта стиля как системы предполагает решение следующих взаимосвязанных задач: во-первых, установление, из каких компонентов (подсистем) состоит изучаемая система и как эти компоненты между собой связаны, какова их структурная связь; и, во-вторых, как осуществляется связь реального существования системы в определенной среде, иными словами связь и структура функционирования, отразившаяся в объектной форме.

Всякая система обладает набором компонентов — таких структурных единиц, взаимодействие которых вызывает присущие системе качественные особенности.

Поскольку системный подход исходит из представления о системе как о целостности, несводимой к ее составным частям, постольку вычленение компонентов (или подсистем), образующих эту целостность, должно представлять их как необходимое и достаточное для самого существования данной системы.

В качестве основания стиля (и жанра) положена коммуникативная функция в ее полном объеме: это и сообщение, т.е. содержание, переработанное коммуникативной системой, и общение, как внешняя форма коммуникации, и общение в собственном смысле этого слова (интерсубъективное общение), как смысловое взаимодействие. В состав коммуникации, как говорилось уже выше, входит не только обмен мыслями, составляющий основу жанровой системы, но и обмен чувствами, что составляет основу стилистической системы. Так что коммуникативная функция двухслойна, а следовательно, двухслойны и ее составляющие и сама система коммуникации — или конкретно, в проекции на текст — система изложения. В терминах семиотики эти двухслойные составляющие коммуникативной системы (объективные и субъективные) именуется соответственно как семантическая, синтаксическая и прагматическая (эстетическая) подсистемы.

Помимо этих подсистем в целостности изложения присутствует еще рефлексивная подсистема как знаковый аналог формационной системы создания жанра и стиля произведения, делающая произведение действующим. На уровне функционирования произведения она выполняет функции кибернетической системы. Эта рефлексивная подсистема есть не что иное как внутренняя форма, во внешней форме она отпечатывается как вид этой формы, как определенный конструктивный облик синтаксической подсистемы.

Анализ состава системы изложения (или системы произведения, что одно и то же, если произведение рассматривать как феномен коммуникации) тесно связан со структурным анализом. Структурные связи могут носить координационный и субординационный характер.

К о о р д и н а ц и о н н а я структура коммуникативной системы состоит в том, что подсистема общения (синтаксическая подсистема в произведении) образует конкретное поле, конкретную систему бытования фактуального (семантического) и функционального (прагматического) содержания. Подсистема внешнего общения, таким образом, рассматривается как замкнутое системное целое. Известно, что система состоит из элементов и структуры. Э л е м е н т н у ю (содержательно-фактуальную и эмоционально-оценочную) о с н о в у образует подсистема сообщения. С т р у к т у р у образует подсистема смыслового взаимодействия.

С у б о р д и н а ц и о н н а я структура носит уровневый характер и связана с качественной спецификой каждой подсистемы, составляющей систему изложения.

В.П. Кузьмин [70] выделяет три основных разновидности качеств, присущих объектам материального мира, в том числе и словесным произведениям.

Первая разновидность качеств — материально-структурные качества, в нашем случае это качества языковой материи и качества материала, т.е. передаваемого содержания.

Вторую разновидность образуют функциональные качества, в основе которых лежит принцип назначения. По этому принципу определяются все предметы, созданные человеческим трудом, например, речевые жан-

ры. Они могут охватывать различное содержание, но главное состоит в том, что произведение должно отвечать своему назначению, своей функции (фельетон, объявление, сводка погоды и т.п.). Это функциональные качества, функциональное значение, т.е. смысл произведения. Эти качества можно обозначить как социальные качества «первого порядка». Они овеществлены в конкретных произведениях.

Третья разновидность качеств — совокупно-функциональные качества. В отличие от первых двух качественных определенностей, которые всегда присутствуют в законченном словесном произведении, последние являются совокупными, или интегральными качествами. Их можно обозначить как социальные качества «второго порядка». Это совокупные функциональные качества, в нашем случае, качества текста, которые в современной лингвистике составляют основу типологии текста. Они в конкретном произведении материально не присутствуют, а присутствуют как некий общий признак состояния системы или пропорциональная часть целого. Например, директивный тип текста объединяет в систему различные речевые жанры: закон, устав, приказ, указ, договор и т.д. на основе совокупного функционального свойства — директивности. За внешней системностью «закона», например, «просвечивает» совокупное функциональное качество «директивность» как внутренняя закономерность. Совокупные функциональные качества возникают как продукт интеграции многих элементов, что дает нечто большее, чем сумма частей, они отражают некие общие свойства данного множества явлений и представляет собой надындивидуальную определенность.

Функциональные и совокупные функциональные качества — это целостные качества, произведенные, воплотившие в себе человеческий труд. Разницу между ними К. Маркс определяет следующим образом: «Как потребительная стоимость, он (товар — М.П.) не заключает в себе ничего загадочного, будем ли мы его рассматривать с той точки зрения, что он своими свойствами удовлетворяет человеческие потребности, или с той точки зрения, что он приобретает эти свойства как продукт человеческого труда. Само собой понятно, что человек своей деятельностью изменяет формы веществ природы в полезном для него направлении. Формы дерева изменяются, например, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо больше удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать» [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 81].

Разница между социальными качествами первого и второго порядка состоит в том, что социальные качества «первого порядка» являются функциональными, предметно-системными, ибо, с одной стороны, они являются отражением неких общественных потребностей и нормативов, а с другой стороны, они имеют обязательную предметную форму, четко и однозначно материализованную в отдельных конкретных произведениях. В отличие от них социальные качества «второго порядка»

являются системными в собственном смысле слова. Они прямо не объективированы в отдельных произведениях и выражают интегративные качества общественного целого [71].

Субординация указанных трех разновидностей качеств следующая:

- предметные качества являются носителями функциональных,
- функциональные носителями совокупно-функциональных.

**II. Структура функционирования системы изложения.** Выше речь шла о структуре системы изложения. В этом разделе речь пойдет о структуре функционирования указанной системы.

Всякая система социального порядка активна, деятельна, что проявляется в функциях системы. В свою очередь, функции системы есть результат функционирования образующих ее компонентов, подсистем.

Система изложения – динамическая, коммуникативная система, предназначена для обеспечения функционирования содержания, а не просто придания ему жанровой и стилистической формы. Когда в данной работе используется понятие «способ, система изложения», то тем самым подчеркивается коммуникативная сторона и коммуникативная природа жанра и стиля. Следует обратить особое внимание на двойственный характер системы изложения как системы функционирования: внешнее и внутреннее функционирование.

**Внешнее функционирование** (внешнее общение, передача содержания) связано со словесным произведением как индивидуальным фактом. Язык воспринимается в данном случае в контексте обыденного смысла. Обыденность выступает в сознании открытым текстом: здесь все ясно.

**Внутреннее функционирование** (смысловое общение) выражает ряд субъективных, символических отношений: за каждым обыденным явлением скрывается еще нечто, что часто более значимо, чем эта обыденность, символическое оказывается как бы теневой, обратной стороной этой ясности и прозрачности «обыденного» (например, речевой жанр фельетона – здесь конкретное содержание, оформленное как фельетон, за которым стоит символическое содержание – фельетонность).

Двойное (внешнее и внутреннее) функционирование, предполагает введение рассмотренных выше систем в определенную сферу функционирования: в случае системы как индивидуального факта – в систему конкретного (наличного или предполагаемого) адресата, в случае символической (совокупно-функциональной) системы – в систему общественно-исторических отношений (в нашем случае – социальных сфер функционирования языка, соотношенных с функциональными стилями). Здесь возникает новый ракурс рассмотрения жанра и стиля как системного образования и новый ракурс рассмотрения системного качества жанра (стиля) как общественного.

В предыдущем разделе жанр и стиль рассматривались как системные явления со стороны их «природного» качества, качества, сделанного человеком. Они брались сами по себе, в своих наиболее общих и абстрактных моментах, каким является целесообразность.

В этом разделе системность будет рассмотрена в аспекте специфического качества (*differentia specifica*), в аспекте отнесения системности к среде (или системе) функционирования и ее рассмотрения сквозь призму общей структуры этой системы функционирования. Эта система двойная: микро- и макросреда. Система функционирования (макросреда) в нашем случае — это социальные системы, соотносительные с функциональными стилями. Система функционирования как микросреда обращена к конкретному адресату. Эти системы (среды) как конкретная реальность обладают «скрытыми» в них параметрами, формирующими в объектной форме предпосылки конкретного функционирования системы, почему эти системы называются также формационными системами. Системные качества, присущие произведению как предпосылка функционирования, являются специфическими и переменными в отличие от постоянного и общего характера функциональных качеств.

Интегральные общесистемные качества существуют как самостоятельные и в своей основе не зависят от функциональных. Они являются предметом самостоятельной дисциплины «функциональной стилистики», равно как и функциональные качества имеют свое собственное основание и детерминируются иным образом, чем общесистемные. Они также претендуют на самостоятельное научное изучение в дисциплине «типология текстов». В рамках стилистической системности функциональные и общесистемные качества выступают как синтез взаимозависимых величин.

Таково объективное видение жанрово-стилистической системы как системы идеальной, как системы субъективной реальности, которая необходимо материализуется в языке. Системы такого рода являются идеально-материальными системами.

## **2.3. Исторический аспект стилистической системы словесного произведения**

### **2.3.1. Категория деятельности**

Исторический аспект стилистической системы связан с динамикой ее действительного существования. Рассмотрение системы в этом аспекте предполагает изучение вопросов ее возникновения, становления, развития, разрушения, преобразования. Этот аспект генетически связан с созданием и функционированием системы.

Создание и функционирование представляют собой диалектическое единство в социальных системах, ибо сам фактор создания системы обусловлен необходимостью ее функционирования.

Методом изучения создания социальной системы выступает деятельность как один из способов объяснения вещей путем прослеживания их становления.

Под деятельностью понимается формирующая активность субъекта, которая проявляется в материально-преобразующей общественной практике. Практика включает в себя субъективный момент, она производна от человека, является его проявлением и действительностью. Она вклю-

чает также и объективный момент, ибо направлена на формирование действительности. Практика — это единство субъекта и объекта, их взаимопереход, их реальное тождество в одном. Таким образом практика есть процесс, в котором сущее формируется и присваивается как человеческое, а человеческое утверждается как действительное [72].

Такое определение деятельности делает возможным вычленение трех основных элементов деятельности и понимание их структурной связи. Такими элементами являются:

- субъект, наделенный активностью и направляющий ее на объекты или на других субъектов;
- объект, на который направлена активность субъекта;
- сама активность, выражающаяся в том или ином способе овладения объектом субъектом или в установлении объектом коммуникативного взаимодействия с другими [73].

Все три элемента деятельности — субъект, объект, активность субъекта выступают реально во множестве различных форм.

Прежде чем конкретно рассмотреть состав деятельности, необходимо сделать следующее предварительное замечание о двойственном характере деятельности.

В одном из писем к Ф. Энгельсу К. Маркс писал об окончании работы над 1 томом «Капитала»: «Самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается *все* понимание фактов); 2) исследование *прибавочной стоимости...*» [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 277]. Эта мысль в «Капитале» повторяется не раз. Например: «Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное: как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражен в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему как создателю потребительных стоимостей. Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически доказана мною. Так как этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии, то его следует осветить здесь более обстоятельно». [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 50].

В вещи как товаре (в нашем случае — конкретное словесное произведение, рассчитанное на восприятие) содержится материальная субстанция как результат конкретного труда и «общественная субстанция», как результат абстрактного труда. Разделить их невозможно, ибо одно есть *alter ego* другого.

Тем не менее, «Потребительная стоимость и меновая стоимость хотя и соединены непосредственно в товаре, столь же непосредственно находятся вне друг друга». [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 394]. Здесь Маркс подчеркивает двойственность детерминации вещи-товара как потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Потребительная стоимость определяется свойствами вещи и условиями потребления, меновая же стоимость определяется стоимостью, т.е. затратами общественно необходимого труда в его абстрактном качестве. Этот

феномен «двойственности», образующий как бы два самостоятельных измерения товара, имеет огромное значение для анализа любых полисистемных и полиструктурных явлений, столь характерных для процессов общественной жизни [74]. Он лежит в основе одной из современных научных проблем о соотношении двух систем: системы деятельности и системы общественных отношений, конкретного и абстрактного труда. Абстрактный труд, который является субстанцией общественных отношений, составляет одновременно субстанцию стиля как социальной нормы, обеспечивающей коммуникативные процессы.

В этой связи, говоря об объекте деятельности, следует еще раз подчеркнуть, что у нее два фокуса, следовательно, два объекта.

### 2.3.2. Состав деятельности. Объект деятельности

Человеческая деятельность всегда предметна. Первым объектом деятельности является предмет.

Объекты деятельности имеют различные субстраты. Объектом может быть любой природный предмет, любое явление общественной жизни, объектом является и человек в деятельности коммуникации.

«Предмет искусства – нечто подобное происходит со всяким другим продуктом – создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета». [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 718].

Второй объект деятельности известен в теории речевой деятельности как адресат речи. Адресат (читатель, слушатель) не страдательное, а активное начало. Высказывание всегда строится с учетом возможных ответных реакций со стороны адресата. Роль других (читателей, слушателей), для которых строится высказывание, велика, ибо они – активные участники речевого общения. Говорящий с самого начала ждет от них ответа, активного ответного понимания. Когда человек говорит, он всегда учитывает фон восприятия своей речи адресатом. Без учета отношения говорящего к другому нельзя понять ни жанра, ни стиля речи. Любой стиль изложения даже самый нейтральный, максимально сосредоточенный на своем предмете, включает все же определенную концепцию своего адресата. Адресат речи является существом общественным, социальным в своей сущности, он обязательно принадлежит к тому или иному обществу, классу, нации, социальному коллективу.

Адресат может быть непосредственным участником – собеседником бытового диалога, может быть дифференцированным коллективом специалистов какой-либо области общения, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками; он может быть и совершенно неопределенным и неконтретизированным. В этой связи любопытны следующие суждения.

«... Я вот часто задумываюсь над тем, как могла возникнуть у людей эта довольно странная профессия «писательство»... В чем дело? Я давно думаю, что писательство возникло в человечестве «с горя», за неудовлетворенной потребностью иметь перед собой собеседника и друга!

Не находя этого сокровища с собою, человек и придумал писать какому-то мысленному, далекому собеседнику и другу, неизвестному, алгебраическому иксу, на авось, что там вдали найдутся души, которые зарезонируют на твои запросы, мысли и выводы... Особенно характерны... платоновские «Диалоги», где автор все время с кем-то спорит и, с помощью мысленного собеседника, переворачивает и освещает с разных сторон свою тему. ...Тут у писательства в первый раз... мелькнет мысль, что каждому положению может быть противопоставлена совершенно иная, даже противоположная точка зрения и это начало «диалектики», т.е. мысленного собеседования с учетом, по возможности, всех логических возражений. И, можно сказать, что это было началом науки» [75].

«Ведь диалогические отношения... это — почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение. ... Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи, — с ними можно только диалогически общаться...» [76].

Вопрос о концепции адресата речи (как ощущает и представляет его себе говорящий или пишущий) имеет громадное значение в истории литературы.

«Из своего писательного опыта я знаю, что напряжение и качество той вещи, которую я пишу, зависит от моего первоначально заданного представления о читателе» [77].

Для каждой эпохи, для каждого литературного направления и т.д. характерны свои особые концепции адресата литературного произведения, особое ощущение и понимание своего читателя, слушателя, публики.

Наряду с реальными ощущениями и представлениями своего адресата, которые определяют стиль высказываний, в истории литературы существуют еще условные и полуусловные формы обращения к читателям, слушателям, потомкам, подобно тому, как наряду с действительным автором существуют условные и полуусловные образы подставных авторов, издателей, рассказчиков разного рода.

Обращенность, адресованность высказывания есть его конститутивная особенность, без которой нет и не может быть высказывания. Различные типические формы такой обращенности и различные типические концепции адресатов — конститутивные, определяющие особенности различных речевых жанров и стилей [78].

Объекты деятельности — это не просто любой предмет, любое явление или любые характеристики адресата, а это предметы, явления и характеристики адресата, включенные в сферу речевой деятельности человека.

Человеческая деятельность теснейшим образом связана с категорией отражения, которая фиксирует прежде всего проблему источника субъективных образов: он всегда находится в самой действительности. Поэтому содержание сознания всегда обладает свойством предметной соотнесенности, состоящим в том, что любой его образ является образом какого-то конкретного объекта, факта, явления.

Следует различать первичную и вторичную предметную соотнесенность. В первом случае речь идет о возможности указать те реальные элементы действительности, на основе которых возник данный образ, те жизненные впечатления, из которых он сложился. Этим свойством обладают все образы и оно универсально. В случае вторичной предметной соотнесенности образ не только запечатлевает те или иные стороны действительности, но и выбирает из них и моделирует какую-то связную предметную ситуацию сообразно поставленной цели общения. Это так называемое информационное, или функциональное отражение. Полученные образы-модели выступают предметами речевой деятельности, включены в систему коммуникации, в систему изложения, которая описывает не гносеологическую, а прагматическую ситуацию.

### 2.3.3. Субъект деятельности

Субъект деятельности представляет собой крайне сложную систему, включающую в качестве своих компонентов различные группы людей, отдельных личностей, занятых в разных сферах духовного и материального производства, наконец, общество в целом. Субъект — это познающий человек, чувственно-предметное, активно действующее и общественное существо. «... человек не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это мир человека, государство, общество». [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. I. С. 414].

Подобно тому, как Маркс открыл двойственный общественный характер человеческого труда, он открыл двойственную общественную природу человека и ввел два понятия социальности: с одной стороны человек выступает как итог культурной истории, культурно-исторической, «транс-исторический» субъект, с другой стороны, — как персонификация общественных отношений данной эпохи.

Маркс различает природные и социальные качества применительно к человеку, выделяет в нем элементы, свойственные ему как субъекту природы и как субъекту общества.

В работе «К критике гегелевской философии права» Маркс пишет: «Но он [Гегель] забывает, что особая индивидуальность есть человеческая индивидуальность и что государственные функции и сферы деятельности представляют собой человеческие функции; он забывает, что сущность «особой личности» составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество*, и что государственные функции и т.д. — не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека» [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 19].

Понятие «субъект» фиксирует активность индивида по отношению к объекту, а также определенную его организацию, настроенность, устанувку в связи с характером этой активности.

Субъект деятельности имеет сложную уровневую структуру [79]. Это:

— определенная психофизическая (конструктивная) организация субъекта, обеспечивающая возможность творчески-преобразователь-

ной формообразующей мыслительной деятельности. На этом уровне субъект выступает как индивид, т.е. представитель человеческого рода, в процессе фило- и онтогенетического развития которого сформировались механизмы, посредством которых осуществляется идеальная формообразующая деятельность.

- Социальный уровень, на котором субъект выступает как элемент сложной общественной системы. Способ «вхождения» в эту систему характеризует его как личность, которая «...представляет собой конкретное выражение сущности человека, т.е. определенным образом реализованную интеграцию в данном индивиде социально значимых свойств, относящихся к сущности данного общества» [80].
- Индивидуальный уровень, на котором реализуются эстетические и прагматические отношения как избирательная способность к восприятию, переживанию и оценке действительности, способность к творческому воображению и деятельности.

Субъект речевой деятельности – это говорящий человек, т.е. это практически действующий человек, творящий человек, который строит свое высказывание или произведение по законам собственно речевой деятельности и общения. Субъект речи персонифицирует процесс речи, создавая языковой текст как некую реальную целостность. Говорящий обладает внешней определенностью: возрастной, профессиональной, социальной, психологической. Понимание текста необходимо предполагает понимание того, кто за ним стоит. В этом смысле во многом до сих пор прав М.М. Бахтин, утверждая, что лингвистика знает только систему языка и текст. Между тем всякое высказывание, даже стандартное приветствие имеет определенную форму автора (и адресата) [81].

В художественной речи говорящий субъект оформляет субъективное содержание произведения. Он имманентен повествованию, т.е. не событию, о котором рассказано в произведении, а событию самого рассказывания. Эта категория обозначена как «образ автора», «образ повествователя». Мы не видим его так, как изображенные им образы. Мы чувствуем его во всем как чистое изображающее начало. Это, правда, образ особого типа, отличный от других образов произведения, но это образ, он имеет своего автора, создавшего его [82], подлинного автора, биографическую личность.

Текст не равняется всему произведению в целом. В произведение входит и необходимый (внетекстовый) контекст его, т.е. система изложения. Произведение как бы окутано музыкой этой системы, в которой оно понимается и оценивается.

Функция «образа автора» заключается в том, чтобы «внешнюю среду, воздействующую механически на личность, заставить заговорить, т.е. раскрыть в ней потенциальное слово и тон, превратить ее в смысловой контекст мыслящей, говорящей и поступающей личности» [83]. Как интеллектуальный, так и эмоциональный смысл повествования зависит от своеобразия «образа повествователя». Переосмысляя содер-

жание, выступая истолкователем сюжетных линий, он в конечном счете выражает определенную идейную позицию. Он осмысляет содержание также в свете определенной манеры чувствования и проявления чувств.

«Образ автора» как творческий субъект воплощается, как уже говорилось, не в форме образа, а в форме голоса автора, который реализуется с разной степенью отчетливости и чистоты. Образ автора также средство введения в произведение разноголосия и сведения его в единство. В образе автора как в фокусе сходятся все структурные качества словесно-художественного целого. Индивидуальный стиль в значительной мере определяется формами воплощения «образа автора» в произведениях этого писателя [84].

«Образ автора» как новая своеобразная категория художественной литературы в ее индивидуальных формах выступает на смену обобщенным авторским жанрово-типическим схемам на пороге XVIII–XIX веков.

«Образ автора» — многообразный и многоликий феномен. Повествователь проникает в частные дома, знакомя нас с интимной перепиской; он входит в государственные учреждения и широко цитирует официальные документы; он предлагает нам внешне беспристрастный взгляд как бы постороннего наблюдателя и страстную исповедь героя или свою собственную.

Многообразие способов повествования приводит к двум «противоположным тенденциям»: одна крайность — полное растворение повествователя в потоке событий, лиц, фабульных ходов, занимательных подробностей и сведений. У читателя должна возникнуть иллюзия, что перед ним не книга, а жизнь, и она не прочитывается, а совершается в его присутствии. Другая крайность — выдвигание на первый план рассказчика, который занимает все внимание читателя не содержанием, а формой, манерой повествования, затейливостью речи, звуковыми каламбурами, игрой словами, приемами и образами. Между этими полюсами располагается огромное количество градаций, переходов, вариантов. Но во многих случаях легко выделить стилевую доминанту, преобладающее тяготение к объективному или субъективному способу повествования.

«Образ автора» может колебаться в пределах одного жанра в разных произведениях и даже в пределах одного произведения в разных его частях. Свобода перемещения повествователя в физическом пространстве и параллельно возникающее соотношение двух или нескольких голосов как раз и объясняют чрезвычайное многообразие форм повествования.

Многообразие автора и его функций не исчерпывается различиями по «горизонтали» — различиями самих творцов, их индивидуальных особенностей, различиями произведений и жанров, к которым они принадлежат. Наряду со статическими различиями существуют различия и исторические — различия «по вертикали». Исторические различия определяются общим развитием литературы, сменами литературных направлений, общественно-идеологическими переменами. Образ автора

все время развивается в зависимости от изменения эстетических и идеологических идей эпохи [85].

В заключение рассуждений о категории «образа автора» как говорящего субъекта в художественном произведении следует подчеркнуть, что «образ автора» — категория не познавательного, а поведенческого плана, категория творческого процесса, которая воплощает образ действия. Это категория творческой индивидуальности писателя. «Творческая индивидуальность — это личность писателя в ее важнейших социально-психологических особенностях, ее видение и художественное претворение мира, это личность художника слова в ее отношении к эстетическим запросам общества, в ее внутренней обращенности к читательской аудитории, к тем, ради которых создается литература» [86].

#### 2.3.4. Активность как субстанциональная основа деятельности

Активность есть свойство всяких материальных систем запечатлевать особенности воздействующих явлений в соответствии с собственной определенностью и отвечать на внешние явления некоторым действием, изменяющим состояние внешней среды [87].

Специфически социальное качество активности, присущее человеку, называется в строгом смысле этого слова творческим.

Различают активность «собственную» (самостоятельную) и «передающуюся»; иначе говоря, действие, не выходящее за пределы субъекта действия, лежащее лишь в его границах (*actio immanens*) и действие, выходящее за пределы субъекта действия, не лежащее лишь в его границах (*actio transiens*) [88].

Собственная активность соотносится с деятельностью как родовой сущностью человека, образуя ее субстанциональный аспект. «Передающаяся» активность — с деятельностью как средством, как способом достижения человеком поставленных целей.

С проблемой активности связано материалистское решение основного вопроса философии, поскольку непосредственно касается отношения между человеком (обществом) и природой. По сути своей это отношение есть труд, как процесс обмена веществ между человеком и природой, в ходе которого человек изменяет природу и изменяется сам [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 188]. Иначе говоря, активность человека есть активность его конкретно-исторической практики, направленной на изменение природы, а тем самым и на изменение субъекта, чья активность рассматривается. В.И. Ленин особо отмечал мысль Гегеля о том, что человек «есть *стремление* реализовать себя, дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя». [Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194].

Активность есть реальное сущностное свойство (сущностная сила) социального индивида, проявляющееся в его взаимодействии с себе подобными и с природой в процессе реальной жизни общества на том или ином исторически определенном этапе развития последнего. Иными словами, активность как имманентное свойство индивида проявляется в конкретно-исторических видах деятельности как реализациях «передающейся» активности. Индивидуальная активность, какой

бы свободной она ни казалась и в какой бы форме ни проявлялась, всегда имеет исторически определенный и социальный характер. Источником социальной активности, когда она есть (*actio immanens*) является самодвижение. Оно есть самое движение созидания, некая инвариантность, а не то, что создается этим движением в какое-то время, в каком-то месте, в каком-то качестве. Подобно «живому огню» (как писал Маркс о труде) [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 324] активность существует постольку, поскольку видоизменяет, преобразует и ни в какой из своих особых форм не находит окончательного воплощения и завершения [89]. В этом аспекте активность является продуктивной потенцией человека, это субстанция, пребывающая в многообразии форм. Она сама в себе обладает такими имманентными определенностями, как предметностью, целеполаганием, формообразованием, а также такими фундаментальными характеристиками, как общественность, универсальность, свобода [90].

Эти характеристики выступают внутренними определенностями свойств реальных деятельностей, которые (внутренние определенности) нельзя уподоблять так называемым видовым признакам и отличиям, это в полном смысле имманентные определенности, в отличие от специфицирующих внешних ограничений.

Сущность стиля в предельном обобщении относится к субстанциональной основе деятельности и проявляется в ее конкретно-исторических видах. В единстве характеристик субстанции деятельности доминантной для стиля является формообразование, обусловленное всеми остальными характеристиками. Формообразование как таковое — свободное, универсальное, целенаправленное, которое разворачивается и объективируется в той реальности, которая называется общественной культурой, взятой в ее историческом развитии.

Субстанция деятельности — это своеобразный генетический код, внутреннее единство указанных выше характеристик, которое является пребывающим основанием для всей цепи содержательных изменений. Это не собирательное понятие для круга деятельностей, объединяемых признаком «практической деятельности»; это всеобщее, взятое вместе со своими движениями к конкретному, к многообразию конкретных видов деятельности.

Все упомянутые характеристики как инвариантные были представлены в разделе об объектной стороне социальных систем. Субстанциональная основа деятельности проявляется в преобразовательной деятельности, внутренне мотивированной общими законами пользы и красоты, которую соответственно можно подразделить на собственно трудовую, практическую деятельность и деятельность эстетическую. Первая связана с переработкой фактуального содержания, вторая — эмоционально-оценочного.

Преобразовательная деятельность как деятельность формообразующая имеет двусторонний характер, обусловленный конкретным и абстрактным трудом, и, следовательно, инвариантно содержит предпосылки создания не просто произведения, а функционирующего произведения, рассчитанного на восприятие и адекватное понимание.

### 2.3.5. Структурный аспект системы деятельности

Структурный аспект деятельности включает в себя цель, средства, результат и сам процесс деятельности и связан с разными видами передающейся активности.

Источником, порождающим передающуюся активность, являются потребности, интересы, цели, оценки. Эти предпосылки активности расположены как бы в двух «этажах»: в качестве первого «этажа» выступают:

- потребности (естественные, искусственные, культурные);
- интересы (общечеловеческие, исторические, возрастные, классовые, национальные) и связанные с ними цели, нормы, идеалы.

Второй «этаж» составляют различные оценки, имеющие своим основанием и критерием социально-психические явления первого «этажа».

Образно выражаясь, потребности, интересы, цели и пр. выступают в качестве генераторов активности, а познание и оценка – регуляторы активности [91].

Деятельность как целостное образование определяется субъективным мотивом, в котором фиксирована потребность индивида, т.е. то, в силу чего совершается деятельность. Конкретно мотив деятельности реализуется в деятельности целеполагания.

Смысл целеполагающей деятельности сознания – получение знаний о том, что предстоит сделать человеку и как сделать, т.е. выработка и постановка практической цели. В процесс целеполагания данные чувственного опыта применяются в целях выработки и формирования мысленного прообраза, структуры и последовательности практических действий человека.

В интересующей нас коммуникативной деятельности налицо два основных действия – (с о) о б щ е н и е и в о з д е й с т в и е. За каждым из этих действий стоит частичная цель. Крайним элементом этой деятельности является воздействие, т.е. целевой результат определяется самым непосредственным образом тем, для чего он предназначен. Если цель (со)общения отвечает на вопрос, каков должен быть результат деятельности, то воздействие (предназначение) отвечает на вопрос, ради чего он достигался.

В рамках целеполагания как внутренней деятельности можно выделить два среза: горизонтальный и вертикальный.

Г о р и з о н т а л ь н ы й срез ориентирован на проектирование произведения как конкретной вещи; в е р т и к а л ь н ы й – на проектирование произведения как функционирующей вещи, рассчитанной на эффективное восприятие и понимание. Механизмом горизонтального среза является собственно цель. Она связана с предметностью деятельности, выводит на создание формы конкретной вещи и опосредуется деятельностью отражения в ее двух аспектах: п о з н а н и я и о ц е н к и.

Механизмом вертикального среза выступает мотив. Этот механизм связан с функционированием произведения, создает внутреннюю форму внешней формы и опосредован условиями коммуникации, макро- и микросредой.

### 2.3.6. Оценочная структура деятельности

В собственно цели деятельности субъективный момент выступает как осознанный и скорректированный предметом деятельности, на который она направлена. Сам предмет является как бы результатом двойного отражения познавательно-оценочного и целевого, функционально-информационного. Первый этап формирования предмета (в нашем случае — содержания произведения) связан с познавательно-оценочной отражательной деятельностью, целью которой является постижение объекта отражения в его объективной данности, т.е. таким, каков он есть, вне зависимости от его значимости для субъекта. Это «первичный» уровень чувственного отражения, где на первый план выступает (несколько не противореча его активному характеру) момент «страдательности», реальной зависимости человека от объективной действительности, к которой он должен приспособливаться и законы которой он должен отражать в своей деятельности, и чтобы вообще иметь возможность проявлять активность, творчество.

К числу «первичных» форм чувственного отражения относятся восприятия и воспроизводящие представления. Их особенность состоит в том, что здесь преобладает репродуктивный момент. Образ связан с непосредственным воспроизведением объекта, отражением его через повторение прошлого опыта [92].

Однако важно подчеркнуть, что чувственное отражение человека функционирует в единстве с мышлением, имеет осмысленный, и, следовательно, оценочный характер. Процесс чувственного отражения постоянно контролируется и направляется понятиями, которые как бы проникают в структуру чувственных форм отражения и становятся неотделимыми от нее. Все это свидетельствует о том, что нет «чистой» чувственности, свободной от влияния мышления.

Исследования последних лет выявили глубокую связь восприятия с логическими понятиями, поскольку это не есть простой слепок с объекта, а это сложный процесс, в котором большую роль играют абстракции. Восприятие включает в себя не только репродуктивные, но и продуктивные моменты, что позволяет воспроизводить не только актуально заданное состояние предмета, но и то, которое возникает в ходе мыслительной деятельности субъекта.

С продуктивными моментами гносеологического (познавательного) отражения связан «вторичный» уровень отражения, к которому можно отнести большой класс чувственных образов, сложившихся при ведущей роли мыслительных программ. Чувственные данные служат как бы строительным материалом для создания образа. Решающим фактором, следовательно, становится в этом случае не непосредственно взаимодействие субъекта с объектом, а мыслительные задачи. В научном познании к числу «вторичных» можно отнести так называемые модельные (воображаемые) представления. Их характерная черта — утрата непосредственного сходства с познаваемым явлением, большая доля условности.

В искусстве художник оперирует фиктивным, воображаемым

миром, через который он осваивает смысло-жизненный аспект действительности.

Основной закон отражения в его диалектико-материалистическом понимании — это не просто первичность объекта и вторичность его отражения субъектом, но такая первичность объекта и вторичность его отражения субъектом, при которой имеет место тождество, неразрывное единство воспроизведения природы объекта и воспроизведения природы субъекта, так что одно без другого не бывает, одно воспроизведение выражается в другом, существует через другое.

Таким образом отражение по своей структуре двухслойно — это единство противоположностей: объективного по своему источнику содержания и субъективного по своей форме воспроизведения этого содержания. Последнее носит оценочный характер.

Оценка представляет собой единство объективного и субъективного на основе объективных свойств вещей и явлений. «Воспринимающий жизнь занимает ту или иную позицию в отношении явления, оценивает его тем или иным образом как на основе его самого, так и на основе своей собственной сущности, направленности, интересов и целей» [93].

«Оценка есть результат совокупного действия мысли и чувства, а не одного только рассуждающего интеллекта... Поэтому в основании оценки всегда лежит и понимание значения данного явления, и эмоциональная реакция человека на эти явления» [94].

Разработка проблемы о двухслойной структуре отражательных процессов (познавательных и оценочных) является достижением марксистской философии и психологии.

С. Рубинштейн писал, что психические процессы в своей целостности — это не только познавательные процессы, но и «аффективные», эмоционально-волевые, выражающие не только знания об объектах, но и значение их для субъекта [95].

«Оценка — это сознательная деятельность, которая влечет за собой положительную или отрицательную позицию оценивающего по отношению к оцениваемому. Оценка и позиция, таким образом, не идентичны» [96]. Воздействие, в том числе эмоциональное, связанное с актом оценки, следует после совершения этого акта. Оценка всегда предшествует оценочной позиции как предпосылки воздействия и действия. Она занимает промежуточное положение — между познанием и действием. «Знание служит действию. А действие несомненно основывается на оценке» [97].

Оценка проявляется не только в виде отношения субъекта к объекту деятельности в его положительной или отрицательной трактовке, она мотивирована также конкретной системой, в которой совершается действие, так называемым информационно-ценностным контекстом, иначе говоря, микро- и макросредой. Поэтому можно сказать, что оценочное отношение складывается из двух отношений, опосредующих целеполагающую и преобразовательную деятельность:

- познавательно-оценочного, в основе которого отражение объекта и отношение к нему субъекта (предметные отношения) и
- коммуникативно-оценочного (контекст деятельности, и формационные отношения) [98].

Общие оценочные суждения относятся к гносеологическому аспекту оценочной деятельности. **К о н к р е т н ы е** оценочные высказывания связаны с коммуникативным аспектом оценочной деятельности. Оценочную позицию следует, очевидно, отнести к «вторичному» уровню чувственного отражения. В отличие от обычных суждений в оценке, как правило, присутствует эмоциональный подтекст. Мыслительное отражение включает в себя коммуникативное (функциональное, информационное отражение), которое в качестве своего объекта имеет первичный образ в единстве познавательной и оценочной сторон. В результате коммуникативного отражения происходит переосмысление первичного образа во вторичный образ, происходит обогащение первичного образа, наряду с функциональным, и вторичным, оценочным содержанием – коммуникативным или информационным по своей природе. Поясним на примере: имеется факт действительности, который у говорящего вызывает резко отрицательную оценку. Он хочет этот факт со своей оценкой донести до адресата, при этом говорящий должен выбрать соответствующую форму, учитывая условия коммуникации и характер адресата. И хотя сам этот факт заслуживает того, чтобы сказать о нем в высшей степени резко, но в определенной обстановке, например, во время научной дискуссии, говорящий преподносит этот факт в умеренной, деликатной форме. Эта «умеренная, деликатная форма» и есть вторичная коммуникативная оценка (в отличие от первичной, «резкой формы» – гносеологической оценки).

### 2.3.7. Функционально-оценочный аспект деятельности

В обществе имеют место, помимо других, два вида общественных отношений – предметные и информационные. В основе предметного отношения лежит отношение человека к объективному миру, в основе информационного – отношение к людям, с которыми этот человек вступает в прямые и опосредованные контакты, – общение. Маркс отмечал, что именно в общении «индивидуумы как физически, так и духовно творят друг друга». [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 436]. Общение – это обработка людей людьми, формирование ими друг друга как общественных субъектов. Между теми и другими отношениями осуществляется сложное диалектическое взаимодействие, в котором вторые, несмотря на то, что являются производными и в конечном счете подчиненными, являются самостоятельными образованиями (например, шитье сапог детерминировано не только спецификой предмета, но и информацией о моде, технологии, этикой, обычаями и т.д.) [99].

Общение – особая самостоятельная функция активности субъекта. Ее результат – не преобразованный предмет, а отношения с другим человеком, с другими людьми. Термин «общение» используется преимущественно для обозначения межличностных отношений. Общение шире передачи информации, в своей основе оно есть обмен деятельностью, осуществляемой через формы предметных отношений [100]. К. Маркс подчеркивает, что «предмет, как бытие для человека, как предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие человека

*для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку*». [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 47].

Ситуация общения отличается от познавательной тем, что представляет собой субъект-субъектное, а не субъект-объектное отношение. Эти отношения неравнозначны. Предмет познания конституируется в познавательном акте как внесубъективная реальность, в которой предполагается учет объективных законов.

В общении хотя одна сторона и выступает объектом другой, все же в целом здесь устанавливается партнерский контакт, основанный на учете обоюдной способности к сознательным действиям, определяемым намерениями.

В ситуации общения правомерно выделить две формы:

- форму (со)общения (прямое общение), т.е. передачи информации, и
- форму приобщения (косвенное общение), т.е. привлечения к соучастию в деятельности (воздействие).

Особенность приобщения состоит в том, что в отличие от передачи информации она не сводится только к акту понимания, а предполагает взаимопонимание, иными словами, присутствия одного субъекта в деятельности другого [101]. Такой эффект покоится на практической общности жизненного мира, т.е. единой для них культурной системы и ее регулятивных норм. Он возможен благодаря обоюдной идентификации в опыте, воспроизведению структуры чужого опыта в собственной жизнедеятельности. Проникновение в человеческий опыт равнозначно вхождению в специфический мир, упорядоченный субъективными правилами, смыслами, условностями, запретами и разрешениями.

Если познавательный опыт ориентирован на объективно-предметные взаимосвязи и объективируется, в нашем случае, в системе языка и основанной на ней технологии, то существует обширная сфера общественных отношений, опытное освоение которой совпадает с непосредственным жизненным процессом и не может быть сведено только к знанию, пониманию, но предполагает и «переживание», эмпатию, т.е. идентификацию себя с другим, вживание, вчувствование в субъективный мир другого не как в объект, а как в родственный координированный тип деятельности. Чтобы постигнуть «чужую» субъективность подобным образом, нужна способность «стать» на ее место и пережить адекватно ее побуждения как свои собственные, т.е. изнутри.

В данном случае речь идет о регулятивно-нормативном аспекте, который в отношении к природным законам представляется условным, но применительно к индивидам образует вполне объективное условие их бытия.

Коммуникативно-речевая деятельность совершается в определенных условиях. Среди этих условий следует различать такие, без которых данная деятельность не может осуществляться и которые, следовательно, являющиеся необходимыми, и условия, не менее важные, обеспечивающие эффективность общения, но выступающие как сопутствующие. Эти две группы условий привязаны к формам общения. Необходимые условия связаны с косвенным общением (с при-

общением), а сопутствующие — с прямым, непосредственным общением. Косвенное общение предполагает широкий пространственно-временной диапазон:

- исторический,
- классовый и
- культурный.

С одной стороны, этот диапазон может быть обращен к наследию, с другой, — к этому диапазону относятся отношения, которые принимают прямое, непосредственное участие в создании произведения как функционирующей системы. К этим условиям можно причислить культурно-исторические контексты, которые соотносительны с формами общественного сознания и общественного бытия и которые в лингвистике сведены в систему функциональных стилей. Эта система — не просто внешняя среда, к которой приспосабливается деятельность, а она несет в себе скрытые мотивы и цели, скрытые позиции создания и функционирования произведения, его средства и способы.

Функциональные стили заданы социально-культурными нормами и ценностями как своеобразная парадигма, как социально-культурные регулятивы. Функциональный стиль может выступать как гомогенная среда (например, только научная, только техническая, только деловая), а может пересекаться с другим, накладываться на другой стиль, т.е. могут иметь место сложные связывающие их трансформации и переходы. Следует еще раз подчеркнуть, что необходимые условия, являясь внешней средой функционирования произведения как предметной системы, не остаются на уровне внешней среды, а будучи сами системой, взаимодействуют с предметной системой и запечатлеваются в ней в виде внутренней функциональной системы. Предметная система как бы впитывает в себя функциональную.

К сопутствующим условиям относятся отношения, образующие микросреду коммуникативно-речевой деятельности, в отличие от макросреды, создаваемой необходимыми условиями.

Сопутствующие условия обозначают конкретное своеобразие коммуникации. Проявляясь в специфических, особенных формах, сопутствующие условия создают исторически конкретную социальную и психологическую микросреду. Эта конкретная микросреда создается участием групп людей и отдельными личностями.

Отношения микросреды обнаруживают довольно значительный момент субъективности. Их мобильность ограничивается рамками отношений микросреды, которая выступает как своеобразный каркас. Но активность личности в микросреде велика. Структура микросреды более усложнена, чем структура макросреды с ее более строгой логической схемой.

В самых общих чертах отношения микросреды сводятся:

- к ориентировке в пространственных условиях общения (контактное или дистантное положение общающихся в пространстве);
- к актуальным социальным взаимоотношениям общающихся (ролевые отношения);
- к идейно-эмоциональной атмосфере общения, социально-психологическому климату.

Сопутствующие условия принимают участие в создании словесного произведения как функционирующей системы не прямо, а опосредованно, через отдельные компоненты этой системы. Социально-культурные контексты, систематизирующие, прежде всего, необходимые общественные условия, называются *ценностями* в силу того, что содержат в себе предпосылки преобразовательной, духовно-практической деятельности в виде мотивов, целей, позиций, способов, средств. Но они одновременно являются и *оценочными*. Каждый такой контекст производит оценку своим способом и вызывает направленный эффект у адресата. Объектом оценки в этом случае является не сам объект, а его ценностная предметность, его общественное, функциональное бытие (функциональная часть содержания).

Разница между ценностью и оценкой состоит в том, что созидание ценности — это практический процесс, а оценка — одна из форм функционального отражения действительности в человеческом сознании. Созидание ценностей — это процесс опредмечивания человека в деятельности, преобразование нейтрального, неспецифического бытия в общественное бытие. Процесс оценки — специфический акт отражения, посредством которого опредмечивание отражается в общественном сознании, приобретая форму, которая мотивирована спецификой социально-культурных контекстов. Проблема «ценности — оценки» предстает как проблема процесса, в котором генезис ценности завершается ее реализацией, а именно тем, что субъект определяет ее форму, а следовательно, и ее функцию в своей практике. Процесс оценки, как правило, сопровождается эмоциональным эффектом, а сам результат оценивания зачастую оказывает сильное эмоциональное воздействие. Оценка никогда не является пассивным измерением оцениваемого, поскольку она чрезвычайно важна для субъекта [102].

Виды ценностей — эстетические, политические, административно-деловые, утилитарные и т.д. — как проявление назначения произведения выполнять соответствующую общественную функцию через реализующую ее форму связаны с конкретными видами коммуникативно-речевой деятельности:

- деловой,
- публицистической,
- научной, технической, художественной, бытовой. Каждая из этих конкретных деятельностей имеет свой реальный предмет и свою реальную цель, которую она осуществляет посредством формирования (преобразования) этого предмета, иными словами, каждая такая деятельность отличается специфическими особенностями. Но каждая из этих деятельностей обладает, прежде всего, неспецифическими особенностями, которые связывают их воедино общим отношением создания и использования и единым человеческим основанием, заключенном в деятельности как сущностной способности человека (напомним, это основание включает предметность, общественность, целесообразность, формообразование).

Так, например, искусство и наука как формы духовно-практической деятельности общества отличаются друг от друга как своим пред-

метом, ценностями, так и способом восприятия. Предметом науки является реальный мир в своей объективной данности, который осваивается ею в понятийных формах. Предметом искусства является воображаемый, фиктивный мир, который отражает человеческий, смысло-жизненный аспект действительности и который художник воссоздает в формах самой жизни.

Для науки восприятие связано с пониманием, пониманием понятийной точности предмета. Для художника главное вызвать у читателя определенные переживания и чувства, через которые художник выражает самого себя и свое личное видение мира, свои переживания по поводу определенных моральных конфликтов. Искусство в собственном смысле слова создает не предметно функционирующие, а переживаемые реальности [103].

И тем не менее та и другая деятельности реализуются обязательными для всех видов деятельности законами пользы и красоты, красоты в смысле наиболее оптимального, творческого в человеческой практике, обусловленного сложившейся системой культуры [104]. В этой роли красота возвышается до закона, организующего все виды человеческой деятельности.

В искусстве законы красоты доминируют, ибо оно само по себе является сферой творческой деятельности. Они являются специфическим определением художественной деятельности. Способность и потребность, реализующие деятельность функционально, лежат также в основе художественной деятельности, но они не выражают себя буквальным образом, а скрываются в глубине внутреннего мира человека.

### 2.3.8. Орудия и средства деятельности

Жанрово-стилевая форма произведения служит, как уже говорилось, с одной стороны, средством фиксации ценностного отношения человека к миру, а с другой, она особым образом воздействует на адресата, управляет его восприятием, организует результативное понимание. Эта вторая сторона формы обобщается понятием коммуникативной функции. Коммуникативная функция тесно связана с семантической, ибо общение основывается на существовании семантических средств.

Вместе с тем наиболее специфическое ядро коммуникативной функции имеет собственные средства кодирования, свою собственную семиотику. Носителями коммуникативной функции оказываются формализованные коммуникативные структуры, ранее названные в работе «эвристическим», искусственным языком. Формализованные структуры, надстраивающиеся над естественным («семантическим») языком, образуют его «гиперструктуру» (метаязык). Они, как знаковые структуры, сходны с естественным языком в основных своих функциях.

Особенность коммуникативной семиотики заключается в ее прямой соотнесенности с системой, процессами и ситуациями коммуникации, с законами восприятия и ее опосредованной связью с действительным миром.

По отношению к «естественному языку» формализованный, искус-

ственный язык вторичен не только в генетическом плане, но и в актуальном. Он не имеет самостоятельного значения, а функционирует лишь на базе естественного языка.

Коммуникативная семиотика включает в себя абстрактные, идеальные знаки, духовные формы идеальной деятельности. Разница между коммуникативными структурами и естественным языком состоит и в том, что первые выражают не объективное содержание мысли, а субъективно обусловленный процесс мысли, законы его управления. Единицы естественного языка касаются преимущественно объективного содержания мысли. Существование формализованных структур, выражающих многонаправленность применений языка, его гибкость и заложенные в нем новые возможности развития, обусловлено его приспособлением и развитием соответственно возрастающим потребностям многообразной социальной практики людей. Таким образом структура словесного произведения предполагает наличие двух кодов: один для фиксации содержания произведения, другой для фиксации информации об этом содержании, связанной с коммуникацией.

Жанровая и стилистическая деятельности, направляемые целями и мотивами, совершаются в двух планах: *идеальном*, на уровне внутренней речи, уровне смысла, и *реальном*, знаково-речевом и языковом уровне. Будучи разными по интенции, т.е. по цели и способу реализации, эти деятельности имеют одни и те же орудия и средства деятельности как в идеальном, так и в реальном планах. С их помощью происходит моделирование объектов, снятие копий с внутренних отношений, свойств и структур объекта. Орудия деятельности не порождают действий и операций, а опосредуют их.

Психические процессы человека приобретают структуру, имеющую в качестве своего обязательного звена общественно-исторические сформировавшиеся средства и способы, передаваемые ему окружающими людьми в процессе сотрудничества, общения с ним. Но передать средство, способ выполнения того или иного процесса невозможно иначе, как во внешней форме – в форме *действия* или в форме *внешней речи*.

Формой действия, которая реализует цель, является операция, обусловленная конкретной ситуацией. Операция первоначально формируется в виде сознательного, подчиненного определенной цели действия, осуществляющего некоторое действие и включение его в состав более сложных целостных действий, в которых оно отрабатывается и автоматизируется, превращает его в способ выполнения действия – в собственно операцию.

Непосредственно в самих операциях остаются фиксированными лишь связи и отношения, абстрагированные от конкретно-предметных условий выполнения действия. Эти операции становятся полностью безличными, формализуются и могут быть описаны в виде соответствующих формул или схем, которые в случае текстовой деятельности выступают ее единицами, ее орудиями. Под орудием в данном случае подразумевается такое текстовое (смысловое) образование, которое «в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими

целому, т.е. в качестве минимальной единицы берется не статический коррелят того или иного сегмента текста, а элементарное действие, элементарная «клеточка» деятельности, обладающая всеми признаками деятельности» [105].

Идея «опознавания объектов по таким укрупненным и целостным признакам исключительно рациональна, так как процессы обнаружения и сличения нескольких признаков заменяются обнаружением и сличением одного признака... Они воспринимаются наблюдателем не как комплекс или система признаков, а как простые неразложимые элементарные единицы. Последнее, разумеется, не исключает того, что элементарные признаки могут быть расчленены. Но в опознавательном действии, однажды сложившись, они выступают как элементарные оперативные единицы» [106].

В ходе практической деятельности у субъекта складываются формы интеллектуальной деятельности, которые, как отмечалось, позволяют адекватно воспроизводить объект.

Изучением деятельной природы формы мышления занимается теория интериоризации мышления, она доказывает, что мысленные операции формируются в результате своеобразного переноса внешнепредметных действий во внутренний план, это не просто свертывание предметного действия, но и его преобразование из материально-практической формы в идеальную, в конструкцию внутренней речи.

В работе в качестве орудий (конструктивных единиц) деятельности применяются композиционно-речевые формы, архитектурные формы, а также разные формы экспрессивности (тональности). Последние существуют на базе композиционно-речевых и архитектурных форм и обусловлены конкретной системой функционирования текста.

**Композиционно-речевые формы.** Композиционно-речевые формы — это типовые формы, схемы повторяющихся формальных черт. Они являются системами языковых объединений, отвлеченными от конкретных проявлений речи, однородными формами словесной композиции. Для каждой повторяющейся, эмпирически типичной формы существует какая-то идеальная форма, в которой ясно, в чистом виде выражен тип формы. Тип превращает существенное в состояние наглядной и понятной реальности, упрощает сложное и запутанное.

Типовыми композиционно-речевыми формами являются «сообщение», «описание», «рассуждение». В основе композиционно-речевых форм как орудий духовной деятельности лежит двойственная специфика сознания; сознания как «знания», т.е. отношения к действительности, и сознания как «отношения», т.е. направленности личности. Отсюда и композиционно-речевые формы являются двусторонними образованиями: с одной стороны, это формы отражения реальной действительности, в которых знания оформляются в качестве информации, с другой, — формы коммуникации, которые сообщают мыслям движение и определенный объективный порядок.

Традиция изучения композиционно-речевых форм, начиная с античной риторики и поэтики, связана с первой стороной этих форм: их обращенности к реальной действительности, к типовому содержанию мысли.

В данной работе акцент сделан на реляционной стороне этих образований, а именно, не на тип вещественной субстанции, а на инвариант определенного типа отношений внутри целостности, определяющий устойчивую форму целостности, ее структуру. В этом качестве композиционно-речевые формы рассматриваются как наиболее общие формы, отражающие структуру процесса мышления, типы и способы связи элементов мысли между собой и мыслей друг с другом.

Важнейшими чертами структурного охвата мысли являются модусы пространства, времени, причины.

Формы материи, способы ее движения бесконечно многообразны, столь же многообразны и формы ее организации. Однако человеческое мышление издавна различает среди этого многообразия два основных вида структур: пространственную и временную, экстенсивную и интенсивную. Экстенсивная структура существует в пространстве, интенсивная — во времени. Устойчивые связи сосуществующих объектов, т.е. экстенсивная структура, представляет собой совокупность функциональных связей. Интенсивная структура характеризуется причинными, генетическими связями. На этом основании можно было бы выделить два типа структурной связи:

- «о о б щ е н и е» в широком смысле слова (интенсивная структура);
- «о п и с а н и е» (экстенсивная структура).

Если бы речь шла только о внешнем содержании, то такое разделение можно было бы принять. Ибо внешняя жизнь совершается в пространстве и во времени, и ее изображение принадлежит или описаниям или сообщениям. Однако целесообразно к этим двум типам композиционно-речевых форм добавить еще один, а именно: «р а с с у ж д е н и е», дифференцируя интенсивную структуру и закрепляя чисто условно за «сообщением» временное развитие, а за «рассуждением» — логическое.

«Благодаря отвлечению, этому особому свойству слова, которое дошло до большой генерализации, наше отношение к действительности мы заключаем в общие формы времени, пространства, причинности. Мы ими пользуемся для ориентировки в окружающем мире, не разбирая часто фактов, на которых основана эта общая форма, общее понятие [107]. Пространство выражает порядок расположения одновременно сосуществующих предметов, время — последовательное существование сменяющих друг друга явлений, причина — необходимую связь явлений, из которых одно обуславливает и порождает другое.

Указанные группы типовых композиционно-речевых форм имеют различные модификации. По структуре они могут быть «классическими» (близкими к типу), сложными, смешанными и вариационными.

В речевых произведениях композиционно-речевые формы подвергаются сложным изменениям в зависимости от структурного содержания произведения, речевого жанра, стиля, индивидуальной манеры автора.

Композиционно-речевые формы функционируют в качестве нормы типового синтаксического оформления текста. Для такого оформления характерным является глубокий изоморфизм между логической и грамматической структурами.

Тип композиционно-речевой формы определяется ее структурой,

композицией. Следует подчеркнуть, что принципиально невозможно разделить диалектическое единство структурного и предметного содержания, структуру нельзя понять без учета особенностей субстанции и наоборот. Поэтому при рассмотрении типовых речевых форм затрагивается вопрос и о предметном содержании. Хотя также следует подчеркнуть, что «... течение и движение мысли не совпадают прямо и непосредственно с развертыванием речи. Единицы речи и единицы мысли не совпадают. Один и другой процессы обнаруживают единство, но не тождество. Они связаны друг с другом сложными переходами, сложными превращениями...» [108].

В составе типовых композиционно-речевых форм следует различать первичные и вторичные композиционно-речевые формы, которые соответственно формируют и формулируют первичную и вторичную информацию. Вторичная информация в составе высказывания носит более логизированный характер, что накладывает отпечаток на характер типов структурной связи, сближая их: временная и логическая последовательность, равно как и синхронность в «описании» как бы нивелируются, приобретая дополнительный рисунок на фоне основной связи – перечислительность. Последняя нередко в такой степени затемняет исходный тип связи, что становится доминантой. Этот факт в свою очередь ведет к поглощению смысловой структуры предметного содержания, т.е. семантической структурой. В текстах, построенных на вторичной информации, практически имеет место слияние семантической и смысловой структур.

Тип композиционно-речевой формы «сообщение» по характеру предметно-смыслового содержания соотносится с процессом, действием, событием и имеет следующие разновидности: сообщение о событии (Vorgangsbericht), сообщение о переживании (Erlebnisbericht), сообщение о состоянии и настроении (Zustandsbericht, Stimmungsbericht), краткое информационное сообщение (Mitteilung).

**Сообщение (Bericht)** – основная форма информационного содержания.

„Als im vergangenen Jahr Untersuchungen zweier französischer Wissenschaftler und die darauffolgenden Nachforschungen eines japanischen Teams in der Großen Pyramide von Gizeh, der Cheops-Pyramide, breite Diskussionen unter Ägyptologen und Altertumsforschern hervorgerufen hatten, wartete man gespannt auf die für April angekündigten Ergebnisse der Untersuchungen. Diese blieben aus ...

Im September nun ist das japanische Forschungsteam von der Waseda-Universität Tokio an die Pyramiden zurückgekehrt, wo sie mit einer überraschenden Erklärung an die Öffentlichkeit traten: die japanischen Wissenschaftler seien zu einer vollkommen neuen Theorie hinsichtlich der Pyramidenregion von Gizeh gelangt.

Bisher gingen die Ägyptologen einhellig davon aus, daß die Sphinx, als Bewacher der als Königsgräber angelegten Pyramiden rund 2700 v.u.Z. errichtet worden war. Die japanischen Wissenschaftler ziehen diese Auffassungen nun in Zweifel...“

Смысл этой формы состоит в изображении последовательного ряда событий или перехода предмета из одного состояния в другое. Последовательность событий заключается в том, что одно событие примыкает к другому, одно событие совершается вслед за другим, образуя определенные ряды событий. Ее формула, по Г. Мюллеру: „Es ward ... und dann...“. Формальным, структурным содержанием этой формы является временная последовательность событий, динамическая смена фаз и признаков. Это содержание выступает как принцип организации синтаксиса с помощью данной формы, и определяет, прежде всего, тип связи между предложениями, в данном случае цепную, последовательно-временную связь. При такой структурной связи одно предложение нанизывается на другое, дополняет, развивает его, давая начало третьему. В композиционно-речевой форме «сообщение» большую роль играет временная соотнесенность сказуемых, а именно как их временная разнотипность, так и временная однотипность. Все зависит от длительности изображенного времени. Длительность времени в смысле его течения, его устойчивости, а не охвата связана с однотипностью сказуемых в языковом оформлении, главным образом, с претеритальным временем. Следует иметь в виду, что композиционно-речевая форма «сообщение» всегда предполагает законченность событий. При охвате большого временного интервала и его событийном характере в языковом оформлении может иметь место временная разнотипность сказуемых, используемая с целью установления связи фактов прошлого с излагаемыми фактами и событиями.

В «констатирующем сообщении» (Feststellungs-, Tatsachenbericht), которое нередко носит почти что «вневременной» характер, последовательная связь предложений утрачивает свой временной характер (хотя она и может быть проанализирована в терминах временных отношений, таких, как «прежде» и «после»), приобретая характер причинно-следственных или перечислительных отношений. В бессобытийных повествовательных композиционно-речевых формах связь может осуществляться с помощью однотипных сказуемых в настоящем времени.

Рассмотренный характер связи между предложениями и характер временных форм являются универсальными характеристиками композиционно-речевой формы «сообщения».

Композиционно-речевая форма «констатирующее сообщение» формирует, как правило, вторичную информацию.

В этой форме как бы синтезированы два вида логической связи: «пространственное соположение» и «временная последовательность», что в переводе на грамматический язык означает синтезирование параллельной и цепной связи между самостоятельными предложениями в новый гибридный вид связи, со стороны логики — «констатирующее сообщение», со стороны грамматики — перечислительная связь с разными семантическими оттенками. Само название этого вида логической связи между предложениями «констатирующее сообщение» говорит о характере ее элементов — это сообщение в форме констатаций, утверждений, в форме фактов, т.е. предложения носят результирующий характер.

Констатирующий характер предложений, отсутствие в них динами-

ки, незаконченность мысли, потребность ее развить в дальнейшем изложении ослабляет временную последовательность, типичную для формы «сообщения», в пользу статичности формы описания, соположительности в изложении фактов.

Смысл перечислительной связи состоит в том, что простые или сложные предложения как бы нанизываются друг на друга, структурно и интонационно они разьединены, но в содержательном отношении составляют единство.

Перечислительная связь как грамматический внутритекстовый вид связи является связью семантически неинтерпретированной, это чисто формальный способ соединения самостоятельных предложений. Семантическую содержательность эта связь приобретает в зависимости от конкретного характера конкретного речевого жанра.

При перечислительной связи логическая спаянность текста очень часто не находит эксплицитного выражения в виде союзов, союзных слов или местоименных наречий. В результате повышается коммуникативная нагрузка каждого предложения, границы предложений очерчиваются более резко.

Предложения в этой композиционно-речевой форме носят автосемантический характер, что находит свое выражение в «твердом начале» предложения, в постановке на первое место в предложении имени существительного. Ср.:

#### „Dampfauto

Ein mit Dampf betriebenes Auto wurde in Australien entwickelt. Der geschlossene Kreislauf der Verdampfungsanlage benötigt nur 2,2 Liter Wasser, das mit Hilfe von Kerosin, Pflanzenölen oder Alkohol erhitzt wird. Das kupplungs- und getriebelose Gefährt soll eine Spitzengeschwindigkeit von 136 km/h erreichen.“

«Описание» (Beschreibung) сводится к выражению факта сосуществования предметов и их признаков в одно и то же время.

„Historisch ist das Pflaster im Herzen Leningrads. Fast jeder Stein erzählt Geschichte, ist beredter Zeuge großer Ereignisse einer bewegten Zeit. So auch das Haus Nr. 32 am Karpowka-Kai, das heute eine Lenin-Gedenkstätte beherbergt. Das Interieur in dem kleinen, fast quadratischen Zimmer in der ersten Etage gibt Atmosphäre wieder, vermittelt einen Eindruck, wie es damals aussah, an jenem entscheidenden Oktobertag 1917.

In der Mitte des Raumes steht ein schwerer, eichener Tisch, überspannt mit einer weißen Decke, darauf zwölf schlichte Gläser. An den dunklen Wänden, einander gegenüber, hängen zwei Porträts der russischen Lyriker und adligen Demokraten Nikolai Nekrassow und Michail Saltykow-Stschedin. Rechts in der Ecke ein Regal mit revolutionärer Literatur, Büchern und Journalen – gleichsam auf die Geisteshaltung der ehemaligen Mieter hinweisend: Galina Flaksermann, Mitarbeiterin des Sekretariats des ZK der SDAPR (B), und ihr Mann, Nikolai Suchanow.

Das schmale Fenster ist von bizarren Tüllgardinen verhangen. Der bronzene Leuchter spendet ein recht zaghaftes, schwaches Licht. Die sich am späten Abend des 23. (10.) Oktober 1917 in diesem Raum versammelten Mitglieder des auf dem VI. Parteitag der SDAPR (B) im August gewählten ZK der

Bolschewiki werden diese Einzelheiten wohl kaum bemerkt haben, denn es ging recht hitzig, leidenschaftlich zu, wurde doch über das Schicksal der im Februar des Jahres mit dem Sturz der Romanow-Dynastie entflammten russischen Revolution beraten. Lenin sprach später von diesem Treffen als „der entscheidenden Sitzung des ZK“.

«Описание» служит для подробной передачи состояния действительности, для изображения природы, местности, помещения, внешности. К «описанию» относятся и так называемые характеристики, изображающие качества человека. В «описании» дается изображение предметов в их качественной определенности, тождественности самим себе.

Структурным содержанием этой формы является соположение, что определяет и характер грамматической связи, а именно соединительную коррелятивную связь, которая формально выражается однотипной формой сказуемого и в отдельных случаях параллельным строением предложений. В качестве лексических средств связи популярны наречия места, указывающие на пространственное направление.

Среди структурных типов «описания» отчетливо вырисовывается три типа: 1) «описание» с единым планом прошедшего времени; 2) «описание» с единым планом настоящего времени; 3) номинативные описания. В «описаниях» используются сказуемые, выраженные глаголами, выражающими статику, именные составные сказуемые, состоящие из связки и прилагательного или причастия, как полного, так и краткого с качественным значением, и существительного. Формы настоящего длительного времени, используемые в «описаниях», могут употребляться лишь в широком контексте, когда в изложении уже «ясно обозначился план прошлого» [109]. Форма настоящего времени имеет чисто логический характер, выражая длительное состояние или вневременное содержание, имеющее место в данный момент. Формы прошедшего времени, обозначая длительное состояние или обычно совершаемые действия, обеспечивают единство общей картины прошлого, дают широкую пространственную перспективу при отсутствии смены временных планов [110].

Однотипность форм сказуемого, типичная для «описания», является основным показателем статичности этой формы. Предметным содержанием этой формы является протяженность, размеры пространства, как правило, ограниченные, почему эта форма считается замкнутой. Стиль «описания» называют часто номинативным стилем. И это справедливо. Основную смысловую нагрузку в предложении несут именно существительные и прилагательные. Глагольные сказуемые либо в смысловом отношении ослаблены, стерты (это, как правило, глаголы *stehen, liegen, sitzen* и т.п.), либо имеют качественно-изобразительное значение. Разъясняющие элементы в этой форме в виде второстепенных членов предложения имеют также качественно-изобразительный оттенок.

Выделенные три группы «описаний» (с единым планом прошедшего времени, с единым планом настоящего времени и номинативные) отличаются друг от друга не структурной связью, которая во всех случаях коррелятивна, а стилистически. «Описания» с единым планом прошедшего времени носят эпический характер, реальность изображения в них менее ощутима, чем в формах «описания» с настоящим временем.

Последние носят сценический характер и аналогичны «немым сценам» в драме и киносценарии. Объекты в этих «описаниях» сняты как бы панорамой: повествующий уподобляется кинообъективу, который движется мимо объектов и фиксирует их в том порядке, в котором они находятся в действительности. Ср.:

Max fuhr durch die Stadt.

Rotes Licht. Grünes Licht. Schalten. Anfahren. Fußgängerüberweg. Und zwischen allem immer wieder: Ich möchte sterben. Warum darf ich nicht sterben? (W. Heiduczek. Abschied von den Engeln)

Степень статичности в «описаниях» с прошедшим временем ниже, чем в «описаниях» с настоящим временем. В них все основано на данном моменте, он как бы задерживается («Остановись мгновенье!»). Номинативные «описания» построены на принципе перечисления, здесь коррелятивно-перечислительная связь. Их основное качество — краткость, лаконичность. В одном случае они используются как качественные характеристики, в других случаях — краткость и одновременно полнота картины, где дается не ставшее состояние, а момент становления и превращения в состояние. В таких «описаниях» большую роль играют отглагольные существительные и действительные причастия, в которых явно еще ошугимо значение процесса.

«Динамическое описание» (Dynamische Beschreibung) — это «описание в движении» (das personreiche bewegte Bild) [111], повествует как бы с помощью оптической линзы.

Der Zeiger der Bahnhofsuhr gleitet nicht, er springt ruckhaft von Minute zu Minute, und dies mit solcher Betulichkeit, daß sein Gebaren ungemein tröstet. Am Bahnsteig erscheinen, im Geist in die Hände spuckend, zwei Scheuerfrauen mit riesigen Besen.

Den Gang herab eine große, junge Rumänin, blauschwarzer Mantel unterm nachtblauen Seidentuch überm schwarzblauen Haar über den blau und schwarz schattierten Augen, und auf dem Bahnsteig stößt, schwankend auf Zehenspitzen und von zwei schwankenden Burschen gestützt, ein bis zur Sprachlosigkeit bewegter, sehr schwächtiger, sehr verwahrloster Mann unbestimmbaren Alters einen fuselumwölkten Kuß in den weißen Dampf, den die Frau, die plötzlich aufschluchzt, nicht mehr erwidert. (F. Fühmann. Zweiundzwanzig Tage oder die Hälfte des Lebens).

Сущность этой формы — одновременное (точное, с очень маленькими временными интервалами) протекание действий в ограниченном пространстве. Одновременность действий в этой форме как бы «опространствовало» время. Если в основе «описания» предметы, то в основе «динамического описания» — действия. Эта форма передает само течение действия, ряд моментов действия, их «шаговый» (schrittweise) характер. Глаголы действия имеют здесь не качественно описательный оттенок, а изобразительный. Этот оттенок выступает особенно ярко, когда сказуемые связаны присоединительной связью и включены в состав сложного целого в форме сложного предложения в качестве однородных синтагм или однородных предложений.

Структурное содержание этой композиционно-речевой формы — временное отношение простого следования, близкое к одновременности

и соположенности. Категориальное содержание – некоторое ограниченное пространство. В связи с тем, что в этой форме все внимание сосредоточено на застывшем моменте, на ряде моментов, предложения носят законченный самостоятельный характер и как бы в рамках формы логически друг с другом не связаны. Они автосемантические.

Связь между предложениями в этой форме координированная, присоединительная, построенная как бы на произвольной ассоциации, без логической необходимости.

Форма «динамическое описание» используется как для внешнего показа событий, являясь средством натуралистического отражения действительности [112], так и (что, пожалуй, чаще) служит средством острых, тонких психологических зарисовок. Отсюда два вида такого описания: «динамическое описание событий» (Vorgangsschilderung) и «динамическое описание переживания» (Erlebnisschilderung). Ср.:

„Ein junges Mädchen steigt aus der 99... Es ist 8 Uhr abends, sie hat eine Notenmappe unter dem Arm, den Krimmerkragen hat sie hoch ins Gesicht geschlagen, die Ecke Brunnenstraße-Weinbergsweg wandert sie hin und her. Ein Mann im Pelz spricht sie an, sie fährt zusammen, geht rasch auf die andere Seite. Sie steht unter der hohen Laterne, beobachtet die Ecke drüben. Ein älterer kleiner Herr mit Hornbrille erscheint drüben, sie ist sofort bei ihm. Sie geht kichernd neben ihm. Sie ziehen die Brunnenstraße rauf.“ (A. Döblin. Berlin, Alexanderplatz)

Изображение внутреннего состояния героя:

„Er war allein. Er horchte und wartete. Es kam ihm auch vor, als höre er ein Geräusch auf der Treppe; schwaches Knarren von bloßen Füßen oder von einer Katze. Er fühlte sich unsagbar beklommen im Angesicht seines Schattens, der riesenhaft in die Ecke wuchs. Auf einmal zuckte der Schatten zusammen, als ob er sich auf ihn stürmen wollte. Ein Blitz in seinem Gehirn: Vier Paar scharfe Augen in seinem Rücken, als er vorhin heraufging. Der Kopf des Kleinen in der Türspalte. Winken mit den Brauen. Gewisper auf der Treppe. Er sprang auf das Bett und aus dem Fenster in den Hof. Er fiel auf einen Haufen von Kohlköpfen. Er stampfte weiter, schlug eine Scheibe ein...“ (A. Seghers. Das siebte Kreuz)

«**Рассуждение**» (Betrachtung, Erörterung) – это форма логического мышления [113], когда истина достигается сложным путем.

„Die Sportmedizin geht davon aus, daß Funktion und Struktur aller Organe wesentlich von der Größe der an sie gerichteten Belastung bestimmt werden. Zu geringe Bewegungsanforderungen führen zur Minderung ihrer Funktion. Um die den Menschen bei der Geburt mitgegebenen Anlagen für die im späteren Leben notwendigen physischen Fähigkeiten zu erhalten und weiterzuentwickeln, ist es notwendig, seinen Körper regelmäßig etwas stärker zu belasten. Nicht die einmalige Aktion, sondern allein die immer wiederkehrende Anforderung vermag den Organismus zu stimulieren, sich höheren Belastungen anzupassen...“

«Рассуждение» состоит из целого ряда суждений, относящихся к определенному предмету или вопросу, идущих одно за другим таким образом, что из предшествующих суждений необходимо вытекают или следуют другие, а в результате получается ответ на поставленный вопрос.

«Рассуждение» связано с выявлением определенных связей, свойств, качеств, относящихся к той или иной проблеме, оно содержит в себе элементы анализа и синтеза.

Предметным содержанием формы «рассуждения» являются связанные между собой общие и частные суждения, посвященные какой-либо теме, проблеме и т.д.

Структурным содержанием является логическая последовательность, развитие мысли индуктивным или дедуктивным путем. В отличие от форм «сообщения» и «описания», в которых предметное содержание является абстракцией от свойств и отношений реальных предметов, в композиционно-речевой форме «рассуждение» предметно-логическое содержание является абстракцией от свойств и отношений абстрактных предметов, т.е. это уже вторичная абстракция.

Для композиционно-речевой формы «рассуждение» характерно комментирующе-аргументирующее изложение содержания, которое дополняется элементами описания и сообщения. По свидетельству исследователей ГДР релевантными элементами этого способа изложения являются «комментирование» и «аргументирование». Обе операции тесно связаны между собой при постановке проблемы, ее анализе и решении.

С помощью операции «аргументирования» выявляются, сопоставляются и оцениваются различные варианты решения проблемы. При этом особую роль играют такие компоненты аргументирования, как доказательство, опровержение, суждения, выводы.

Операция «комментирование» в свою очередь подчеркивает значимость и важность проблемы, а также различные возможности ее решения.

Сцепление самостоятельных предложений осуществляется в этой композиционно-речевой форме с помощью *каузативной* связи, отражающей движение, развитие, сцепление мыслей. В качестве средств связи на первый план выдвигается структурная соотнесенность, связанная с субъектом или объектом мысли. Развитие мысли вызывает выделение какого-либо члена предложения в предшествующем предложении, который повторяется («развивается») в последующем предложении. Это содержание определяет причинно-следственные, разделительные, противительные отношения между предложениями.

В текстах рассуждающей речи наличествует синсемантия [114] предложений, плотная состыкованность элементов смысловой структуры стремится выразить себя в непрерывности, «сплошности» языковой формы. Неизбежная прерывистость линейного ряда языковых знаков преодолевается повышенной насыщенностью средствами межфразовой связи — «специфика синтаксического отражения сплетенности явлений мира на уровне «большого контекста» оформляется именно посредством связей между самостоятельными предложениями [115].

Показателем взаимопереплетенности предложений, создающей прочную, непрерывную ткань изложения, является ярко выраженная синсемантия самостоятельных предложений. Формальным выразителем синсемантии выступают эксплицитные показатели логической связи предложений. Эффективным реализатором сложной системы логических

отношений являются специфические соединительные слова — союзы, союзные речения и т.п.

Разновидности композиционно-речевой формы «рассуждения» создаются за счет разных способов развития мысли: размышление, разьянение, интерпретация и т.д. Способами развития мысли, которые определяют внутреннюю структуру этой формы, являются: обоснование, доказательство, опровержение, разоблачение, сравнение, обобщение, подведение итогов и т.д. Композиционно-речевая форма «рассуждение» используется не только для изложения готовых знаний, но и для изложения процесса их получения. В общих чертах можно выделить два типа рассуждающих или объясняющих форм.

Первый тип «рассуждения» связан с продуманностью и логической оформленностью мысли.

Второй тип «рассуждений» связан с процессом становления мысли, степень продуманности здесь малая, мысль как бы «нащупывается» через сомнения, предположения и т.д. Такие «рассуждения» носят спонтанный и ассоциативный характер. Отсюда отсутствие логической оформленности, а следовательно, и связь между предложениями носит присоединительный характер, хотя субординация между ними имплицитно часто и имеет место. Форма таких «рассуждений» диалогизирована. Синтаксическое оформление этих «спонтанных» «рассуждений» имеет свои особенности. Во-первых, они, как правило, актуализируются во внутренней речи, отсюда отсутствие полноты их смыслового, а следовательно, и грамматического оформления. Во-вторых, в них превалирует вопросительное предложение. В связи с тем, что в таких формах для предложений больше характерна не изъявительная, а сослагательная модальность, то и отношения между предложениями, наряду с причинными, носят также разделительный и противительный характер.

В художественной литературе широко представлен эмоциональный вариант этой композиционно-речевой формы — «размышление».

„Ein Zeitpunkt — was ist das eigentlich? Dimensionslose Zeit, wie soll man sie sich vorstellen? Der dimensionslose Raum, der Punkt also, ist die Schnittfläche von zwei eindimensionalen Gebilden — was aber schneidet die Linie der Zeit? Der Meridian? Der schneidet die Projektion der Sonnenbahn. Eine zweite, andere Zeitlinie? Wie aber wäre die denkbar, und wäre sie denkbar: wie wäre sie dann zu denken? Und: Kann ein Zeitpunkt auch nur für ein Nu so existent sein, wie ein Punkt existent ist? Er ist doch immer nur das, was noch kommt oder schon gegangen ist, die Mitte zwischen zwei Grenzen, die ohne Mitte zusammenstoßen, das Präsens (—und damit auch das Präteritum) lose. Ob es Sprachen gibt, die solche Verben haben, also nur mit Zukunft und Vergangenheit.

Und das Adverb für dies Gegenwartslose heißt doch „jetzt“, nicht wahr (wie „da“ für das Raumlose), das ist ein Geheimnis.“ (F. Fühmann. Zweiundzwanzig Tage oder die Hälfte des Lebens.)

Содержанием этой формы являются субъективные впечатления, которые передаются в жанровой форме и чаще всего оформляются в различных видах непронесенной (meditativ) речи.

„Warum, dachte ich, wie kommt meine Frau auf so abwegige Gedanken? Nie in acht Ehejahren gab ich ihr einen Grund dazu. Warum auch? Ich liebe sie, ja, nach acht Jahren noch immer. Ich liebe ihre einfache Art, wie sie sich bewegt, wie sie lacht; warm fühle ich ihre Nähe, und ihr Vorzug ist, daß ich allein sein kann mit meinen Gedanken und Grübeleien, auch wenn sie im Zimmer neben mir sitzt. Ich schätze ihre Kunst, mit wenig Geld hauszuhalten.“ (М. v. d. Grün. Irrlicht und Feuer.)

В отличие от формы динамического описания впечатления, оформленные в виде «размышления», имеют осязаемую рациональную основу.

Указанные типовые композиционно-речевые формы — «описание», «сообщение», «рассуждение» — являются базовыми речевыми формами. Но коммуникативно-речевая деятельность строится не только по законам предмета коммуникации и самой коммуникации, но по законам воздействия (прагматики). Прагматическая функция в общем плане закодирована в композиционно-речевых формах в виде их структуры и присутствует в них имплицитно. Однако есть формы, в которых она эксплицирована — просьбы, обращения, призывы, требования, приказы, оценки и т.д., это не жанры, а особое структурирование содержания, когда в структуру содержания вводится человеческое содержание. Такие формы, которые также являются стандартными текстовыми образованиями, в основе своей имеют базовые композиционно-речевые формы и выступают по отношению к ним как вторичные формы.

Композиционно-речевые формы предполагают организацию и определенную замкнутость. Но есть речевые построения, в которых отсутствует организация или формы которой как бы разомкнуты, чаще это только определенный способ, намек на форму.

Речь без организации или «бесформенная» речь характеризуется ассоциативностью, сбивчивостью, незаконченностью. Это типично для устной речи, в художественном произведении — для речи героев. Бесформенность такой речи выражается глаголами говорения.

В «чистом» виде, без примесей композиционно-речевые формы встречаются редко. Спектр композиционно-речевых форм только на одном композиционно-речевом уровне довольно обширен, начиная от базовых форм и кончая «блочными образованиями», включающими в себя разные композиционные структуры в разных переплетениях. В современной речевой практике распространение находят всевозможные смешанные и слитные формы.

По способу смешения и слияния здесь могут быть самые разнообразные варианты — либо перебивка одной композиционно-речевой формы другой (скажем, экспозиция дана в форме «рассуждения», а середина и концовка в форме «сообщения»), либо перемешивание форм (например, композиционно-речевая форма «описания»: комментарий почти в каждой фразе), либо вторжение (например, экспозиция и концовка — одна композиционно-речевая форма, а средняя часть — другая) и т.д.

Смешанные и сложные композиционно-речевые формы интересны в плане общей экспрессивности текста: они создают волнообразность или скачкообразность повествования. Существуют и такие манеры

речеведения, которые не подпадают под типичные схемы, а являются как бы намеком на схему. Их нельзя квалифицировать как определенную композиционно-речевую форму, это, скорее, свободные формы. Так встречается повествование в форме «описания» или описание в форме «повествования». Иногда «изображение» выглядит как «повествование» или «рассказ». Такие формы очень гармоничны: здесь, например, либо «сбивается» напряжение в «динамическом описании», либо, наоборот, активизируется, оживляется форма статического «описания».

Существуют формы, которые занимают промежуточное положение между типовыми, допустим, «повествованием» и «динамическим описанием» и которые тяготеют то к одной, то к другой композиционно-речевой форме.

В основе взаимопереходности речевых форм лежат причины существенного характера. Выделенные три типа композиционно-речевых форм являются отражением таких форм существования материи, как пространство, время, причины, а эти формы связаны между собой. Пространство и время соприкасаются в своих определенных характеристиках. Так, пространственные отношения могут быть проанализированы в терминах временных отношений, таких, как «прежде» и «после». А непрерывная связь понятий времени и причинности давно уже стала очевидной. Эта связь выражается в том, что причина во времени всегда предшествует следствию, что причинный порядок и временной порядок всегда в точности «копируют» друг друга [116].

В композиции произведения представлены, как правило, не одна или две композиционно-речевые формы, а большое многообразие форм (классических, производных, свободных, смешанных), в самых разнообразных сочетаниях и связях. Это создает основу многоголосной повествовательной партитуры.

Сочетаясь и взаимодействуя, композиционно-речевые формы создают более крупные композиционные единства, например, сцены, картины в художественном произведении. Связь композиционно-речевых форм в более крупные единства функционально значима: переход может быть более резким в форме стыка или вклинивания, а может быть плавным, незаметным. В художественной литературе у каждого писателя наблюдается своеобразие в сочетании композиционно-речевых форм, причем, как правило, такое сочетание прослеживается на протяжении всего изложения, формы выступают не разрозненно, а «блочно».

**Архитектонико-речевые формы.** Архитектонико-речевые формы: монолог, диалог, полилог выполняют орудийные функции.

В основе архитектурно-речевых форм лежат такие взаимоотношения между участниками коммуникации, как однонаправленность или взаимонаправленность общения. В случае, когда в коммуникативно-речевом акте активность принадлежит отправителю речи, этот акт совершается в монологической форме, в случае участия в нем двух или большего количества лиц, он осуществляется в диалоге или полилоге. Монологические и диалогические формы предопределяют принципиально разное языковое оформление.

**Монолог** — форма однонаправленного общения. Это сложная,

развернутая форма речи, в которой сравнительно мало используется неречевая информация, получаемая участниками коммуникации из ситуации общения. Если в диалогической речи на предмет речи можно только указать, то в монологической речи он называется и получает подробную характеристику. По сравнению с диалогом монологическая речь наиболее организованный вид речи.

Монологическая речь, будучи однонаправленной, тем не менее, привязана к ситуации общения, в ней заложены характеристики как того, кем она произносится, так и того, кому она направлена.

Ди а л о г — это специфическая форма социального контакта, при котором происходит непосредственный обмен высказываниями. Содержательная сторона диалога расчленена между собеседниками и одновременно объединена предметом разговора. Когда в разговоре принимает участие более двух лиц, то имеет место п о л л о г, форма, обладающая большим своеобразием, так как она в принципе сводится к нескольким перекрещивающимся диалогам [117]. Мысль формируется при опоре на общий опыт говорящих, на элементы обстановки разговора, с учетом жестов и мимики, а также с ориентировкой на языковой контекст. Это позволяет многое не называть ввиду его достаточной ясности для говорящих. Передача информации в диалоге идет сразу по нескольким каналам: словесному, интонационному, мимико-жестикационному, ситуативно-предметному [118].

Диалог является составным текстом. В стилистике немецкого языка выделяют три способа сложения диалога как вопросно-ответного единства:

- вопрос и ответ дополняют друг друга и таким образом создается единое высказывание о предмете (*Anreicherung des Gegenstandes*);
- ответ возвращается к первоначальному высказыванию и дает ему другое толкование (*Widerspruch*);
- вопрос и ответ разъясняют первоначальное, исходное утверждение (*Erörterung*) [119].

Что касается внутреннего единства диалогических текстов, то оно имеет в принципе те же композиционно-речевые формы, что и монолог (сообщение, описание, рассуждение).

Для стилистики представляет несомненный интерес классификация диалога по цели сообщения, выяснения, воздействия, поддержания контакта. Соответственно выделяют следующие три разновидности диалога:

- экстравертивный (подчеркнуто ориентированный на собеседника);
- контактный (предполагающий начать или поддержать общение без преследования какой бы то ни было определенной цели) и
- интровертивный (с преобладанием «самовыражения» без принятия во внимание интересов слушателя).

Композиционно диалог состоит из разговора, который может выступать либо в виде монологических высказываний с перемежающимися репликами, либо в виде вопросно-ответных реплик; из глаголов «говoreния», вводящих разговор, а также ремарок, сопровождающих письменно фиксированные диалоги особенно в художественной литературе, или

некоторых помет в драматических произведениях (описание жестов, мимики, поведения общающихся лиц и т.п.). Нередко такие ремарки в художественной литературе приобретают форму «немых» сцен.

**Тональности текста.** Средством сцепления композиционно-речевых форм в рамках архитектонико-речевых форм и завершением конструктивной основы произведения выступают различные формы тональности текста. В связи с тем, что эмоционально-экспрессивный пласт словесного произведения многослоен, целесообразно выделить несущий уровень, связанный с конструкцией изложения, обозначив его как тональность текста и собственно речи и назвать его интонацией текста (речи).

Интонация (тональность) текста соотносительна с основным тоном, который содержательно задается общей системой функционирования (административно-деловая сфера, политическая, научная, бытовая, художественная) и который сращен с замыслом, идеей, жанром произведения. Каждая система функционирования словесного произведения обладает своей экспрессивностью; тональность — это свернутая экспрессивность. Формальной стороной тональности являются традиционно выделяемые высокий, нейтральный, сниженный тон, каждый из которых обладает необычайно сложным экспрессивным диапазоном.

Интонация речи носит локальный характер, привязана к конкретному субъекту речи и связана с многообразными эмоциональными ракурсами в освещении как разных, так и одних и тех же явлений (например, разновидность высокого тона — торжественность может проявляться в частных случаях как «неторопливая величавость», «строгая сдержанность», «выспренность», «патетичность», «риторическая напыщенность», «риторическая приподнятость», «жеманная провинциальность», «приподнятая книжность», «пышная метафоричность панегирика» и т.д.).

Тональность текста и разнообразные интонации ее проявления создают интонационный строй произведения, реализующий его аксиологическую функцию.

Исходным началом тональностей выступает ритм как категория определенной упорядоченности, характеризуемая равномерной повторяемостью, равномерной структурой. Характер равномерностей изначально задается системой композиционно-речевых форм, на которых строится произведения. Каждая композиционно-речевая форма является своеобразной ритмической моделью.

Ритмы бывают быстрые и медленные. Ритмическая организация типовых композиционно-речевых форм может создавать резко противоположные эффекты: «динамическое описание» построено на «задышащемся» ритме («астматическом», по выражению Л. Шпитцера); ритм «описания» задает изложение плавное, монотонное, лишенное внутреннего напряжения течение. Внутри одного маленького рассказа могут быть представлены самые разнообразные ритмы. Задача художника — втянуть читателя в ритм.

Выразительная сторона тональности конкретизируется субъективной стороной ритмической организации композиционно-речевых форм —

темпом, который связан с конкретной системой изложения в словесном произведении. Темп изложения не всегда совпадает с реальным темпом излагаемого жизненного материала, а отражает ту степень внимания и то значение, которое уделено автором данному явлению: что-то рассматривается «под микроскопом», а что-то лишь окидывается беглым взглядом.

На уровне композиционно-речевых форм темп изложения обуславливается временной и пространственной модификацией этих форм. Временная модификация выражается в соотношении временных планов в структуре произведения, связанном с различием между реальным, фабульным временем, т.е. временем протекания действия и временем изложения (повествовательным временем). Риторика (и поэтика) выделяет два основных типа соотношения времен в словесном произведении: **несовпадение** («растягивание» и «стяжение» повествовательного времени) и **синхронность** временных планов.

Временная модификация композиционно-речевой формы соотносится с пространственной точкой зрения, с которой ведется изложение содержания. Соответственно выделяется изложение крупным, средним, общим планом [120].

Тип звучания, образующий мелодию текста, сформированного композиционно-речевой и архитектонико-речевой формами, в грубых чертах задают тип текста и система функционирования, которые, как уже упоминалось, обладают своей выразительностью (например, директивный тип текста имеет свое звучание, на которое накладывается звучание, например, деловой или газетно-публицистической сферы функционирования).

**Виды речи как средство объективации системы изложения.** Л.С. Выготский [121] различает речь внутреннюю и внешнюю:

- **внутренняя** речь – это смысловая сторона речи, речь, обращенная к себе;
- **внешняя** – звуковая речь, речь для других.

Смысловая сторона существует в виде конструкций из композиционно-речевых форм, тональностей, архитектонико-речевых форм и идентична внутренней форме.

Звуковая сторона речи реализует внутреннюю речь в соответствии с закономерностями своих разновидностей. Прежде всего следует выделить коммуникативные разновидности речи:

- **речь письменную / устную;**
- **контактную / дистантную;**
- **речь литературную / разговорную;**
- **подготовленную / спонтанную;**
- **разные виды эмоционализированной речи с оценочной точки зрения.**

В зависимости от специфики сферы функционирования существует речь деловая, публицистическая, научная, бытовая, художественная. С точки зрения субъекта речи различают речь авторскую, прямую и чужую речь.

**Чужая речь** (или несобственная речь) основана на включении в собственную речь говорящего речи другого лица – если передается

чужое монологическое высказывание, или речь нескольких лиц, если в качестве чужой речи выступает диалогическая речь.

Способы передачи чужой речи многообразны. Среди них наиболее распространенными являются следующие:

- воспроизведение ее в форме прямой речи, в виде цитирования без какой-либо ее переработки;
- воспроизведение в форме косвенной речи, т.е. пересказ чужого высказывания от лица автора (включение чужого высказывания в авторский текст сопровождается указанием на то, что речь принадлежит другому лицу и предполагает существенную синтаксическую перестройку речи);
- пересказывание чужой речи (*erzählte Rede*), передача чужой речи в сокращенной форме (краткий пересказ чужой речи или только название темы);
- воспроизведение несобственной прямой (или несобственной авторской речи – *erlebte Rede*).

Эта форма свойственна художественной литературе. Суть этой формы состоит в том, что чужая речь, передающая мысли, чувства, переживания героев произведения сливается с авторской речью, причем степень слияния может быть разная: 1) превалирование в этом синтезе авторских оценок и авторского мышления дает вариант этой формы – несобственно-авторскую речь (*auktorale erlebte Rede*); 2) превалирование оценок и логики изложения героя образуют другой вариант этого вида чужой речи – персональную несобственно-прямую речь (*personale erlebte Rede*).

Передача и обсуждение чужих речей – одна из самых распространенных и существенных тем человеческой речи [122]. Речь человека во всех областях жизни переполнена чужими словами, переданными со всеми разнообразными степенями точности и беспристрастия. Чем интенсивнее, дифференцированнее и выше социальная жизнь говорящего коллектива, тем больший удельный вес среди предметов речи получает чужое высказывание как предмет заинтересованной передачи, истолкования, обсуждения, оценки, опровержения, поддержки, дальнейшего развития.

Любая беседа полна передач и интерпретаций чужих высказываний. На каждом шагу в ней «цитата» или «ссылка» на то, что сказало определенное лицо.

В бытовой речи в среднем не менее половины всех произносимых слов – чужие высказывания и слова, передаваемые со всеми разнообразными степенями точности и беспристрастия: от прямой дословной передачи до злого и нарочито пародийного искажения чужого высказывания и клеветы на него [123].

Для повествовательной прозы, особенно романа, характерно разноголосие, т.е. наличие нескольких разнородных стилистических единств, лежащих иногда в разных языковых планах и подчиняющихся разным стилистическим закономерностям.

Формами ввода разноголосия в роман являются:

- стилизация различных форм устного бытового повествования (сказ);

- стилизация различных форм полулитературного (письменного) бытового повествования (письмо, дневники и т.д.);
- различные формы литературной, но нехудожественной авторской речи (моральные, философские рассуждения, риторические декламации, этнографические описания, протоколы и т.д.);
- стилистически индивидуализированные речи героев [124].

Для з в у к о в о й речи, как художественной, так и нехудожественной характерно разнообразие интонаций, которые не только проясняют характерные черты говорящих людей, но и содержат в себе отношения к явлениям жизни, эмоциональный ракурс их восприятия и изображения.

Звуковая речь во всем своем многообразии не только материал объективации смысловой стороны изложения, но и средство обогащения ее дополнительными, интеллектуальными и эмоциональными смыслами.

Наконец, к средствам материальной реализации жанра и стиля отнесится интеллектуальный и выразительный потенциал естественного языка.

### 2.3.9. Интегративный аспект системы деятельности

Труд как сознательно-разумная деятельность характеризуется наличием внутреннего плана, регулированием, опосредованием, мысленным моделированием результатов. За внутренним планом стоит цель. Реально в сознании цель существует как идеальный образ подлежащих созданию предметов, образ, который существует до того, как эти предметы будут произведены. «...самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально» [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 189].

Внутренний план как разработанная цель является внутрисубъективной формой бытия деятельности, представляет собой ее превращенную интериоризированную форму. Форма же, как упоминалось выше, всегда системна, т.е. внутренний план – это определенная система.

Цель имеет два аспекта; интенциональный («что») и операциональный («как», т.е. способ, средство достижения цели). Интенциональный аспект связан с порождением действий. Операциональный аспект, включающий в себя операции как способы осуществления действий, определяется не самой по себе целью, а объективно-предметными условиями ее достижения. Изменение условий деятельности ведет к изменению операционального состава деятельности [125]. План (программа) как идеальный образец результата также включает в себя не только решение вопроса «что», но и «как» это осуществить. Здесь следует подчеркнуть, что интенциональность и операциональность существуют во взаимосвязях и взаимопереходах: операции, реализующие действия по проектированию конкретного произведения, создающие предметные функции, одновременно создают и выполняют («несут») информационно-регулятивные функции, формальные по своей сути, прагматико-эстетические, которые как бы

символизируют «продолженное» бытие произведения, вводя его в сферу актуального функционирования. Т.е. эти операции в системе сами являются действиями, функциями, сопутствуя предметным функциям. (Создавая, например, жанр художественной рецензии, автор обязательно учитывает сферу ее функционирования: разный характер газет, специализированный журнал, какой-либо сборник и т.д.).

Таким образом, цель и ее реализация в виде плана – это тот стержень, который объединяет все средства в систему, задающую опережающую программу преобразующей деятельности человека, и который содержит подбор действия и операций, определяя место каждого из них, осуществляя, таким образом, интеграцию всех составляющих деятельности. План (программа) деятельности относится к области идеального, под которым в общем плане понимается субъективный образ объективного мира. Но этот образ не исчерпывается гносеологической категорией идеального, в которой выражено актуальное состояние отражаемого объекта. Вместе с тем он воспроизводится и в связи с практическими целями. Поэтому в сознании человека одновременно и вслед за этим формируются понятия и представления о тех сторонах и свойствах объекта, которые последний может приобрести в процессе своего преобразования. Они характеризуют заданное состояние объекта. Накладываясь на представления об актуальном состоянии объекта, они неизбежно вызывают модификацию этих представлений. Тем самым в структуре образа воспроизводятся актуальное существование объекта, сама деятельность и ее результаты в виде цели, плана, предсказания, моделирующих произведение, его жанр и стиль и соответственно его функционирование (восприятие и понимание).

Внутренний, интроспективный план (программа) практической деятельности представляет собой прежде всего иерархически построенный процесс, способный контролировать порядок, в котором должна совершаться какая-либо последовательность действий и операций. Это объясняется тем, что сам познавательный-деятельностный образ объекта является не только результатом, но и процессом. «Совпадение мысли с объектом, – писал В.И. Ленин, – есть процесс: мысль (= человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа), бледного (тусклого), без стремления, без движения...» [Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 177].

План, моделирующий словесное произведение, включает в себя две спаренные программы: жанровое моделирование и стилистическое. В плане-модели жанровая составляющая имеет более строгий и четкий характер, стилистическая – более размытый, ибо связана с моделированием эмоциональной сферы на базе жанра. В данном случае под эмоциональной сферой понимаются не реальная, действительная эмоция, а эмоциональность и аффективность как таковые, как абстракция, которая регулирует деятельность человека, создает как бы систему «шлюзов», которые устанавливаются на ту или иную высоту, обуславливая тональность, темп, настроенность деятельности на тот или иной уровень, т.е. обуславливает динамическую сторону деятельности [126].

У мышления как естественного процесса существует объективная и

субъективная сторона. Для всех нехудожественных словесных произведений основной акцент падает на объективную сторону, связанную с жанровым, смысловым моделированием. В художественных произведениях на передний план выступает субъективная сторона с акцентом на стилевом моделировании.

Эмоциональная окрашенность в различных формах человеческого сознания может варьироваться в очень широких пределах. Наименее эмоционально окрашены тексты, связанные с деловой сферой общения. Наиболее эмоционально окрашена информация в искусстве, эмоциональность художественного мышления связана с особенностями эстетического, чувственно-эмоционального отношения к действительности. Художественное мышление отражает жизнь со всеми присущими ей свойствами, но, в отличие от других форм сознания, в единстве со свойствами эстетическими. В художественном мышлении преобладает эстетическое отношение к действительности, которое вбирает в себя, подчиняет себе и обуславливает идейное содержание, но не исчерпывает его. В той же степени стиль в литературно-художественном произведении вбирает и подчиняет себе жанр.

Следует специально подчеркнуть, что из каких бы объективно сопряженных операций деятельность не состояла (а программа включает в себя формализованные операции, в том числе и стилеобразование, следовательно объективные операции) ее специфика в конечном итоге выражается через ее отношение к субъекту, ибо только он дает ей последнее ограничение [127]. Отсюда в творческой (а не тиражирующей) деятельности, и особенно в искусстве, всегда остаются неформализуемые стороны и звенья, уникальный, личностный строй, который требует конкретно-практического, эмоционального, а не только логически-рационального постижения и интерпретации.

Когда речь идет о плане проектирования коммуникативной стороны, то имеется в виду изначально формализованная, логически-рациональная система.

План как функциональная система обладает двумя основополагающими структурами: горизонтальной и вертикальной. Горизонтальная структура, которая состоит из действий и которые на уровне текста выступают его фрагментами, композиционными звеньями (типичные действия: информирование, установление контакта, заинтересовывание, эксплицирование, резюмирование), обеспечивает линейное развертывание содержания в таких композиционных структурах, как введение, экспликация, резюме, заголовки.

Вертикальная структура реализует горизонтальную в операциях, осуществляя на ее базе функционирование системы и выступая комбинированной прагматико-эстетической функцией.

В основе словесных произведений могут лежать простые функциональные системы (объявление, краткая информация, коммюнике и т.д.) и сложные, состоящие из простых и образующих их композицию. Существуют разные типы объединения простых систем в многоклеточную функциональную систему. Одно из строений горизонтальной структуры:

введение, экспликация, заключение, являет собой возможную типовую схему объединения простых систем.

Субстанцией функциональной системы выступает речь в своих двух ипостасях: внутренней, смысловой и внешней, звуковой. Отсюда функциональная система претерпевает двойное проявление: на уровнях внутренней и внешней речи. (Оба эти уровня (внутренней и внешней речи) относятся к идеальному плану, плану рациональности, однако, степень абстракции у них разная). Это проявление представляет собой информационный процесс, т.е. процесс сбрасывания одной кодовой формы и замены ее другой.

На смысловом уровне кодовой формой выступает конструкт. Конструкт — это устойчивый, сохраняющийся вид упорядоченности, вид композиций элементов в тех или иных отношениях, а также организация, включающая в себя как сохраняющийся, так и изменяющийся порядок отношений [128]. За смыслом, существующим в виде конструкта, стоят формализованные информационные, т.е. общественные отношения, которые сродни абстрактному труду и которые ранее были обозначены как метасистемные или общесистемные. Конструкт складывается из следующих структурных элементов: из композиционно-речевых форм, архитектонико-речевых форм и тональной организации, задаваемой макросредой, сферой деятельности. (Каждый функциональный стиль обладает своим инвариантным типом интонации и определенным интонационным диапазоном, а также композиционной организацией горизонтальной структуры).

На звуко-речевом уровне, на который «мигрирует» конструкт с его структурами, обретая новую жизнь в системе уже иных, предметно-речевых отношений, но сохраняя свой конструктивный облик, кодовой формой выступают разные виды речи: письменная — устная, литературная (в своих функциональных разновидностях: деловая, научная, художественная и т.д.) — разговорная, дистантная — контактная, нейтральная — эмоциональная. Как говорилось выше, конструкт кодирует информационные, идеальные в собственном смысле слова отношения, систему идеальных операций. Эти отношения по количеству и разнообразию превосходят связи речевого уровня и богаче по своим операционным возможностям. Конструкт обладает повышенной способностью осваивать более широкий ареал, усложнение многообразных способов и средств адаптации к более широкой системе, обеспечивает выход за пределы жанра в тип текста, микросреды в макросреду. С помощью операциональных форм в текст привносится содержание, которого нет в слагающих его языковых единицах и конструкциях. Еще раз следует подчеркнуть, что эти содержания носят реляционный характер и являются «свойством» не предметов, а отношений. Это — содержания деятельности, которые откладываются в тексте в виде ее предметных отложений, напоминающих абстрактный труд. Жанр и стиль являются носителями этих отношений. Идеальный план как программа жанрово-стилистического формообразования предполагает рассмотрение рационального как элемента синкретического взаимодействия с чувственными, эмоциональными, личностно-ценностными, общеидеологическими и т.д. компонентами сознания и психики в целом.

## 2.4. Функциональный аспект рассмотрения стилистической системы словесного произведения

В предыдущих разделах стиль как система рассматривался в предметной и исторической плоскости. Предметная плоскость анализа стиля представила его как целостное образование, в котором содержательная и формальная сторона слиты воедино; стилистическая система в этом ракурсе выглядит как нормативно-ценностный комплекс.

В исторической плоскости на первый план исследования стилистической системы выдвинут содержательный аспект, собственно ценностная, смысловая информация.

Функциональный ракурс рассмотрения стилистической системы акцентирует нормативный аспект этой системы, который существует в виде структурной, формальной организации системы. Следует еще раз настоятельно подчеркнуть, что понимаемая в публикации норма — это не рецептурные правила, формулируемые на естественном языке, а конструкция, модель общественных связей и отношений, существующих в виде проектов, с помощью которых язык организуется в тексте и приобретает способность выполнять прагматические и эстетические функции, прагматические и эстетические действия. Эта конструкция может пребывать в различных системных состояниях, но остается относительно неизменной, что и составляет ее основное качество.

Таким образом рассматриваемая конструктивная норма — это норма прагматико-эстетического акта, который отличается от гносеологического тем, что функция гносеологического акта — отражение действительности, прагматического и эстетического — воспроизведение действительности на основе ее отражения [129].

Прагматика (аксиология) — формальный (структурный) момент всякой человеческой деятельности и общественных отношений, связанный с их упорядочиванием. Прагматика проникает в практическую деятельность людей, выражая в ней момент организации. Формальный, структурный, организационный аспект общественных отношений, воплощается в прагматике (эстетике).

Функционирование системы изложения как нормы — это процесс управления, который обеспечивает целостный выбор и комбинирование языковых средств с целью кодирования ценностной информации. Получаемый в результате «употребленный язык» представляет собой особым образом нормативно-организованный язык, состоящий не из языковых отдельных частей, а из языковых ансамблей, которые выступают носителями ценностной информации. Иными словами, норма, организуя стилистически язык в произведении, одновременно выступает процедурой приписывания прагматико-эстетического смысла языковым единицам, обеспечивая через них конкретное проявление этого смысла.

Функционирование системы изложения как нормы стабилизирует восприятие и понимание, их устойчивость и инвариантность, в то же время направляя их в нужное русло.

Функционирование системы изложения как нормы представляет собой и н ф о р м а ц и о н н ы й процесс, т.е. процесс развернутой во вре-

мени и пространстве (горизонтальная и вертикальная структуры) определенной последовательности отношений, схем, матриц, собственного порядка сцепления «шагов» (операций). Информационный процесс обладает собственной информационной формой, которая формализует информационные потоки. Разные аспекты этой формы выражаются двумя разными понятиями: кодом и алгоритмом, которые фиксируют способы решения стоящих перед субъектом задач. Связь между кодом и алгоритмом состоит в том, что способ кодирования есть в то же время алгоритм кодирования. В понятии алгоритма форма соотносится с процессом, в понятии кода — со структурой и составом множества элементов [130]. Код и алгоритм — это не просто означающие, но они вместе с тем и означаемые, т.е. сама социальная информация, которая в нормативной функции является управляющей информацией.

Суть информационного процесса состоит в переходе от одного кода к другому, «сбрасыванию» прежней кодовой формы и замены ее другой: конструктивный код заменяется речевым, речевой — языковым. Языковой код, т.е. естественный язык, является материальным субстратом социальной информации, ее носителем, вне которого она не существует.

Кодами и алгоритмами как формализованными структурами охватываются по существу все преобразования, которые может предпринять человек с помощью языка. Поиски оптимального кода идут прежде всего от желания «вскрыть» реальность более энергичным способом.

Следует напомнить, что в рассматриваемом контексте эта реальность представляет собой общественные отношения, выступающие субстанцией нормативно-ценностной информации. Последняя формализована в системе произведения и образует в нем «вторичные значимости», которые существуют в неразрывной связи с жанрово-стилистической формой. Они записаны целостно в языковом воплощении этой формы как системы.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В переводческой деятельности основанием соотнесения перевода и стиля является смысл, явление двухмерное: смысл как идея законченного текста или его фрагмента и смысл как целесообразность текста. В понятии смысла как целесообразности отражена логика коммуникации. Формами, обуславливающими восприятие смысла, выступают жанр и стиль.

Понимание жанра и стиля текста есть одновременно понимание и социальной роли и функциональной сущности произведения.

В переводе понимание жанра и стиля направлено на сохранение формы речевого выражения мысли, которая идентично должна быть воспроизведена на языке перевода.

Для переводчика понять смысл, реализованный в произведении в виде жанрово-стилистической организации языка, это значит

- согласовать программу продуцирования произведения с программой его репродуцирования в переводе,
- следовать при переводе заданному данной программой направлению движения смысла,
- дать адекватный словесный эквивалент на языке перевода,
- выработать согласно данной программе переводческие решения и обеспечить адекватную реакцию восприятия переведенного текста.

В программе продуцирования жанра и стиля произведения закодирована ценностная информация, она представляет собой значимые связи, то общее освещение, тот эфир, в сферу действия которых попадают и содержание и язык и которые модифицируют и содержание и язык их особенностях.

Переводчик, приступая к переводу, должен осознать, что ценностная информация, являя собой структуру, не просто упорядочивает язык в произведении, а несет важный социальный смысл, выполняющий функцию осознания содержания, его оценивания. Этот смысл — социальные нормы, жанр и стиль, — одно из воплощений законов собственных общественных действий людей.

Социальные нормы организации языка в тексте декодируются как системные образования, системные связи и процессы. Ценностная информация является реляционным содержанием системы изложения. Последняя, будучи многообразной целостностью, определяет и различные грани ценностной информации.

Предметный аспект системы изложения вскрывает за ценностной информацией общественные коммуникативные отношения, сведенные в системе изложения в системные качества разного порядка. Эти качества в нерасчлененном виде известны в традиционной риторике как целесообразность и уместность.

Предметное рассмотрение системы изложения дает целостное представление о ценностной информации.

Историческая плоскость рассмотрения системы изложения как процессного аспекта жанра и стиля демонстрирует процесс становления ценностной информации со стороны ее содержания, аккумуляцию прагматического, эстетического, практического, личностного смыслов в единое смысловое содержание.

Функциональный аспект системы изложения акцентирует внимание на формальной, структурной стороне ценностной информации, выделяя в ней нормативность, представляя ее как норму организации языка в тексте и одновременно как переводческую норму.

Функционирование жанра и стиля как переводческих норм направлено на обеспечение себестоимости системы оригинала в переводе как в аспекте материального носителя, языка перевода, так и в аспекте адекватности понимания.

Трехакурсное постижение жанрово-стилистической информации является надежной практической опорой в работе переводчика.

Устойчивость жанра и стиля как социальных переводческих норм обеспечивается наличием двух кодов: аксиологического и семиотического. Аксиологический код — это субъективный язык, который не осознается воспринимающим, но знание которого для переводчика-профессионала столь же необходимо, как и знание естественного языка, семиотического кода. Аксиологический код является языком-посредником, при участии которого прагматико-эстетический смысл переводится на общедоступный естественный язык. Аксиологическая и семиотические кодовые системы образуют в конечном результате общую структуру, в которой взаимно оптимизирован общий речевой процесс. Расшифровка жанрово-стилистического кода, т.е. процесс декодирования, с последующим функционированием расшифрованной информации как переводческой стилистической нормы есть операция, по возможности, однозначного соотнесения содержания и ценности информации оригинала как определенной нормативной системы и специфических свойств ее носителя с содержанием и соответствующими структурами текста перевода.

## NACHWORT

Im Buch ist der Versuch unternommen worden, eine organische Wechselbeziehung zwischen zwei linguistischen Disziplinen, der Stil- und der Übersetzungslehre vorzulegen, deren Grundlage die Kategorie des Verständnisses unter ihrem Wert- und Kommunikationsaspekt darstellt.

Die Stilistik wird als eine normative Lehre betrachtet, deren Gegenstand „der Stil“ eine breite Skala von sozial-psychologischen und sozial-gesellschaftlichen Relationen erfaßt und geordnet hat, die mit den ästhetischen und pragmatischen Seiten der textbildenden Tätigkeit zusammenhängt.

Der Stil wird nicht gnoseologisch, sondern axiologisch und kommunikativ ausgelegt, jedoch unter Voraussetzung der gnoseologischen Tätigkeit. Daraus folgt, daß der Stil im engen Zusammenspiel mit der Kategorie „Redegenre“ (Textart) als seiner konstruktiven Grundlage verstanden wird.

Der Begriff „Stil“ bedeutet die Normen der Schaffung der ästhetischen Form des Wortwerkes und ihrer Wirkung nach außen, die zugleich die Normen der Sprachverwendung und Sprachgestaltung im Wortwerk sind und die Prozedur des Zuschreibens des Sinnes darstellt. Die Eigentümlichkeit dieser Normen besteht darin, daß sie nicht verbal, sondern konstruktiv sind, d.h. sie treten als Muster, als Modell systemhaften Charakters auf.

Die Stilnorm als System wird im Buch auf dreierlei Weise erforscht: als historisches System, das das Werden des Stils veranschaulicht, als objektives gegenständliches System, das abstrakte und konkrete Abstufung hat und vielschichtig ist, als funktionales System, das einerseits die Sprache im Werk normstilistisch einordnet, andererseits die adäquate Rezeption und das adäquate Verständnis sichert.

Die Stilnorm realisiert sich in drei Koden (Text-, Rede-, Sprachkod), die das Schichtungsverhältnis und das Prinzip der Wiederkehr, d.h. das Enthaltensein des Kodes niederer Art in den höheren, aufweisen.

Die Übersetzung wird im vorliegenden Buch als sekundäre, reproduktive Tätigkeit betrachtet, die in der Entgegenständlichung von gesellschaftlichen Inhalten besteht, die in der Form des Wortwerkes als Ergebnis der genrestilistischen Textbildung vergegenständlicht worden sind.

Als Methode der Entgegenständlichung wird die Kategorie des Verständnisses herangezogen, die einen prozessiven Charakter hat und der Produktion des Textes entgegenläuft: von der Sprache des Werkes zu seinem pragmatisch-ästhetischen Sinn mit dem Zweck hinter der sprachlichen Außenform ein System der zweckmäßigen und angemessenen Verwendung der Sprache zu entdecken, das die Spracheinheiten in Sprachensambles verwandelt. Die letzteren sind Träger des pragmatisch-ästhetischen Sinnes, d.h. des unsichtbaren Inhalts. Die eigentliche Funktion der Kategorie des Verständnisses besteht in der Aufdeckung dieses Inhalts.

## ПРИМЕЧАНИЯ

### I часть

1. *Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П.* Теория и ее объект. М., 1973. С. 3.
2. *Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П.* Теория и ее объект. С. 22.
3. *Швейцер А.Д.* Перевод: проблемы и перспективы / Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43, № 6. С. 504.
4. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М., 1968. С. 151.
5. См. *Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. М., 1973. С. 16–76.
6. *Лилова А.* Введение в общую теорию перевода. М., 1985. С. 40.
7. *Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю.* Основы общего и машинного перевода. М., 1963.
8. *Лилова А.* Введение ...
9. *Reiß K.* Texttyp und Übersetzungsmethode. Kronberg, 1971. S. 37.
10. *Лилова А.* Введение ... С. 35.
11. *Лилова А.* Введение ... С. 39.
12. *Юдин Б.Г.* Понятие целостности в структуре научного знания / Вопр. философии. 1969. № 12. С. 85.
13. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984. С. 46, 47.
14. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность... С. 28.
15. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1981. С. 84.
16. Герменевтика: история и современность. М., 1985. С. 17.
17. *Рузавин Г.И.* Проблема интерпретации и понимания в герменевтике / Объяснение и понимание в научном познании. М., 1983. С. 26.
18. См. Герменевтика: История и современность. С. 60.
19. *Гусев С.С., Тульчинский Г.Л.* Проблема понимания в философии. М., 1985. С. 17.
20. *Ивин А.А.* Понимание и ценности – логическая структура понимания / Вопр. философии. 1986. № 9. С. 49.
21. *Гусев С.С., Тульчинский Г.Л.* Проблема понимания в философии. С. 21.
22. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 274, 280.
23. *Ильенков Э.В.* Проблема идеального / Вопросы философии. 1979. № 7. С. 151.
24. Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1961. С. 297–298.
25. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность... С. 46–47.
26. *Филатов В.П.* К типологии ситуаций понимания / Вопросы философии. 1983. № 10. С. 72–73.

27. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблемы понимания в философии. С. 126–127.
28. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. С. 139.
29. Библер В.С. Мышление как творчество. М., 1975. С. 157.
30. Гегель. Соч. Т. IV. С. 31 (цит. по Библер В.С. Мышление как творчество. С. 140).
31. Гегель. Соч. Т. IV. С. 31–32 (цит. по Библер В.С. Мышление как творчество. С. 141).
32. Дубровский Д.И. Понимание как расшифровка кода (информационный подход к проблемам герменевтики) / Философские основы науки. Вильнюс. 1982.

## II часть

33. Гегель. Эстетика / Соч. Т. XII. М., 1934. С. 21.
34. Иванов В.П. Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев. 1977. С. 58.
35. Тугаринов В.П. Философия сознания. М., 1971. С. 60.
36. Цицерон. Марк Тулий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.
37. Аристотель. Поэтика. М., 1957. С. 63.
38. См. Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип. / Проблема человека в современной философии. М., 1969.
39. Леонтьев А.Н. О некоторых психологических особенностях сознательности обучения / Советская педагогика. 1946. № 11–12. С. 5.
40. Брожик В. Марксистская теория оценки. М., 1982. С. 12, 36.
41. Брожик В. Марксистская теория оценки. С. 40, 29.
42. Иванов В.П. Человеческая деятельность... С. 43–44.
43. Коршунов А.М. Отражение, деятельность, познание. М., 1979. С. 166.
44. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968. С. 30.
45. См. Иванов В.П. Человеческая деятельность... С. 204.
46. Горький М. Соч. в 30 т. Т. 27. С. 5.
47. Поспелов Г.Н. Эстетическое и художественное. М., 1965. С. 160–167.
48. Философская энциклопедия. М., 1961. Т. 5. С. 575.
49. Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. М., 1967. С. 339–340.
50. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
51. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 15.
52. Бенвенист Э. Общая лингвистика. С. 45.
53. Бенвенист Э. Общая лингвистика. С. 14.
54. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 167.
55. Кузьмин В.П. Различные направления разработки системного подхода / Вопросы философии. 1983. № 3. С. 19.
56. Кузьмин В.П. Различные направления... С. 22.

57. «К инженерной области, — пишет Г. Саймон, — мы относим задачи «синтеза», в то время как наука занимается «анализом» Саймон Г. Науки об искусственном. М., 1972. С. 13.
58. Кузьмин В.П. Различные направления... С 25.
59. Бирюков Б.В., Геллер Е.С. Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1973. С. 22.
60. Бирюков Б.В., Геллер Е.С. Кибернетика... С. 26.
61. См. Храпченко М.Б. Художественное творчество, действительность, человек. М., 1978. С. 327.
62. См. Горанов К. Художественное произведение и его социально-психологические измерения / Вопросы эстетики. М., 1971. Вып. 9. С. 62.
63. Тюхтин В.С., Ларкин Ю.Ф. Содержание и форма в искусстве. М., 1984. № 7. С. 29.
64. Мареев С.Н. Формальные и содержательные системы в научном познании / Вопр. философии. 1986. № 6. С. 33—34.
65. Винокур Г.О. Понятие поэтического языка / Избр. работы по русскому языку. М., 1959. С. 388—393.
66. См. Храпченко М.Б. Художественное творчество... С. 159.
67. См. Юдин Б.Г. Понятие целостности... С. 91—92.
68. См. Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974. С. 22.
69. См. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986. С. 302.
70. Кузьмин В.П. Принцип системности... С. 77—78.
71. См. Кузьмин В.П. Принцип системности... С. 87.
72. См. Иванов В.П. Человеческая деятельность... С. 52—54.
73. Каган М.С. Человеческая деятельность... С. 45—46.
74. Кузьмин В.П. Принцип системности... С. 92.
75. А.А. Ухтомский. Цит. по Библер В.С. Мышление как творчество. С. 4.
76. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества... С. 4.
77. Ал. Толстой о литературе. М., 1965. С. 37—38.
78. См. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 275—279.
79. Новикова Л.И. Искусство и труд. М., 1974. С. 30—31.
80. См. Социология в СССР. М., 1966. Т. II. С. 490.
81. См. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества... С. 351.
82. См. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества... С. 287.
83. См. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 366.
84. См. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 231.
85. См. Виноградов В.В. О теории... С. 217.
86. См. Храпченко М.Б. Художественное творчество... С. 82.
87. Коршунов А.М., Мантатов В.В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974. С. 17.
88. См. Петрушенко Л.А. Единство системности, организованности и самодвижения. М., 1975. С. 11.
89. См. Иванов В.П. Человеческая деятельность... С. 89.
90. Иванов В.П. Человеческая деятельность... С. 118.
91. Тугаринов В.П. Философия сознания. С. 88.
92. Коршунов А. Ленинская теория отражения и активность познания / Коммунист. 1975. № 11.

93. *Василев С.* Теория отражения и художественное творчество. М., 1970. С. 427.
94. *Каган М.С.* Познание и оценка в искусстве / Проблема ценности и философии. Л., 1966. С. 104.
95. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 263–264.
96. *Клаус Г.* Сила слова. М., 1967. С. 121.
97. *Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К.* Планы и структура поведения. 1965. С. 89.
98. *Крушельницкая К.Г.* Проблема взаимосвязи языка и мышления / Общее языкознание. Т. I. М., 1972. С. 400.
99. См. *Плахов В.Д.* Социальные нормы. М., 1985. С. 138–139.
100. См. *Иванов В.П.* Человеческая деятельность... С. 164.
101. *Иванов В.П.* Человеческая деятельность... С. 167, 174.
102. *Брожик В.* Марксистская теория оценки. С. 75–76, 40.
103. См. *Иванов В.П.* Человеческая деятельность... С. 222.
104. *Иванов В.П.* Человеческая деятельность... С. 224.
105. *Выготский Я.* Мышление и речь. М.-Л., 1947. С. 48.
106. *Зинченко В.П.* Инженерная психология. М., 1964. С. 247.
107. Павловские среды. Т. III. М.: Изд-во АН СССР. 1957. С. 320.
108. *Выготский Я.С.* Мышление и речь. С. 311–312.
109. См. *Виноградов В.В.* Русский язык. М.-Л. 1947. С. 573.
110. См. *Николаева В.П.* Абзац, его строение, содержание и композиция в рассказах А.П. Чехова. Автореф. канд. дисс. М., 1965.
111. См. *Lämmert E.* Bauformen des Erzählens. Stuttgart, 1955. S. 88.
112. Существует специальный термин для обозначения натуралистического метода повествования (очень подробно, с большой точностью деталей), построенного на этой форме — «секундный стиль» (Sekundenstil). См.: *Martini F.* Das Wagnis der Sprache. Stuttgart, 1954. S. 119.
113. См. *Асмус В.Ф.* Логика. М., 1947. С. 147.
114. Под «синсемантией» понимается способность речевой единицы выражать заключенное в ней значение в сочетании с другими единицами контекста. См. *Лезова Н.П.* Средство структурного цементирования элементов абзаца. Автореф. канд. дисс. Л., 1976. С. 5.
115. *Сильман Т.А.* Проблема синтаксической стилистики. Л., 1967. С. 15.
116. См. *Никитин Е.П., Сафонов Ю.Ф.* Причинность и функциональность / Вопр. философии. 1969. № 11.
117. См.: *Девкин В.Д.* Диалог. Немецкая разговорная речь. М., 1981. С. 5.
118. См. *Девкин В.Д.* Диалог. С. 6.
119. См. *Irpsen G.* Gespräch und Sprachform / Blätter für dt. Philosophie. 1932. Bd. 6. S. 159.
120. Подробнее см.: *Брандес М.П.* Стилистика немецкого языка. М., 1983.
121. См.: *Выготский Л.С.* Мышление и речь. С. 271, 279.
122. См. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. С. 150.
123. См. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. С. 152.
124. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. С. 75.
125. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. С. 107.

126. См. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1940. С. 395.
127. См. *Иванов В.П.* Человеческая деятельность... С. 219.
128. См. *Тюхтин В.С.* Проблема идеального: методологический анализ / *Вопр. философии.* 1980. № 9. С. 82.
129. См. *Плахов В.Д.* Социальные нормы. С. 30.
130. *Дмитриев Е.В.* Диалектика содержания и формы в информационных процессах. Минск, 1973. С. 139–140.

## ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адекватность перевода 17  
аксиологический 34  
аксиологический код 4  
активность 83  
архитектонико-речевые формы 105,  
106, 107
- Виды речи 108, 109  
воздействие 51
- Герменевтика 18, 19
- Десимволизация 32  
деятельность 13  
    вторичная 15  
    духовно-практическая 23  
    практическая 48  
    смысловая 14  
    текстовая 13, 14  
диалог 106  
    интровертивный 106  
    контактный 106  
    экстравертивный 106  
динамическая эквивалентность 8
- Жанр 70, 71, 72, 113, 117
- Инвариант 9  
    семантический 9  
    функциональный 9  
изложение (содержания) 34  
инженерное знание 64  
интерпретация 30  
интерсубъективный 39  
информационный процесс 114
- Качества 73  
кибернетический 43  
код 114  
    аксиологический 5, 117  
    семиотический 5, 117  
кодовая форма 38, 113  
коммуникация 15  
композиционно-речевые формы 94–105  
конструкция 33  
красота 53
- Норма 41, 44  
    парадигматическая 59  
    переводческая 17  
        социальная 57–60
- ”Образ автора” 81, 82  
объект деятельности 78, 79, 81  
общение 15, 85, 88, 89  
общественные коммуникативные отношения 116  
описание 98  
    динамическое 100, 101, 102  
опредмечивание 14  
отношения (предметные, информационные) 87, 88  
оценка 85, 88, 91
- Перевод 7  
переводческая способность 8  
план 93  
    идеальный 93  
    реальный 93  
познание 85, 86  
понимание 16, 18, 20, 24, 29, 35, 38  
    герменевтическое 30  
    рациональное 31  
практика 45, 52, 77  
предмет 16  
    перевода 16  
    стилистики 42  
производство 44  
по ”законам красоты” 52, 53, 54
- Разноголосие 109, 110  
распредмечивание 14  
рассуждение 101, 102  
редукционизм 12  
реконструкция 33  
речь 109  
    несобственно-авторская 109  
    несобственно-прямая 109
- Связь 98  
    последовательная 97  
    перечислительная 98  
    присоединительная 101  
    соположительная 99  
    каузативная 102  
семиотика 92  
символизация 32  
система 38  
    самоорганизующаяся 38  
системность 67

- системный подход 65, 66
- системное качество 72
- ситуация перевода 27, 28
- структура 73
  - координационная 73
  - субординационная 73
  - горизонтальная 112
  - вертикальная 112
- смысл 21, 22, 24, 25
- содержание 68
  - сущность 68
  - субстратное 68
  - предметное 102
  - структурное 102
- сообщение 51, 96, 97
  - констатирующее 97
- социальные качества 74
- среда (макро-, микро-) 76
- стилистика 40, 41, 43
- стиль 34, 40, 42, 44, 60, 61, 62, 65, 70, 71, 84, 90, 113, 117
  - деловой 91
  - публицистический 91
  - научный 91
  - художественный 9
- субъект 77
- субъект деятельности 80
- субъективность 62
  - в языке 64
- субъективная реальность 4
- сущность 49
  - деятельности 49
  - человека 49
- Творчество 53, 54, 55
- текст 26, 27, 44
- темп 108
- теория 6
  - перевода 7
- тон 107
  - высокий 107
  - нейтральный 107
  - сниженный 107
- тональность текста 107, 108
- Употребление (языка) 45, 57
- Форма 63, 68, 69
  - внутренняя 35
- формализация 4, 66
  - фактическая 66
  - логическая 66
- формальное соответствие 8
- формообразование 45
- функция 44, 45, 46, 47
  - операциональная 45
  - познавательная 45
  - регулятивно-управленческая 45
  - предметная 45
  - информационная 45
  - коммуникативная 46
  - семантическая 51
  - прагматическая 51
  - синтаксическая 51
  - нормативная 52
  - сообщения 51
  - воздействия 51
  - семиотическая 52
- функциональное бытие 49
- функционирование 75
- Целостность 67
- ценность 20, 23, 38, 49, 60
  - духовная 49
  - предметная 49
  - нормативная 49
  - объекта 51
- ценностный 47, 91
  - ценностная предметность 51
- целеполагание 50
- целесообразность 50
- цель 110
  - интенциональный 110
  - операциональный 110
- Человек 49
- чужая речь 108, 109
- Эстетическая природа 52, 53
  - труда 52, 53
- эстетические ценности 55, 56, 57
- Язык 63
  - эвристический 64

# ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие . . . . .	3
Введение . . . . .	4

## I часть

### Перевод и глубинные точки его пересечения со стилистикой

I. Некоторые проблемы перевода в теоретическом аспекте . . . . .	6
1.1. Перевод и состояние его теоретической разработки . . . . .	6
1.2. Перевод как сложная динамическая система . . . . .	12
II. Понимание как метод изучения переводческой деятельности . . . . .	17
2.1. «Понимание» как исходная категория теории перевода . . . . .	17
2.2. Исходные логические основания «понимания» . . . . .	20
2.3. Понимание и смысл . . . . .	24
2.4. Текст как объект понимания . . . . .	26
2.5. Понимание в ситуации перевода . . . . .	27
2.6. Методология понимания: аспекты, уровни . . . . .	29
2.7. Техника понимания . . . . .	32
2.8. Типы анализа понимания . . . . .	33
III. Понимание, стиль, перевод, их взаимосвязь . . . . .	34
3.1. Понимание как база соотношения стиля и перевода . . . . .	34
3.2. Стиль как элемент вторичной социальной подсистемы текста . . . . .	36
3.3. Стиль и перевод . . . . .	37
3.4. Стиль и перевод как самоорганизующиеся системы . . . . .	38

## II часть

### Стиль как переводческая норма

I. Предпосылочные категории стилистики . . . . .	40
1.1. Исходное понятие «стиль». Его фундаментальные детерминанты . . . . .	40
1.1.1. Стиль в аспекте употребления языка как система взаимодействия «язык – человек» . . . . .	44
1.1.2. Употребление языка как функциональный объект . . . . .	45
1.1.3. Производство функций «По законам красоты» . . . . .	52
1.1.4. Социальные нормы и употребление языка . . . . .	57
1.1.5. Концепция языкового стиля, представленная в данной работе . . . . .	60
1.2. Дефиниция стиля. Стиль в аспекте лингвистики . . . . .	60
1.2.1. Предметная реальность стиля. Его сущность . . . . .	61
1.2.2. Предметная реальность стиля. Его качественная специфика . . . . .	62
1.2.3. Функциональная реальность стиля . . . . .	63
1.2.4. Метод изучения и описания стиля . . . . .	63
1.3. Метод изучения и описания стиля . . . . .	63
II. Системность стиля	
2.1. Стиль как категория целостности словесного произведения . . . . .	67
2.1.1. О структуре содержания . . . . .	68
2.1.2. Форма словесного произведения . . . . .	69
2.1.3. «Жанр» и «стиль» как нормы создания и восприятия словесного произведения . . . . .	70
2.1.4. Место стиля в функциональной системе произведения . . . . .	70
2.2. Предметный (объектный) аспект стилистической системы словесного произведения . . . . .	72

2.3. Исторический аспект стилистической системы словесного произведения . . . . .	76
2.3.1. Категория деятельности . . . . .	76
2.3.2. Состав деятельности. Объект деятельности . . . . .	78
2.3.3. Субъект деятельности . . . . .	80
2.3.4. Активность как субстанциональная основа деятельности . . . . .	83
2.3.5. Структурный аспект системы деятельности . . . . .	85
2.3.6. Оценочная структура деятельности . . . . .	86
2.3.7. Функционально-оценочный аспект деятельности . . . . .	88
2.3.8. Орудия и средства деятельности . . . . .	92
2.3.9. Интегративный аспект системы деятельности . . . . .	110
2.4. Функциональный аспект рассмотрения стилистической системы словесного произведения . . . . .	114
Заключение . . . . .	116
Nachwort . . . . .	118
Примечание . . . . .	119
Предметный указатель . . . . .	124

*Учебное издание*

**Маргарита Петровна Брандес**

**СТИЛЬ И ПЕРЕВОД**

Заведующий редакцией *Д.Л. Кортунов*  
Редактор *В.М. Завьялова*  
Младшие редакторы *Л.Г. Яковлева, Н.А. Казак*  
Художник *А.И. Шавард*  
Художественный редактор *С.Г. Абелин*  
Технический редактор *И.А. Балелина*  
Старший корректор *Н.А. Ильина*  
Оператор *С.Г. Кучирь*

ИБ № 7101

Изд. № Н-457. Сдано в набор 29.01.88. Подп. в печать 14.03.88.  
Формат 60x90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бум. офс. № 2. Гарнитура Пресс.Роман. Печать высокая  
Объем 8 усл. печ. л. 8,25 усл. кр.-отт. 9,41 уч. изд. л.  
Тираж 10 000 экз. Зак. № 1517. Цена 30 коп.  
Издательство "Высшая школа", 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Набрано на наборно-пишущей технике издательства. Отпечатано в Ярославском полиграфкомбинате "Союзполиграфпрома" при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

